Андрей Ветер

Воспевающие битву

Скальпы, лошади, женщины

Издательские решения
По лицензии Ridero
2019

УДК 94
ББК 63
В39

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Ветер Андрей
В39 Воспевающие битву : Скальпы, лошади, женщины / Андрей Ветер. — [б. м.] : Издательские решения, 2019. — 304 с.
ISBN 978-5-4485-7991-2

Книга рассказывает о традиционном укладе и военных навыках пяти племён Верхнего Миссури и представляет собой критический разбор монографии Эдвина Денига «Five Indian Tribes of the Upper Missouri».

УДК 94
ББК 63

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4485-7991-2

Предисловие

Однажды мне в руки попала книга Эдвина Денига «Пять индейских племён верхнего Миссури» (Edwin Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»), и я решил перевести её на русский язык. Однако в процессе работы я обнаружил, что мой интерес к Денигу стал угасать. Я не люблю критиковать, но читая Денига, я ощутил потребность оспорить его — человека, жившего на берегах Миссури и собственными глазами видевшего многих участников событий тех далёких лет, а если и не оспорить, то уж разобраться в его неточностях и заблуждениях. И я стал обсуждать переводимый материал сам с собой, делая комментарии. В результате сложилась совершенно другая книга. Я не осмелюсь сказать, что она новая, так как сегодня практически невозможно сообщить что-либо новое о жизни американских туземцев девятнадцатого столетия, всё давно известно. Но эта книга не дениговская.

Это вовсе не означает, что я считаю Денига бесполезным автором. Дениг остаётся Денигом, он — свидетель своего времени и ценен именно тем, что собственными ушами слышал голоса *тех* индейцев, *тех* охотников, *тех* купцов, втягивал ртом и носом *ту* пыль, намокал под *тем* дождём, изнывал под *тем* солнцем. Но для него те далёкие времена были днями вполне заурядными, ничем не примечательными, обыкновенными. Иногда было скучно, иногда — страшно, иногда — весело или грустно. Для него это было такое же обыкновенное «сегодня», как для нас наши дни. И эта самая повседневность зачастую не позволяла ему и его товарищам увидеть чего-то очень важного, как и нам сегодня наша «замыленность» глаз нередко мешает разглядеть нечто существенное в наших буднях.

В качестве примера я хочу привести записи из ежедневника форта Кларк, из которого можно узнать массу любопытных деталей о каждодневном, однообразном существовании жителей пограничья. Этот ежедневник наглядно демонстрирует, что Шардон, будучи главой форта, часто был весьма невнимателен к своим собственным заметкам.

Пример первый:

«7 августа, четверг. Ложная тревога в деревнях. *Утром сильный дождь*».

«8 августа, пятница. Приятная погода. *Дождя не было с 23 числа прошлого месяца*».

Каким образом можно так ошибиться, написав вчера, что лил *сильный* дождь, а сегодня утверждать, что дождя не было уже чуть ли не половину месяца? Вполне вероятно, что некоторые записи делались не в тот день, как указывает число, а много времени спустя одним махом заполнялась целая страница — служащий форта выполнял неинтересную для него обязанность, думая о чём-то постороннем и когда забылись уже все детали прошедших дней.

Пример второй:

«Воскресенье, 9 августа. Индейская церемония в деревне».

«Вторник, 11 августа. Дождь. Магический танец в деревне, *продолжавшийся четыре дня*, сегодня завершился».

Опять неточность. Шардон указывает на начало церемонии 9 августа, а 11 августа говорит о завершении *четырёхдневной* церемонии (танца). Либо он «проморгал» начало церемонии, очень серьёзной церемонии (скорее всего Окипа), либо эта церемония продолжалась не четыре дня, как он указал при её завершении. Здесь я объяснюсь по поводу точности. Дело в том, что в ежедневники торговых постов заносились зачастую самые мелкие события: кто-то увидел на противоположном берегу реки несколько бизонов, кто-то напился до потери сознания и был за это выпорот, кто-то отправился на охоту, кто-то убил крысу и т. д. Так что начало важнейшей летней церемонии племени не могло остаться без внимания в *ежедневнике*, ибо такие массовые события и приготовления к ним всегда накладывали отпечаток на торговлю: она становилась активнее, так как праздники требовали обилия товаров.

Вот ещё один пример: «Понедельник, 12 июня. Сегодня ночью приехали остальные из военного отряда Манданов, выступившего в поход 15 мая. Пригнали с собой трёх лошадей. Подтвердили известие о гибели двух человек. Один ранен».

Но в дневнике Шардона *нет записи от 15 мая о военном отряде Манданов*. Он писал о военном отряде Арикаров: «Понедельник, 15 мая. Военный отряд Арикаров отправился утром против Янктонов, чтобы отомстить за смерть соплеменников, погибших восьмого числа прошлого месяца. Большебрюхие сообщили, что двое из их племени погибли от рук Ассинибойнов, пока занимались вяленьем мяса». Вот и всё об индейцах за 15 число. Ни слова о Манданах, уехавших воевать. Я подсчитал общее число Манданов, вернувшихся из похода, которых Шардон записывал по ме-

ре их появления в форте, и приплюсовал тех, кто не вернулся, вероятно, погибнув. Получилось 37 человек. Странно, что Шардон не упомянул о выступлении 15 мая отряда Манданов числом почти в 40 человек! Это крупный военный отряд.

Кому-то мои рассуждения могут показаться придирчивым собиранием неточностей в дневниках давно ушедших авторов. Однако моя цель состоит именно в том, чтобы показать на примере одной лишь книги, что исторические документы, которым мы привыкли доверять, зачастую *кишат* ошибками и неточностями, которые накапливаются и в конце концов превращаются в существенные противоречия. Это относится абсолютно ко всем материалам. Кто-то выдаёт слухи за собственное свидетельство, но в конце концов выясняется, что автора там вовсе не было. Кто-то выставляет что-то чуть иным боком… И вот история становится насквозь пропитанной ложью и домыслами, факты приобретают принципиально иное звучание, действительность превращается в миф.

Но я должен вернуться к Денигу, ибо его труд — основной предмет моего обсуждения.

Эдвин Дениг родился 10 марта 1812 года в Пенсильвании в городе Страдсбург. Его отец, Джордж Дениг, был преуспевающим терапевтом, а мать, Элиза Дениг, была ничем непримечательной женой и домохозяйкой. Весной 1833 года Дениг поступил на службу в Американскую Пушную Компанию и вместе с Александром Калберстоном отправился на Дальний Запад. Если судить по сохранившимся бумагам, его жалование составляло 400 долларов в год. Вверх по Миссури Дениг плыл на пароходе «Ассинибойн», затем пересел на «Йелоустон» и в мае добрался до форта Пьер. Пароходы ходили по Верхнему Миссури уже второй год. Среди прочих пассажиров на борту находились знаменитый принц Максимильян и сопровождавший его художник Карл Бодмер. С этого года начался отсчёт двадцати трёх лет, которые Де-

ниг провёл в качестве торговца в окружении диких племён. Судя по всему, молодой Дениг умело справлялся со своими обязанностями, так как во вторую зиму своего пребывания на верхнем Миссури (1833—1834) он уже занимал должность начальника небольшого торгового пункта, подчинявшегося форту Пьер. Этот торговый пост стоял на Вишнёвом Ручье на территории племени Титон. Весной 1837 года Дениг был назначен главным клерком и бухгалтером форта Юнион (на реке Миссури близ устья Жёлтого Камня). В своём письме в форт Пьер от 25 марта 1837 года он сообщает, что вполне доволен своим положением и что форт Юнион пришёлся ему гораздо больше по душе, чем форт Пьер. Там он взял в жёны индейскую девушку, которая вскоре родила ему сына. В том же году в форте вспыхнула эпидемия оспы, Дениг тяжело заболел, но сумел победить страшный недуг. В 1843 году в форт Юнион приплыл известный художник-натуралист Джеймс Одубон, и Дениг всячески помогал ему в сборе разного материала, а также оказал огромную услугу, раздобыв голову захороненного неподалёку индейского вождя. Тогда же началась и писательская деятельность Денига, он сделал самое детальное из всех существующих описание форта Юнион. К тому моменту он исполнял обязанности начальника конторы торговой компании в форте Юнион, что по нынешним меркам можно сравнить с начальником отдела. Главным управляющим форта был Александр Калберстон. Чарлз Ларпентер *сильно критиковал Денига за его пристрастие к спиртным напиткам*, о чём свидетельствует его доклад в январе 1844 года о том, что Дениг из-за беспробудного пьянства не смог отправиться на скупку бизоньих шкур в стойбище Кри в Лесистые Горы. Сам Дениг не скрывал любви к алкоголю. В те годы пьянство было свойственно всем обитателям торговых постов, ибо занять себя чем-то иным они не умели. В декабре 1849 года Дениг писал Александру Калберстону, ожидая его весеннего приезда в форт Юнион: «Я был бы весьма признателен тебе, если бы ты

прихватил специально для меня бочонок старого виски галлонов на пять (почти 20 литров). Я бы с удовольствием поднимал его за твоё здоровье от случая к случаю...» Пристрастие к выпивке во всех торговых постах тоже может служить объяснением неточностей в ежедневниках и прочих документах. Клеркам и счетоводам случалось иногда пить от беспробудной скуки несколько дней подряд, затем они приходили в себя и судорожно заполняли всякие формуляры, составляли отчёты и т. п. Как уж тут не ошибиться, сколько индейцев приезжало неделю назад и сколько из них погибло в пьяной драке? Летом 1851 года знаменитый священник Де Смет провёл в форте Юнион более двух недель. Он нашёл, что Дениг был не только хорошим знатоком индейских племён, но и симпатизировал дикарям, что было характерно далеко не всем жителям Дальнего Запада тех времён. Де Смет вдохновил Денига на написание ряда заметок о дикарях. В 1852 году в форт Юнион прибыл Рудольф Курц, молодой шведский художник, посвятивший много страниц своего дневника жизни в форте и встречам с Денигом. Он отмечал, что Дениг держал всех своих подчинённых «в кулаке». Курц обратил внимание на то, что Дениг обладал незаурядными способностями в области торгового дела. Дениг понимал, что дружеские отношения с индейцами следовало поддерживать не только за счёт успешного товарообмена. Дениг женился на Маленькой Оленихе, сестре вождя Ассинибойнов по имени Летящий Впереди, в результате чего тот стал прилагать особые усилия для развития торговли.. Это была уже вторая жена Денига. Обеих своих женщин он заставлял носить европейскую одежду, настаивал на том, что это заметно улучшало человеческие качества и делало всякого человека более цивилизованным и благородным. Он твёрдо стоял на той точке зрения, что никому из его служащих не следовало носить индейские наряды, потому что такая одежда «упрощает людей и легко приводит их к деградации». Старшая жена Денига заболела, но он не бросил её.

Она родила ему первого ребёнка, остальных родила ему вторая индеанка: Сара появилась на свет 10 августа 1844 года, Александр — 17 мая 1852, Ида — 22 августа 1854 года. На индейской территории не было школ, а Дениг хотел, чтобы его дети учились, и он отправил Роберта, своего старшего сына, в Чикаго. Теперь пришёл черёд младших. Летом 1855 года он поехал в Охайо, взяв с собой жену-Ассинибойнку и её детей, однако климат Охайо показался им чересчур жарким, и уже 28 ноября того же года вся семья возвратилась в форт Юнион. На следующий год они переехали в Канаду на Красную Реку, где Дениг скончался 4 сентября 1858 года после непродолжительной болезни.

Дениг делал много записей, и это говорит о его врождённом трудолюбии, ведь эта деятельность была для него добровольной. Среди его работ можно встретить даже некоторые материалы очень специального назначения. Так, например, медицинский журнал Сент-Луиса опубликовал его пространную статью «Свидетельства о медицине и хирургии индейцев Кри, записанные непрофессиональным наблюдателем, который жил среди них несколько лет и был знаком с их языком, обычаями и нравами». Однако Денига ни в коей степени нельзя называть историком, равно как и подавляющее большинство других торговцев и путешественников, которые оставили свои свидетельства о быте и нравах дикарей. Материалам Денига не свойственна даже самая малая аналитика, они представляют собой перечисление фактов. Бесспорно, история не может обойтись без фактов, точнее говоря, её просто не было бы, если бы никто не фиксировал факты. Но рано или поздно количество должно переходить в качество. Возможно и даже скорее всего, Дениг не ставил перед собой никакой цели, кроме пересказа того, что приходило ему на память. Но он, к сожалению, в этом зачастую бывал неточен. Он мог подробно изложить детали столкновения Арикаров с Ассинибойнами и назвать дату этого сражения, но теперь

выясняется, что в своих письмах, отосланных кому-то «по горячим следам этого сражения» он указывал совсем другие племена. Получается, что его совершенно не беспокоила историческая точность его воспоминаний, он даже не пытался восстановить что-либо по документам, хранившимся в форте и у него дома. И поскольку таких неточностей в его «Пяти племенах верхнего Миссури» достаточно, то невольно возникает вопрос, насколько этот автор и ему подобные заслуживают доверия? И всё же он — человек, видевший многое собственными глазами, и потому, несмотря на многие огрехи его книги, представляет большой интерес как один из первоисточников. Разумеется, он не был первым, кто зафиксировал на бумаге жизнь индейцев верхнего течения Миссури. Первейшим письменным свидетельством принято считать сообщения торговца Пьера Ла Верендри, посетившего племя Манданов в 1738 году. Затем Жан-Батист Трудо поведал о жизни Арикаров. А в 1804 году по Миссури прошла знаменитая экспедиция Кларка-Льюиса, оставившая дневник долгого похода.

Как-то уж само собой сложилось мнение, что в жизни аборигенов Верхнего Миссури девятнадцатого столетия произошло два события, перевернувших их жизнь. Первое из них — экспедиция Кларка-Льюиса, второе — эпидемия оспы 1837 года. Что касается приезда Кларка и Льюиса, то результаты этой экспедиции имели гораздо большее значение для белых людей, чем для туземцев. В индейских календарях (так называемых Перечнях Зим) появлению этих белых людей не придавалось особого значения; индейцы просто не осознавали, что за событие произошло: эта экспедиция положила начало настоящему широкомасштабному покорению западных земель, а индейцы раз и навсегда превратились в неотъемлемую часть мира белых людей. Что же касается оспы, то здесь мнение историков не разошлось с мнением краснокожих: болезнь, завезённая на пароходе, нанесла сокрушительный удар по большинству пле-

мён, почти поностью уничтожив их.

Несмотря на многие очень любопытные свидетельства, целые пласты жизни туземцев остались за пределами наших знаний. Сегодня их уже не восстановить, ибо нынешние индейцы полностью приобщились к «цивилизованному» миру белых людей и превратились в настоящих американцев. О многом можно лишь догадываться, и хорошо, если обнаруживаются хоть какие-нибудь косвенные упоминания о том, что может помочь в восстановлении картины далёкого прошлого. А нерешённых вопросов по мере погружения в историю становится больше и больше. Мне интересно знать, как индейцы чистили зубы и как ходили справлять нужду; мне хочется знать, отводились ли для этого специальные места? И т. д. Не раз я слышал ханжеские голоса: «Подобные вопросы совершенно бессмыслены, бестактны, неэтичны». После выхода в свет моей книги «Хребет Мира» меня упрекали в том, что я «готов залезть даже под набедренную повязку индейцам». Не стану возражать, потому что понять культуру народа можно только в одном случае: познав её целиком, заглянув в самые потаённые углы. Написанная людьми история может быть многоцветна, а может быть безликой, но истинная история не бывает бесцветной. Скрытая сторона жизни, внезапно открывшаяся любопытному взору, не делает и не может сделать жизнь менее достойной нашего внимания. Сами индейцы вовсе не стеснялись выяснять такие вопросы, потому что они были уверены, что должны были знать всё. Они стремились удовлетворить своё любопытство любыми способами, не считаясь с чувствами белых людей. Голландский путешественник Ван Ден Богаэрт вспоминал: «Они все, и молодые и старые, так осматривали нас, что мы с трудом пробивали себе дорогу. Они толкали друг друга поближе к огню, чтобы лучше разглядеть нас, и была уже почти полночь, когда они разошлись. Днём мы не могли даже отлучиться по нужде, потому что и в это время они бродили вокруг нас, не испытывая никакого стыда». Они хотели удостовериться в том, что бело-

кожие пришельцы делали всё (в физиологическом смысле) так же, как и сами индейцы. Это означало, что пришельцы — такие же люди, что у них такие же кишки, мозги, желания, страсти.

Миклухо-Маклай, путешествуя по островам Океании, не позволял себе обходить стороной ни способы изготовления плетёной посуды, ни позиции партнёров во время сексуальных сношений. Он тщательно фиксировал, каким образом делалось оружие, обрабатывалась кожа убитых зверей, строились хижины, готовилась еда, протыкались семянные каналы мужских половых органов и т. д. Ничто не казалось ему мелким, всё было важным, ибо всё, что он видел, было жизнью. Информация о личной жизни и тем более о правилах гигиены (если бы таковой информации было достаточно) дала бы более точную характеристику «примитивных народов». Ведь несмотря на обилие всевозможных медицинских, воинских и тайных обществ, у индейцев не было общественной структуры, которая занималась бы, например, уборкой территории. Институт ассенизаторов был чужд им, человеческие испражнения (равно как испражнения домашних животных) оставались где угодно. Существуют, например, свидетельства семнадцатого века о Команчах, в которых утверждается, что эти индейцы, несмотря на всеобщую привычку купаться в реке при любой погоде, воспринимались испанцами как весьма нечистоплотные люди. Хуберт Бэнкрофт указывал в своём отчёте за 1867 год правительству США: «Они испражняются прямо подле своих жилищ; они оставляют отбросы всех видов — мёртвых животных, их шкуры — непосредственно около жилья». Для кочевой деревни это не имело большого значения, так как при переездах людей с места на место мусор оставался гнить далеко позади, однако для оседлого племени этот вопрос весьма важен, ведь окрестности рано или поздно должны были превратиться в смрадную свалку. Кроме того, если деревня была обнесена частоколом (например, у Манданов), то «туалет» внутри этой

огороженной территории заставил бы задохнуться население от запаха экскрементов, ведь никакого подобия канализации там не существовало. Что же касается выхода по нужде за пределы ограждения, то это было сопряжено с постоянной угрозой нападения со стороны притаившегося где-нибудь вражеского лазутчика.

Впрочем, это (опасность прогулок за пределами деревни) относится ко всем стойбищам, кочевым и оседлым. Хорошо известно, что индейцы не гнушались нападением на одиноких женщин или неосторожных любовников, уединившихся подальше от глаз любопытных соплеменников.

Руфь Ландерс обращает внимание на то, что индейцы очень беспокоились за безопасность женщин, находившихся во время менструального цикла в удалённых от общей деревни хижинах, где проходило очищение. Эти женщины зачастую становились первейшими жертвами при нападении врагов, хотя известно, что женщины в таком состоянии считались почти неприкасаемыми (во многих племенах даже взгляд такой «нечистой» женщины, брошенный на кого-либо, считался оскверняющим и разрушающим воинскую силу). В этом случае возникает вопрос: как нападавшие осмеливались прикасаться своим оружием к «нечистым» женщинам? Обязаны ли они были проходить после этого церемонию очищения? Если нет, то получается, что значительная часть их мировоззрения, казавшаяся многим первопроходцам непоколебимой базой для всех их поступков, была лишь пустым звуком! Впрочем, кто знает, какие они?

В книге «Автобиография индейца Виннебаго» есть место, где автор вспоминает период своего отрочества, когда родители направили его поститься и искать духов. Автор рассказывает весьма скупо, но его слов достаточно, чтобы сломать привычные представления об однозначности табу, существовавших у краснокожих племён. Я привожу фрагмент из названной книги: «В то время индейцы жили в палатках и непременно помещали женщин, у которых насту-

пал менструальный период, в отдельные жилища. Молодые люди ходили к тем женщинам по ночам тайком от родителей, когда те спали. Юноши проникали в палатки уединённых женщин. Я тоже отправлялся с молодыми людьми в такие любовные походы, и хотя сам никогда не входил внутрь тех женских палаток, мне нравилось само приключение. Мои родители опасались, что я мог вступить в контакт с женщиной, у которой были „месячные", поэтому я ходил тайно. Мои родители предупреждали меня, чтобы я даже не ходил по одной тропинке с женщиной в таком положении. Причина их больших опасений заключалась в том, что я должен был начать поститься ближайшей осенью. Вот почему они не хотели, чтобы я прибижался к женщине в период её менструации. Ведь тот, кто растёт в окружении таких женщин, становится слабым. Вскоре я снова стал поститься днём и ночью вместе с моим старшим братом. Это было во время осеннего кочевья, и с нами жили ещё несколько семей. Среди них было четыре девочки, в обязанности которых входил сбор хвороста. Когда эти девочки отправлялись в лес за дровами, я и мой брат всегда играли с ними. Мы играли с ними, несмотря на то, что мы постились в то время. Нам, конечно, приходилось держать это в тайне. Но всякий раз, когда родители узнавали о наших гуляниях, нам устраивали хорошенькую взбучку, а родители девочек задавали трёпку своим дочерям. Дома мы строго соблюдали правило держаться на приличном расстоянии от женщин в период их „месячных", но мы не были столь щепетильны, уходя их нашей палатки» («The Autobiography of a Winnebago Indian», Journal of American Folk-Lore).

***

Индейцы. Густо покрытые жирной краской лица, плечи, руки, ноги. Диковинные головные уборы, сделанные из перьев орла и отрубленных голов четвероногих хищников. Леденящие кровь победные кличи. Связки отрезанных

пальцев и половых органов. Стрелы, топоры, ножи, дубины с каменными набалдашниками. Пронзительные песни под гулкие удары барабанов и шум погремушек.

Индейцы. Дикие жители американской земли. Им неведома романтика, но хорошо знаком призывный голос крови. Их понятия о благородстве и чести в корне отличались от наших.

Индейцы. Они многих очаровали. Но они совсем не такие, какими их привыкли считать.

Ещё раз хочу подчеркнуть, что я не открываю ничего нового. Я лишь собрал из множества уже написанных книг те стороны индейской жизни, которые кажутся мне наиболее любопытными. Поскольку каждый имеет определённое суждение о «краснокожих дикарях», то эта книга не сможет никого удовлетворить полностью. Стендаль был абсолютно прав, заявив однажды: «Одинаково трудно удовлетворить читателей, когда пишешь о предметах либо малоинтересных, либо представляющих слишком большой интерес». Если скомпонованные мною материалы наведут пытливого читателя на ту или иную мысль, зародят какие-то вопросы или подтолкнут к решению уже назревших, я был бы только рад этому.

И немного о языке. В бумагах Денига, Шардона и большинства других торговцев, оставивших записи до 1850 года, постоянно встречаются имена собственные на французском языке, будь то прозвища людей, названия родовых общин или местностей. Приведу здесь в качестве примера фрагмент из письма Гамильтона к Кеннету Мак-Кензи, отправленного 17 сентября 1834 года из форта Юнион: «Вечером в день вашего отъезда к мистеру Сэндфорду приехали молодой Gauche, Le pelet Soldat, Le Chef que Parle, Le Capot Bleu и много других. Двое последних отправились через несколько дней в деревню Ворон, с тех пор о них ничего не слышно, возможно, их убили. Генерал Джексон разыскивает их, готовый к войне и к миру. Несколько юношей, сопровождавших

Le Chef que Parle, украли пять лошадей у мистера Туллока... 29 августа возле форта стояло 170 палаток группы Gens de Canot, 40 палаток Gens des Fille и 20 палаток с Генералом. С ним был его отец и La jambe blesse. Le Grand Soldat, La souris qui marche & Le Chien fou все вместе ушли к la bute du Sable; они там оставались несколько дней, но у меня оказалось с ними гораздо меньше хлопот, чем я думал». Обратите внимание на обилие французских слов. Среди купцов и трапперов Верхнего Миссури было великое множество французов, и их язык естественным образом проник в английскую речь. При переводе текста на русский язык я всегда оставлял без изменений эти французские слова в том виде, как они фигурировали в документах.

Помимо этого, я отказался от употребления ошибочно появившегося в русском языке слова СИУ, решив употреблять истинные названия племён (Лакота, Дакота, Янктон и другие, которым безграмотность писателей и переводчиков без всякой причины навесила на многие годы клеймо Сиу). Там же, где в цитатах из оригинальных текстов встречается термин Sioux, я заменил его на СЮ. Sioux — французское написание слова, взятого из диалекта Алгонкинов, и произноситься оно как СЮ. Англоязычные американцы оставили произношение прежним, но в силу своей лености или ограниченности не изменили написание на Soo, чтобы оно хоть как-то соответствовало французскому звучанию. Впрочем, в последнее время наметилась положительная тенденция — в Америке всё чаще вместо Sioux употребляется Lakota или Dakota.

Итак, название *Сю* есть ни что иное как производное от *Надоуессюак*, относящееся к одному из диалектов алгонкинского языка и переиначенное французами на свой лад. Во второй половине 1600-х годов племена Алгонкинов штата Висконсин, возглавляемые племенем Оттава, начали предпринимать активные попытки с целью изгнать Дакотов с земель, которые считали своими. Единственными со-

юзниками Дакотов в те годы были Оджибвеи Верхнего Озера и Айовы той территории, которая сегодня называется штатом Айова. Однако прошло время, и Оттавы сумели возбудить в Оджибвеях вражду к Дакотам. В дополнение к этому англичане установили свои торговые посты на берегах Гудзонова залива, где Ассинибойны и Кри стали приобретать огнестрельное оружие и принялись наносить по Дакотам мощные удары с севера, в то время как Алгонкины и Иллинойсы нападали с юга. Дакоты начали своё переселение на запад. Устная традиция утверждает, что Айовы (до того, как сделаться союзниками Дакотов) тоже были изгнаны с берегов реки Миннесота. Вместе с Айовами на запад отправилось и племя Ото. Именно Оттавы первоначально называли их — Надоуессюак, то есть «враги». Отец Андрэ в «Реляциях иезуитов за 1676 год» относил название Надоуесси-Маскоутен (то есть Надоуесси-Живущие-В-Прерии) к племени Айовов. Большинство других иезуитов в 1660—1690 годах называли словом Надоуесси-Маскоутен как Отов, так и Айовов. Но так как наименование Надоуесси (во множественном числе Надоуессюак) было слишком громоздким для разговора, оно само собой сократилось до короткого Сю. Мало-помалу это название стали относить и к Дакотам, перебравшимся из Миннесоты в прерии и ставшими не только соседями Айовов, но и союзниками. Название Сю стало относиться к целой группе враждебных племён. В 1689 году Алгонкины несколько раз пытались воспрепятствовать торговцу по имени Никола Перро торговать с Дакотами, но Дакоты сами приходили к его укреплению и неоднократно прогоняли оттуда своих недругов. Каждый раз Алгонкины называли их Надоуесси. Утвердившись на берегах Миссиссипи, Сю-Дакоты начали устраивать настоящие погромы в деревнях своих врагов. Французы вспоминали, что Сю собирали целые флотилии каноэ, спускались вниз по реке, нанося непоправимый урон врагам. В результате таких налётов была полностью

разрушена торговля французов с береговыми племенами, которую европейцы налаживали с невероятным усердием многие годы. Численность прерийных Дакотов неуклонно возрастала, и в конце концов они стали безраздельными хозяевами огромной степи. Айовы, к которым французы первоначально прилепили имя Сю, ушли в тень, и название осталось за Дакотами. Через каких-нибудь пятьдесят лет никто из нового поколение белых переселенцев уже не называл Дакотов иначе как Сю.

Есть ещё один момент, на котором я хотел бы остановить внимани читателей. Я пишу слово *Бледнолицый* с большой буквы, как и любое имя собственное, ибо для индейцев это был не уничижительный термин (как для белых людей «черномазый», «краснокожий», «желтолицый», «косоглазый»), а такое же название народа, как Плоскоголовые, Черноногие, Камневарильщики и прочие. Индейцы не делали большого различия между французами, голландцами, испанцами, англичанами (хотя в некоторых индейских языках можно встретить слова, обозначающие именно французов, голландцев или англичан); любой европеец был для них представителем большого племени Бледнолицых. Более того, когда индейцы равнин впервые увидели негров, они даже этих *явно небледнолицых* отнесли к племени Бледнолицых, называя их Чёрными Бледнолицыми и Чёрными Белыми Людьми.

Поселившиеся на равнинах

Название «Титон» или «Титон-ван» происходит от слов «тинта» (прерия) и «тонванъяпи» (жить в каком-то месте, обитать). Санти-Дакоты называют Титонов словом «витантанпи», что можно перевести как «показная гордость», считая Титонов чрезмерными гордецами. Любопытно отметить, что от названия племени произошло новое слово, обозначающее гордость — «титонвансе» (это при том, что в языке Дакотов и до того существовали уже три слова, обозначающих гордость: ваханичида, вамнаичида, витантан). Неужели слов не хватило? Или их гордость была осо-

бенной? Надо полагать, что поведение Титонов было столь характерным на определённом этапе, что термин «титонвансе» просто не мог не возникнуть.

Сами же Титоны чаще называют себя иначе — Лакота.

Дениг пишет в книге «Пять племён Верхнего Миссури»: «Страна, которую великая нация Титонов считает своей, невероятно обширна. Начинаясь на северо-востоке у берегов Говорящего Озера (Lac qui Parle) воображаемая линия границы тянется в северо-западном направлении, захватывая Дьявольское Озеро (Lac du Diable), затем отклоняется на юго-запад, огибает с внешней стороны Черепашьи Горы (Turtle Mountains) и истоки реки Пембинар (Pembinar River) и упирается в реку Миссури (Missouri River) возле устья Яблочной Реки (Apple River) ниже деревни племени Большебрюхих. Пересекая Миссури, граница бежит к Большой Реке (Grand River), где обитает племя Арикаров, и достигает Пыльной Реки (Powder River). Отсюда невидимая линия продолжает тянуться вдоль гряды Чёрных Холмов (Black Hills) в южном направлении и достигает форта Ларами на реке Платт (Platt River), оттуда граница двигается вдоль реки на восток до слияния L`eu qui Court и Миссури, затем вдоль Миссури до устья Большой Реки Сю (Big Sioux River). Отсюда граница следует вдоль русла указанной реки на северо-восток, захватывая бассейн реки Вермилион (Vermilion River) и Riviere aux Jacques, упираясь в Говорящее Озеро. Это и есть территория, которую Сю называют своей на переговорах с правительством США».

Во второй половине девятнадцатого века Титоны называли территорию Чёрных Холмов землёй своих предков и с яростью отстаивали эту территорию во время нашествия европейцев, хотя сами вторглись в Чёрные Холмы совсем незадолго до того. Титонам хватило жизни одного поколения, чтобы Чёрные Холмы превратились в «священную землю предков», хотя в той земле было погребено куда больше костей Кайовов и Шайенов.

Титоны, как и другие индейцы, мало интересовались своей действительной историей. Гораздо больше их занимала мифическая сторона этого вопроса, нашедшая своё воплощение в устной традиции, и память о личных подвигах, нередко фиксировавшаяся в виде примитивных рисунков на личной одежде. В определённых учёных кругах бытует мнение, что индейцы, не будучи знакомы с письменностью, являются народами без истории. Историк Леопольд фон Ранке считал, что у них не происходило никаких изменений, поэтому он решительно относил индейцев к категории «племён вечного застоя». Рудигер Скотт, напротив, подробно занимался проблемой истории народов, не имеющих письменности, и пришёл к заключению, что у всех нам известных этнических групп прошлое воспринимается не как нечто само собой разумеющееся или не имеющее интереса, а что события, произошедшие в прошлом, рассматриваются как имеющие значение для настоящего и будущего соответствующей группы, и делаются предметом раздумий и преданий. Конечно, эти точки зрения можно оспаривать.

Бесспорным фактом является то, что была среди дикарей категория людей, которую можно было бы смело назвать историками, точнее — хранителями истории, ведь они ничего не исследовали, а лишь фиксировали события прошлых лет в пиктографических записях (так называемый Перечень Зим — «ваньету йавапи»; «ваньету» — зима, «йава» — считать). Факты истории фиксировалось в нехитрых рисуночках Перечня Зим. Рисунки выполнялись важными людьми, часто руководителями общины. Рисунки наносились на кожу, чаще всего по спирали, начиная с центра. Каждое изображение служило напоминанием о наиболее существенном событии года. Поэтому годы различались не по нумерации, а по своим названиям. Каждый год определялся по главнейшему событию, каким могла быть смерть кого-нибудь из известных людей или редкое природное явление. Таким образом человек обычно указывал свой воз-

раст, то есть не количеством прожитых лет, а называл год своего появления, например: «Я родился в год, когда Сломанное Крыло был заколот копьём». В случае необходимости он мог определить и количество своих лет, просчитав события летописи назад («хекта йвапи» — обратный счёт).

Любопытно, что у Титонов слово «омака» одновременно означает сезон, полугодие и целый год. Год у американских племён определялся именно зимним периодом, а не летним, как у славян («В лето 6370 изгнаша Варяги за море...» и т.д.) Что касается зимы, то у индейцев она наступала лишь с выпаданием снега — покуда снег не покрыл землю, продолжалось лето (по нашим понятиям осень, а согласно взглядам индейцев — просто «не зима»); лето, если не выпадал снег, могло тянуться до самого января. Поэтому зима могла быть то короче, то длиннее, соответственно, лето удлинялось и укорачивалось.

Существовало три основных способа расположения знаков в пиктографических Перечнях Зим Лакотов: спиральный, знаки которого чаще всего располагались по спирали от внутренней точки к внешним краям; прямоугольный (то есть тоже спиралевидный, но с прямыми углами); линейный, знаки которого записаны по линиям, начинающимся непременно в левом верхнем ряду, они читаются по очереди слева направо, затем справа налево и т. д. В любом случае цепочка изображений получалась непрерывной. Перечни, зафиксированные не только рисунками, но и предложениями, возникли, естественно, только после обучения индейцев письму на лакотском языке. Перечни Зим, записанные предложениями, относятся к периоду не ранее второй половины девятнадцатого столетия. Традиционные же Перечни имеют форму примитивных рисунков и выполнены на коже.

Вот некоторые примеры из хорошо известного этнологам Перечня Зим Железной Раковины, начатого ещё его прадедом. Календарь сперва фиксировал события, происходившие с общиной Миниконжей, затем с общиной Сичан-

гов, среди которых он поселился. Первую «запись» принято называть Пришёл-Хороший-Белый-Человек (1807). Белый человек пожал руку, принёс подарки и еду для всех и показал какой-то документ, но никто из Лакотов не знал, о чём гласила бумага, так как среди них не нашлось переводчика... 1813 год запомнился как Человек-С-Ружьём. Военный отряд Лакотов убил индейца из племени Поуни, который держал в одной руке ружьё, в другой — шомпол. Событие попало в календарь по той причине, что это, вероятно, было первое огнестрельное оружие, которое увидела данная община. Иначе фиксирование убийства одинокого индейца-Поуни вряд ли имело бы смысл. Мало ли было убито одиноких врагов?.. 1817 год отмечен как Смерть Костяного Браслета; Костяной Браслет был отцом Подстреленного-В-Пятку и первым хранителем календаря... Оспа, страшная болезнь, была катастрофой для всех равнинных индейцев, и 1818 год ознаменовался Оспой. 1845 и 1850 годы тоже носили имя этой беспощадной хворобы... Большая Раздача Подарков (1851) указывает на первые переговоры в форте Ларами на берегу реки Платт. Там правительственные чиновники выдали множество подарков индейцам...

Джордж Хайд, чьи работы давно попали в разряд классических, обратил внимание на то, что «когда хранители Перечня Зим объясняли смысл рисунков календаря, стало очевидно, что память хранителей вовсе не лучше памяти рядовых членов племени. Конечно, они знали смысл пиктографий, фиксировавших ежегодные события, но когда дело доходило до происшествий шестидесятилетней давности, хранители с большой неуверенностью расшифровывали смысл рисунков». Впрочем, Хайд не был специалистом в этой области и за время своей работы познакомился лишь с девятью Перечнями Зим Лакотов и тремя календарями Кайовов.

И всё же нельзя не согласиться с его высказыванием, что Перечни Зим не могут служить поставщиком *исторически*

точной информации. Хотя нет никакого сомнения в том, что они являются носителями исторического материала, так что глубокое изучение Перечней Зим может поведать много любопытнейших деталей о событиях периода первых контактов индейцев с белыми, особенно о частных случаях жизни примитивных племён. Впрочем, примитивные рисунки, сколь значительной ни была бы скрытая в них информация, никогда не смогут пролить действительно яркий и всеобъясняющий свет на далёкую историю. Слишком условны эти рисуночки, слишком широка (если не сказать беспредельна) возможность их трактовки. Даже сделанные самими индейцами расшифровки пиктографий на родном языке далеко не всегда отвечают на возникающие вопросы. Представьте себе год, обозначенный как «Гибель Испражняющегося Оленя». Это явно был не простой человек, раз его смерть стала главным событием года. Само имя погибшего приковывает к себе внимание. У меня лично не может не возникнуть вопрос, откуда пришло к нему такое редкое имя? Это, конечно, любопытство белого человека, но меня история интересует именно с точки зрения белого человека, иначе не стоит заниматься ею. Второй вопрос: как он погиб, этот Испражняющийся Олень, при каких обстоятельствах? Смерть зафиксирована, но ничего не сказано о том, убит ли он в открытом бою или пал, нарвавшись на засаду?

«В ту зиму умерло много людей». Что значит «много»? Двадцать? Двести?

«Они сражались из-за женщины». Из-за какой женщины? Кто дрался из-за неё? Братья? Соплеменники? Иноплеменники? Свой защищал жену от врага или наоборот? Что важнее в данном факте — смерть женщины (женщина была особенной?) или схватившиеся мужчины (кто они? каковы их имена?).

«Умерло много беременных женщин». Почему? Неужели нельзя было хотя бы намекнуть на обстоятельства? Впрочем, обстоятельства, должно быть, интересуют именно ум

белого историка, но не индейца. Индеец зафиксировал только смерть многих беременных женщин. Для него важным было только это. Всё, что окружало этот факт, осталось вне поля зрения.

Нет, Перечень Зим не есть исторический справочник и не может быть таковым, поэтому к нему не следует предъявлять таких требований. Но даже будучи историческим *источником*, а не справочником, любой Перечень Зим слишком приблизителен. Любопытный материал для размышления предоставляет Роберт Лоуи в статье «Some Cases of Repeated Reproduction». Он рассказывает о том, как в 1910 и 1911 годах видел посвящение в Табачное Общество Абсароков. На одном из этапов церемонии какой-то мужчина с богатым военным прошлым, рассказывал хозяину палатки историю. Позже Лоуи просил пересказать эту историю для своих записей. Индеец трижды излагал её, и всякий раз Лоуи фиксировал некоторые вариации, от которых, правда, общий смысл совершенно не менялся.

Версия первая. «Они отправились в военный поход, и я был с ними. Люди побежали к укреплению. Одного врага убили, и я взял его ружьё. Затем я вернулся. Табак, который вы посадили, вырос богатым, когда я добрался до него. Табак рос густо, вокруг него было много ягод. После этого я вернулся. В лагере не было никого из больных. Вы мирно выращивали табак».

Версия вторая. «Я отправился с военным отрядом, убил врага и заработал один удар-подвиг. На моём сердце было хорошо, когда я вернулся. Я увидел много табака, который вы вырастили. Табак рос очень обильно. Я хотел посмотреть на табак и порадоваться. Я пошёл взглянуть на него. Он рос очень пышно. Вы, Вороны, спокойно кушали ягоды».

Версия третья. «Я сходил в военный поход успешно. Воины убили кого-то из врагов, и я захватил его ружьё. Вернувшись, я увидел ваши сады, полные зреющих ягод. Вокруг паслись многочисленные бизоны. Когда я вернулся и подъе-

хал к лагерю, я подал сигнал. Въехав в лагерь, я увидел, что Вороны жили мирно».

В данном случае очень важно, что в первом и третьем вариантах отсутствует упоминание о подвиге-прикосновении к врагу. Между тем, этот подвиг считался у всех равнинных кочевников самым почётным, куда более значительным, чем убийство врага. Однако два раза из трёх индеец упустил эту крайне важную деталь. В третьем варианте рассказчик говорит: «Когда я вернулся и подъехал к лагерю, я подал сигнал». Сигнал перед въездом военного отряда в родную деревню означал, что отряд вёз с собой военную добычу. Эта деталь присутствует лишь в третьем варианте. Возвращение с трофеями означало праздник с последующим дележом добычи — это существенная деталь. Исходя из этих коротких замечаний, можно сделать вывод о том, насколько легко забывали индейцы те или иные детали, от которых зависело трактование конкретного события.

В другом случае Лоуи рассказывает о том, как поинтересовался у одного индейца об истории его щита. «В 1910 году я купил священный щит, принадлежавший Жёлтой Брови. Через несколько лет Жёлтая Бровь поведал мне историю, которая заканчивалась битвой с *Дакотами*. В 1931 году (без малейшего упоминания о том щите) Жёлтая Бровь неторопливо, как того требовала традиция, изложил мне те же события, но завершил их сражением с *Шайенами*... Оба раза рассказчик вёл речь об одном и том же, это было очевидно. Он упомянул тех же участников: Боится Умереть, Играет-Своим-Лицом, Двуликий, Молодой Белый Бык. Кроме того, в каждом варианте присутствовали детали, указывающие на нервозность Двуликого перед боем, его желание плакать и петь священную песню и песни Общества Больших Собак, то есть речь шла о том же событии. И всё же в более подробном варианте явно фигурируют Шайены, а не Дакоты» («Some Cases of Repeated Reprpduction»).

Я привёл эти незначительные на первый взгляд случаи,

которые, тем не менее, являются примерами того, насколько зыбкой является устная традиция индейцев. Перечень Зим по сути своей представляет собой ту же устную традицию, имеющую при себе небольшие «шпаргалки» в виде примитивных рисунков. Поэтому говорить о Перечне Зим как об исторической хронике не приходится. Если уж живые носители информации, которая имеет отношение к их собственной жизни, путаются в ней, то что можно говорить о хранителях Перечня Зим, которые вынуждены были запоминать истории времён их прапрадедов?

Индейцы интересовались в основном событиями обозримой для них дальности потому, что об этом они могли «посудачить». Они плохо были знакомы со своей далёкой историей, если не сказать, что вообще не знали её. Во время переговоров в форте Ларами в 1868 году молодые Лакоты *искренне* называли Чёрные Холмы землёй *своих предков*. Но ни для кого не является секретом, что первые группы Дакотов, мигрировавших их Миннесоты, появились в Чёрных Холмах лишь в конце 1780-х годов, нагло приступив к вытеснению оттуда Шайенов и Кайововов. Когда путешественник Трудо встретил Титонов на равнине в 1794 году, они всё ещё называли землёй своих предков территорию Миннесоты. Традиция тех лет требовала, чтобы кости умершего были закопаны в родной земле, значит, большая часть умерших в те годы увозилась обратно на берега реки Миннесота. Следовательно, к 1868 году в земле Чёрных Холмов покоилось в действительности не так уж много предков.

Для маленьких детей прошлое воплощалось в стариках. По мере взросления и мужания детей эти старики уходили, и прошлое перетекало в облик очередных состарившихся людей, которые были такими же седыми, беззубыми и морщинистыми. Они не рассказывали ничего нового: те же хорошо знакомые с детства былины о смелых воинах, о кровопролитных драках, о зимнем голоде, об успешной охоте. История оставалась одинаковой до тех пор, по-

куда не происходило что-то особенное. Например, *первое* появление белого человека. Второе, пятое, десятое и прочие появления становились привычными и переставали запоминаться. Они могли случиться годом раньше или пятью годами позже, от этого ничего не зависело. Гибель известных воинов или какие-то победы тоже происходили то и дело, и на общем ходе монотонной жизни это никак не сказывалось. Относительная точность событий присутствовала только в памяти одного поколения. Далее всё смазывалось в однообразную картину одного дня, одного бесконечно долгого дня.

В каком-то смысле они являлись племенами «вечного застоя». Лишь с появлением европейцев, которые принесли с собой предметы быта, сильно повлиявшие привычный уклад, начались активные перемены в жизни американских туземцев. Впрочем, индейцы являют собой не что-то из ряда вон выходящее, а скорее наоборот — сконцентрированный сгусток примеров социальной и психической жизни наших современников. Наше «цивилизованное» общество по-прежнему ничего не знает и ничего не помнит. Я употребил выражение *цивилизованное общество*, но оно, мягко выражаясь, не очень точно. Правильнее говорить не о цивилизованном обществе, а об индустриальном, ибо только в техническом развитии проявляются действительные отличия *индустриального* общества от *традиционного*. Память большинства людей продолжает ограничиваться жизнью одного человека, большинство не интересуется более глубоким проникновением во временные слои, иначе на Земле давно установился бы иной порядок вещей. Но по-прежнему продолжаются споры из-за того, где, когда и почему была прочерчена та или иная граница, как и какому божеству следует поклоняться и пр. и пр. История России наглядно показывает, что граждане этой страны с лёгкостью забывают недавнее прошлое и без труда перевирают даже *прописанные словами* исторические сведения — иногда по незнанию, иногда целенаправ-

ленно. В годы сталинского режима недавняя история, участники которой были ещё живы и активно трудились, была с лёгкостью переписана и переиначена в Институте Красной Профессуры, многие имена активных революционеров без сдеда исчезли из истории. А через десяток лет историю перекроили ещё раз, с новыми поправками. И это всё — при живых свидетелях прошлого и при наличии письменных документов.

Что же говорить о пикографических летописях? Насколько искажённым становилось трактование того или иного рисунка?

***

Однажды зимой 1835 года три человека пустились в путь с берегов Вишнёвой Реки, намереваясь добраться до форта Пьер на Миссури. Они были канадцами и состояли на службе в Пушной Компании. Их сопровождал проводник-индеец. Им предстояло покрыть расстояние в 60 миль по пространству, лишённому лесного покрова. Стоял январь, уже выпал снег, но погода казалась тёплой. Путешественники имели в своём распоряжении две повозки, нагруженные мясом и жиром, предназначенными для гарнизона. Примерно на половине пути дорогу пересекал небольшой ручеёк, вливающийся в реку Титон. Именно там проводник предложил путникам сделать остановку:

— Надвигается буря.

— Откуда ты знаешь?

Индеец указал на небо: особый цвет, особое движение облаков, особый звук ветра где-то в вышине. Дикарь хорошо знал, о чём говорил.

— Нам потребуется дерево для костра и деревья для укрытия, — объявил он и пояснил, что в устье того ручейка стояла хорошая роща.

Однако канадцы заупрямились. Они были новичками и не желали слушаться длинноволосого дикаря.

— Твоё дело — указывать нам путь, а не руководить нами. Нам некогда делать привалы. Поехали дальше!

Внезапно погода переменилась. Солнце исчезло. Ветер обрушился с нескольких сторон разом. Одежда на людях надулась. Увидев разбушевавшуюся стихию, канадцы испугались. Они бросились к проводнику с просьбой сию же минуту двинуться к ручейку, о котором он рассказывал им, чтобы укрыться в роще. Но было поздно. Снежная пелена застлала всё вокруг. Индеец тщетно силился отыскать дорогу, так как в каких-нибудь пяти ярдах ничего нельзя было разглядеть. Путники сбились с пути, бросили повозки и мулов на произвол судьбы. Они не могли двигаться от холода. С каждой минутой их лица становились всё более неподвижными, руки и ноги отказывались повиноваться.

— Нужно лечь на землю всем вместе, рядом! — крикнул проводник. — Укровйтесь всеми одеялами, которые у вас имеются. Пусть снег валит! Мы переждём его в нашей берлоге!

Но канадцы продолжали проявлять твердолобость, упрямо продвигаясь вперёд. Индеец с ужасом поглядел на уже едва различимые очертания этих «сумасшедших чужаков», неуклюже размахивавших руками, и бросился рыть для себя яму в снегу. Пусть умирают, решил он, ему не понять ход их мыслей.

Почти двенадцать часов индеец провёл под толстым слоем снега, терпеливо выжидая, когда буйство стихии сменится умиротворённостью. Наконец, небо прояснилось, тучи уползли за горизонт, и проводник в полном одиночестве направился к форту. Его недавние спутники исчезли, разбрелись в разных направлениях во время бури, и теперь следы их были заметены. Через два дня их всё-таки сумели найти и привезли в крепость. У одного ноги были отморожены до самых бёдер, и он скончался несколько дней спустя. Второй потерял обе ноги до колен, их пришлось отрезать пилой для заготовки дров сразу по прибытии в форт.

Третьему ампутировали обе ступни, оба уха и несколько пальцев. Эти двое канадцев выжили. Что касается проводника-индейца, то он расстался лишь с кончиками своих отмороженных ушей и носа, его ноги тоже сильно обмёрзли, но не до такой степени, чтобы отрезать их.

Эдвин Дэниг, приводя этот случай в своей книге, вероятно, хотел продемонстрировать, насколько беспощадна была природа по отношению к людям, проявлявшим излишнюю самоуверенность и недооценивавших климатические условия. Он не называет ни одного имени, и я осмелюсь даже предположить, что именно этого конкретного случая вовсе не было, а Дениг изложил эту историю, исходя из стандартной схемы таких нелепых случаев, ведь живя в форте Юнион, он был свидетелем многих подобных трагедий. Зимой в прериях часто многие путники замерзали насмерть, застигнутые метелью на открытом пространстве. Индейцы же никогда не рисковали путешествовать, если обнаруживали приближение снежной бури; они хорошо разбирались в капризах погоды. Об этом рассказывали Томпсон, Калберстон, Максимильян, члены экспедиции Льюиса-Кларка, одним словом, все, кто был причастен к освоению и покорению дальних территорий Запада. Страна, ставшая известной под названием *Дикий Запад*, была по-настоящему дикой, но вовсе не казалась белому человеку неукротимой. Там жили индейцы, значит, там могли обустроиться и европейцы, и они упорно продвигались всё глубже и глубже, пытаясь одолеть дикарей то оружием, то спиртом, то лестью.

Индейцы — непревзойдённые охотники и забивали интересовавшую их дичь не только ради пропитания или ради шкур для пошива одежды, но и для активной торговли. Бизоны, лоси, олени всех видов, антилопы, горные бараны, волки, лисицы, немногочисленные бобры, дикобразы, скунсы, зайцы — все они были объектами непрекращающейся охоты. Наиболее ценную добычу для степных племён представлял бизон. Любая часть его тела могла использоваться

дикарями в случае нужды: копыта, рога, сухожилия, мясо, шкура и даже навоз. Однако было бы ошибочно считать, что каждый застреленный бизон использовался без остатка. Нет. Шкура ценилась только тёплая, зимняя, густо покрывавшая этих исполинов прерий с октября до марта. Так что в благополучные летние времена дикари нередко оставляли шкуру бизона возле останков разделанной туши. То же самое касалось и мяса: его срезали с костей до последнего клочка, когда приходило голодное время, но в сытый сезон индейцы вырезали из бизона исключительно лакомые куски — огромные ломти вдоль позвоночника под бизоньим горбом и круглые куски с верхней части задних ног.

К 1833 году Титоны уже жили вдоль берегов Миссури и её притоков, там же занимались торговлей и кочевали по всем окрестным степям. В историю они вошли под названием Сю. Белые пришельцы застали Титонов в момент их расцвета, когда кочевники вовсю овладели искусством верховой езды, имели огромные табуны и уже освоили огнестрельное оружие, хотя не имели большого доступа к нему. Наиболее объективные исследователи вынуждены были признать, что Дакоты проповедовали принцип полного равенства, не имели рабов, пленных убивали в исключительно редких случаях, но обычно оставляли их в племени, хотя частенько отправляли их обратно на родину. Об этом вспоминал Мато Нажин: «У нашего племени был обычай: тот, кто захватил пленных, должен был дать им свою одежду и лошадь. Пленники обходились нам дорого... Итак, все пленные нарядились в одежду Лакотов и стали подыматься верхом на лошадях по склону холма, сопровождаемые несколькими нашими воинами. Когда они отъехали на довольно большое расстояние, наши люди предоставили их самим себе и вернулись в наш лагерь» («My People the Sioux»).

Никола Перро в своих «Мемуарах» подчёркивал, что прерийные Дакоты разительно отличались от индейцев ле-

сов тем, что не истязали пленников. «Пленные Гуроны были препровождены в ближайшую деревню Сю, где уже собрались люди из соседних стойбищ, чтобы заняться дележом добычи. Нужно отметить, что Сю, хоть и очень воинственны и не менее хитры, чем другие племена, совсем не похожи на тех каннибалов. Они не потребляют человеческую плоть. Они даже не столь жестоки, как остальные дикари, они не истязают пленников до смерти, разве что могут пойти на это в качестве мести за то, что их родственники были заживо сожжены врагами. Они всегда были терпимыми и остаются такими сегодня. Большую часть захваченных пленников они отпускают домой. Мучения, которым они подвергают тех немногих, которых осуждают на смерть, заключаются в том, что они привязывают жертву к дереву или столбу и велят мальчикам пускать стрелы в несчастного пленника. Ни воины, ни рядовые взрослые мужчины, ни женщины не принимают в этом участия. Но если Сю знают, что их сородичи подверглись сожжению, они платят врагам той же „монетой“. Однако даже в этом они не проявляют столько жестокости, сколько другие дикари — то ли по причине того, что врождённое сочувствие не позволяет им созерцать такие страдания, то ли потому, что считают, что только отчаяние может заставить пленника петь песни во время пыток. В таком случае они сразу бросаются на жертву с топорами и палицами, чтобы немедленно прикончить её».

Лично я не могу согласиться с предположением Перро о врождённом сочувствии или благородстве Титонов. Откуда бы вдруг взяться этим качествам? Титоны вышли из лесных племён, им было свойственно столько же кровожадности и столько же благородства, сколько и другим американским туземцам. И если уж они не занимались пыткой пленников у столба, то это связано скорее всего с тем, что в открытой прерии найдётся гораздо меньше деревьев, которые можно было бы использовать в качестве

такого столба, в лесу же подобных «пыточных столбов» хватало с лихвой. Что же до прочих истязаний (не в качестве зрелища), то Титоны отрезали поверженным врагам пальцы, уши, кисти рук и ступни ног, вспарывали животы, снимали скальпы и отрубали головы. Так что речи о их природном благородстве явно не соответствуют действительности и являются исключительно частным, но никак не объективным мнением. Любая война, вошла она в летопись человечества или выпала из поля его зрения, остаётся войной. На любой войне, к великому сожалению, отрезают уши, пальцы, половые органы и вообще всё, что можно отрезать. Это происходило во время попытки США покорить Вьетнам, это имело место в период окупации Афганистана войсками СССР, это совершали изо дня в день все воюющие стороны в Чечне... Кто в этих беспощадных войнах двадцатого века проявил более изощрённую жестокость — белые люди или их восточные противники — трудно сказать. Война представляет собой особую систему координат, где существует своя шкала ценностей и своя шкала нравственности. Она не может никак сравниваться с мирным течением жизни; участники войны не могут осуждаться теми людьми, которые не имели случая окунуться в стихию военных действий. Именно поэтому трудно поверить, что Титоны сильно отличались от Ирокезов или кого бы то ни было ещё. Если они воевали, то они воевали, как принято воевать дикарям. Любой человек, ставший на Тропу Войны, превращается в дикаря; он подчиняется только законам войны, других законов для него не существует и существовать не может.

Облик Титонов сделался символом чуть ли не всех североамериканских индейцев: пышный головной убор из широких орлиных перьев, длинные чёрные волосы, бахрома на рукавах кожаной рубашки и на штанинах. Титоны, действительно, носили длинные волосы, заплетая их в косы или стягивая кожаным шнурком у висков. Бритоголовые

мужчины встречались среди них настолько редко, что можно смело сказать: для степных Дакотов бритая голова была абсолютно неприемлема. Исключение составляли некоторые воины Общества Лисиц. Случалось, волосы остригали в знак траура по близкому родственнику, и тогда в дополнение к обрезанным косам лицо мазали чёрной краской и ходили босиком.

Сложившийся классический образ Титона не может обойтись без шумной пляски, что вполне соответствует действительности. Песенный репертуар индейцев был велик. Мужчины исполняли воинские танцы, женщины — свои, девичьи, и также Пляску Скальпов. Пляска Скальпов (вопреки сложившемуся мнению, будто со скальпами прыгали вокруг костра раскрашенные воины) исполнялась исключительно женщинами; *мужчины* лишь *вручали танцовщицам военные трофеи и некоторое оружие*. Популярностью пользовался у Титонов так называемый Большой Магический Танец, в котором принимали участие одновременно представители как мужского, так и женского пола. Были священные пляски, среди которых особо выделяются Танец Солнца (Танец-Смотрящих-На-Солнце) и Танец Луны. Но путешественников больше всего удивляли зрелища, когда происходили совершенно необъяснимые вещи (например, во время Танца Котла мужчины и женщины двигались вокруг огромного котла, где варилось мясо, затем внезапно опускали руки в кипяток и вылавливали оттуда куски мяса, ничуть при этом не обжигаясь).

О Танце Котла замечательно поведал индеец по имени Обманувший Ворону в биографической книге Томаса Мэйлса. «Танец Котла может исполнятся в любое время года, но он непременно включался в танцы, которыми встречали приход весны. И он обязательно был последним в день пляски. Только после завершения всех остальных исполнятся Танец Котла. Пожирание собаки было частью танца. Это может показаться странным, но в старые времена индейцы

считали собаку очень ценным животным. Каждая семья имела по несколько вьючных собак, чтобы перевозить на них грузы. Поэтому собак уважали. Собака обладала силой и могла делиться своей силой. Она была подарком Великого Отца, поэтому её использовали во время Танца Котла и церемонии Ювипи. Приготовление собаки поручалось женщинам, и они варили её старинным способом. На четырёх вертикально установленных палках подвешивался желудок бизона, затем его наполняли водой. Поблизости горел костёр, в нём лежали большие камни. Когда они раскалялись, их опускали один за другим в воду при помощи палок, раздвоенных на конце. Руководитель Танца Котла должен был принадлежать к числу тех, кто имел видйние Громовых Существ. Только такие люди могли обучаться правильному способу убивать собаку. Они же были осведомлены, как раскрашивать тело руководителя танца... Восемь танцоров приближались к котлу так, будто они собирались окунуть руки в кипящую воду. Они выстраивались в линию позади меня... и четырежды подступали к котлу. В четвёртый раз я опускал мои руки глубоко в кипяток и извлекал со дна котла собачью голову. Это можно было делать и при помощи заострённой палочки, но по-настоящему подготовленный руководитель пляски должен был уметь выловить собачью голову голыми руками. Он никогда не обжигался, если умел правильно проделать то, что от него требовалось, так как знал шаманские секреты. Причина того, что мы, руководители пляски, не ошпаривались, таилась в том, что мы заранее сильно натирали руки до локтей специальной травой. Когда-то у меня было много этой травы, но потом я лишился этих запасов, как и всех остальных целительных трав, когда сгорел мой дом. Однако я знаю, где растёт эта трава» (Mails Thomas «Fools Crow»).

Кто же такие Титоны? Чем они похожи на других людей с красной кожей, и отличаются ли вообще одни степные индейцы от других?

***

Титоны состоят из семи крупных племён, хотя далеко не сразу исследователи сумели разобраться, кто именно входит в группу Титон. Так Отец Хеннепин проживал в 1680 году в тридцати километрах выше водопада Святого Антония в нынешней Миннесоте и много писал об этих индейцах, но он не делал никаких подразделений на племенные группы. В 1795 году Жан Батист Трудо утверждал, что Титоны состояли из четырёх кочевых племён, которые охотились на обоих берегах Миссури («Description of the Upper Missouri» Mississipi Valley Historical Review. Vol VIII). Через девять лет после этого торговец Пьер Антуан Табо зафиксировал названия четырёх основных племён Титонов следующим образом: Ситчанрху (Сичангу), Окондана (Оглала), Миникан-Хинийожу (Миниконжу) и Саон-Титон («Narrative of Loisel`s Expedition to the Upper Missouri»). Оглалы и Сичанги называли все остальные племена Титонов, вместе взятые, словом «Саоны». Белые торговцы и исследователи, приезжавшие в страну степных Дакотов из Сент-Луиса по Миссури, в первую очередь встречали Оглалов и Сичангов и, похоже, переносили их имена на все остальные племена Титонов. Дальнейшее подразделение Саонов произошло несколько позже. В 1804 году Табо решил, что Миниконжи были самостоятельным от Саонов племенем. Затем он дополнил в список племенами Хитасиптчон (Итажипчо), Хонтпапа (Хункпапа) и Татчинди-чиджа (происхождение и принадлежность названия не установлена). Эти три племени он отнёс к Саонам. В 1833—34 годах принц Максимильян объявил, что Титон-Дакоты разветвляются на пять групп (Prince Maximilian, «Travels in the Interior of North America»).

Дениг же, включившись в 1833 году в пушную торговлю в верховьях Миссури, сразу привёл названия семи племён Титонов и указал в «Пяти племенах верхнего Миссури» их приблизительную численность (на 1850-е годы):

Сичангу (чаще называемые Brule) — 500 палаток, Оглала — 300 палаток, Миниконжу — 260 палаток, Сихасапа — 220 палаток, Хункпапа — 150 палаток, Охенонпа — 100 палаток, Итажипчо — 100 палаток. Всего 1630 палаток.

Если брать приблизительно по пять человек на палатку, то в общей сложности получится 8150 душ. Применительно к 1854 году, когда Дениг составлял материал, эта цифры относительно точны, но сегодня это абстрактные цифры.

***

Оглалы традиционно заселяли район между фортом Ларами, что на берегу реки Платт, и Чёрными Холмами и между истоками реки Титон и развилкой реки Шайен.

Оглалы — это, пожалуй, наиболее известная ветвь Титонов. Название происходит от «окала», что означает «разделять, разбрасывать», и уменьшительного суффикса «ла». Правильность этого перевода мне подтвердил Кевин Локк из племени Хункпапа. Принято считать, что здесь подразумевается малочисленный («ла») осколок одной из племенных групп, образовавшийся после ссоры в основном племени. Есть и другая интерпретация: «окала» означает не просто «разбрасывать», но «разбрасывать семена» (причём, бросать в самого себя). В данном случае предполагается, что название закрепилось за племенем в связи с тем, что мужчины стали брать в жёны девушек из своей родовой группы, что традиционно считалось противозаконным. Эту версию предлагает Рут Биби Хил в книге «Ханта Йо», её поддерживает Чункша Йюха из племени Мдевакантон. Есть и третий вариант происхождения названия Оглала: от слова «огле», то есть «рубаха», что некоторые исследователи связывают с возникновением института Носителей Рубах именно в данной племенной группе. Но третий вариант лично мне представляется наименее вероятным, так как эта версия не имеет никаких подтверждений.

Хайд называл их «Ойалеспойтан» и утверждал, что

в 1700-х годах местом их зимнего обитания были окрестности поста Le Sueur на реке Синяя Земля в Миннесоте. Трудо называл их «Окономa», считая их ветвью Титонов, то воевавшей против Арикаров, то мирно сосуществовавшей с ними на берегах Миссури в 1795 году. Табо называл две подгруппы Оглалов: Оконданы и Чинауты, настаивая на том, что обе жили вместе с Арикарами и занимались земледелием, однако во время разгоревшейся войны между Арикарами и другими племенами Лакотов, каждая из подгрупп Оглалов присоединилась к одной из противоположных сторон. Позже они воссоединились, но уже не возвращались к Арикарам никогда. Это произошло, согласно информации Табо, до 1804 года. 5 июля 1825 года генерал Аткинс подписал в устье реки Титон договор с племенем Аугаллалла. Он сообщил, что они жили в районе реки Титон, кочуя от Чёрных Холмов до берегов Миссури. После постройки форта Ларами на реке Северный Платт в 1834 году Оглалы передвинулись поближе к этому посту. О них очень часто упоминали переселенцы с Орегонского Тракта.

Фрэнсис Паркмэн оставил восхитительное описание охотничьего лагеря Оглалов, в котором он побывал в 1848 году. Двигаясь по равнине, Паркмэн и его товарищ Генри Шатильон внезапно увидели коннного индейца. Он сделал непонятный разворот и описал на полном скаку круг, явно подавая какой-то знак путникам. Генри в ответ совершил нечто подобное. Это были знаки приветствия, знаки доброжелательности и знакомства. «Это был молодой человек, ничем не выделявшийся среди своего народа, но, облачённый в незамысловатую дорожную одежду, он представлял прекрасный образец воина Дакотов. Как большинство соплеменников, ростом он был около шести футов, весьма легко сложен, но пропорционален и крепок, его кожа выглядела чистой и нежной. Он не был покрыт краской. Голову его не украшал головной убор, и его длинные волосы были

собраны на затылке в пучок, на котором виднелся свисток из кости орлиного крыла (он служил одновременно украшением и талисманом). С затылка свисала лента с медными бляшками (размером от дублона до пятицентовой монеты) — украшение весьма модное среди Дакотов, которое они приобретали у торговцев по очень высокой цене. Его руки и грудь были обнажены, накидка из шкуры буйвола, обычно покрывавшая тело, соскользнула и покоилась вокруг пояса, придерживаемая ремнём. Всё это вместе с яркими мокасинами на его ногах и составляло его костюм. За спиной висел колчан, сделанный из собачьей кожи, а в руке лежал грубо выполненный, но мощный лук. На лошади его не было уздечки, а вместо неё имелась волосяная верёвка, которая перетягивала её нижнюю челюсть. Седло оказалось деревянным и обтянутое кожей; как передняя, так и задняя лука возвышалась вертикально на добрые восемнадцать дюймов, так что всадник чувствовал себя надёжно в этом седле...» Немного впереди Паркмэн увидел с десяток других индейцев, которые сидели кружочком. Вперёд вышел краснокожий воин. «Это был вождь, которого Генри называл Старина Дым. Сразу позади него находилась его младшая и любимая жена верхом на красивом муле, покрытом кусками белой кожи с вышивкой из голубого и белого бисера и обрамлением из мелких кусочков металла, которые позвякивали при каждом шаге животного. Девушка широко улыбалась нам, показывая два сверкающих ряда белых зубов. На каждой её щеке было нарисовано по ярко-красному пятнышку. В руке *она держала* украшенное перьями *копьё своего господина*, на спине *она несла его курительную трубку*, а его круглый белый щит висел на боку её мула. Её стройная фигура была облачена в тунику из белоснежной оленьей кожи, расшитой бисером скорее пёстро, чем со вкусом, и вдоль всех швов её платья свисала длинная бахрома. Неподалёку от вождя расположилась и холодно взирала на нас группа неподвижных фигур в накинутых на плечи белых буйволи-

ных шкурах. Чуть дальше располагалась временная стоянка индейцев. Мужчины, женщины и дети сновали, как пчёлы. Сотни собак всех цветов и размеров рыскали вокруг. Совсем близко от нас широкий мелкий ручей буквально кишел мальчишками, девчонками и молодыми женщинами, которые плескались, визжали и смеялись в воде. Одновременно с этим длинная вереница тяжёлых фургонов с белыми переселенцами переезжала через тот же ручей».

Это племя хорошо обеспечивало себя бизонами, а в случае их отсутствия — лосями, антилопами, оленями и горными баранами. Часть этого народа была снабжена огнестрельным оружием уже в 30-е годы 19-го столетия. Они всегда слыли отменными стрелками и могли потягаться в меткости с любым из равнинных индейцев. Принято считать, что женщины этого племени отличались наибольшей красотой по сравнению с женщинами остальных Титонов. Однако это лишь слова, под которыми нет реальной почвы. Дело в том, что родственные связи всех семи племён Титонов настолько сильно переплелись, что женщины одного племени постоянно уходили к мужьям в другое племя, так что говорить о том, что индеанки Оглалов отличались наибольшей привлекательностью, было бы несправедливо хотя бы по той причине, что добрая половина их происходила из соседних Титонов. Летом 1832 года Джордж Кэтлин нарисовал портреты двух «очень красивеньких женщин Сю» в форте Пьер на Миссури. Эти портреты женщин западных Титонов считаются наиболее ранними из всех существующих и находятся в коллекции Смитсонианского института. Но нет причин утверждать наверняка, принадлежали эти женщины к Оглалам или нет.

Эдвин Дениг утверждает, что в течение двадцати лет должность верховного вождя Оглалов занимал некто по имени Лебедь.

«Лебедь был человек огромного таланта, замечательный воин и разумный руководитель. Он дожил до преклонного

возраста. Он широко прославился благодаря своему ораторскому искусству, и некоторые его речи впору сравнить с выступлениями Понтиака и Текумсе» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Однако имя Лебедь не зафиксировано ни в одном договоре. Вполне возможно, что под этим именем вождь был известен лишь среди Ассинибойнов или Абсароков, а в своём племени его называли иначе. Так или иначе, но этот вождь не оставил о себе никакой памяти (в смысле значительных поступков); и в мемуарах путешественников и купцов тех времён его имя не встречается, чего не скажешь о Дыме, Безумном Медведе, Левой Руке и прочих вождях, хорошо известных среди белыхл юдей.

«До того, как начались неприятности с переселенцами вдоль реки Платт, Оглалы считались самыми порядочными и дисциплинированными среди Сю. Трудности в общении с ними возникали крайне редко. Торговцы, приезжая в их стойбище, чувствовали себя в полной безопасности. Врагами этого племени являются Вороны (Абсароки), приезжающие в летнее время к истокам Пыльной Реки (Powder River) или к подножию гор на Реке Ветра (Wind River Mountains), что находится в нескольких днях пути от западных границ земли Оглалов. Абсароки и Оглалы находятся в состоянии войны настолько давно, что никто из живущих индейцев не может вспомнить, как началась вражда. Их взаимная ненависть настолько велика, что ни те, ни другие индейцы никогда не заговаривают о мире. То и дело между ними вспыхивают сражения. Сю чаще выступают в роли интервентов, угоняя лошадей у Абсароков, настолько богатых табунами, что хозяева просто не в силах были обеспечить им нормальную охрану. Когда Сю уводят у Абсароков лошадей, обычно сразу снаряжается погоня, после чего происходит битва» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Так в 1844 году по указанной причине произошло столкновение с Абсароками, в котором двадцать шесть Оглалов

погибли, а остальные бежали с поля боя, позорно поколоченные кнутами и палками. Это пример редкого случая, когда жизни ненавистных врагов были сохранены. Вместо обычного жестокого расчленения умирающих врагов индейцы предпочли унизить противника, прогнав Оглалов с позором. Причина, должно быть, крылась в том, что число погибших врагов было велико. Потеря двух-трёх воинов в бою считалось настоящей трагедией, что же говорить о гибели сразу двадцати шести Оглалов! Победа далась Абсарокам легко, и они были довольны. Удовлетворение рождает великодушие, это свойственно многим людям.

До того, как караваны переселенцев пришли в районы Арканзаса и Платт, Оглалы часто отправлялись на юг выменивать там лошадей и огнестрельное оружие. Но с наплывом переселенцев дорога туда оказалась практически отрезанной, и Оглалам пришлось искать новые пути, где можно было обогатиться лошадьми, и они начали активные рейды на север, в страну Вороньего Племени.

Так как о многих событиях приходится судить по Перечню Зим, то нередко возникают разночтения, а то и полная неразбериха. Например, 1827 год единодушно обозначается лакотскими историками как «пса оханпи», но перевод трактуется по-разному. «Пса» может быть сокращением названия племени Абсарока, что, однако, было бы в данном случае лишено всякого смысла. Также это может быть «тростник» или какая-то иная «растущая в воде трава»; «охан» в зависимости от ударения имеет различные значения и может переводиться как «кипятить», «надевать», «носить». Вариант, на котором настаивает индеец по имени Нет Ушей гласит: «Они вскипятили тростник». Смысл данного перевода не совсем понятен. Если год обозначается таким событием, то оно непременно было важным. Но в таком случае это требует серьёзных пояснений. В другом переводе этот год называется «они надели на себя тростник», что кое-кто из историков домыслил это как «они носили снегоступы, сделанные из тростника».

Но для этого нужно твёрдо знать, что подобная характеристика зимы должна чем-то оправдываться. И в таком случае календарная запись не имеет никакого отношения к военному походу против Абсароков. Хотя присутствие слова «пса» в первую очередь наводит на мысль об Абсароках.

***

Система управления Оглалов, впрочем, как и всех кочевых племён верхнего Миссури, была весьма жёсткая. Главным инструментом племенного закона являлись воинские общества. Их нередко называют военными организациями или полицейскими структурами, но это неверно, так как они были скорее почётными братскими организациями. Основными их задачами было: поддерживать порядок в стойбище, следить за порядком во время перекочёвок, наказывать покусившихся на общественное благополучие, следить за безопасностью лагеря, извещать о передвижениях бизонов, воспитывать в юношах культ воинской доблести и силы, возлагать на себя руководство в сражениях, выступать в качестве ревностных хранителей племенных традиций.

Количество воинских обществ было различным в разных племенных группах, и значимость их менялась с течением времени. Например, в то время как Носители Ворон были наиболее популярным обществом среди Оглалов, в племени Сичангов это общество было весьма немногочисленно, а в других племенах его вовсе не существовало. Но как бы велико или мало ни было то или иное воинское общество, оно обязательно оказывало поддержку соплеменникам, устраивало частые угощения и праздники. Если проводить параллель с нынешней жизнью «цивилизованного» мира, то воинские общества можно смело поставить на уровень начальной, средней и высшей школ, где люди обучались, взрослели, постигали гражданские, военные и религиозные законы, сдавая экзамены не по билетам, а согласно действительным жизненным ситуациям. Любопытно, что детей

с малолетства приучали к строгим правилам жизни. Их крайне редко наказывали кулаками или плёткой, но обязательно водили показать, что происходило со взрослыми воинами, когда те совершали какой-то проступок.

Несмотря на обилие функций, существовавшие общества можно поделить на два основных типа: военные организации и гражданские. Все военные «клубы» Лакотов назывались Акичита (ударение на первое «и»), что в переводе на русский означает «воин» или «солдат» (акичита нажин — вставший солдат, то есть дозорный). Общества Акичитов были разновозрастные, одни для совсем юных мальчишек, другие для матёрых бойцов. Гражданские же общества состояли в основном из старейшин (мудрецов). Сказанное относится не только к Оглалам, но ко всем равнинным племенам, будь то кочевники, будь то оседлые индейцы Земляных Деревень.

Воинские общества постоянно состязались друг с другом, стараясь завоевать наибольшую популярность среди соплеменников и привлечь в свои ряды лучших юношей. Но это не означает, что Акичиты пользовались какой-либо властью над народом и могли повелевать им. Они лишь строго следили за выполнением принятых на совете вождей (старейшин) решением. Например, когда задумывалась большая охота на бизонов, Акичиты, назначенные на роль Смотрителей (очень не хочется употребить слово «полиция», хотя Смотрители выполняли функцию самых настоящих полицейских), строго следили за тем, чтобы ни один охотник-одиночка не посмел отправиться на охоту. Самодеятельная охота в таких случаях была преступлением, ибо могла повлечь за собой бегство стада и оставить всё племя без мяса. Нарушителя подвергали беспощадному избиению, отнимали у него оружие и лошадей, а при сопротивлении Акичитам разрешалось сломать оружие, убить лошадей и в крайнем случае даже убить провинившегося. Подобное наказание можно сравнить с лишением человека всех

средств к существованию в нынешнем обществе. Индеец без оружия не мог добыть пропитания, не мог защитить семью и себя самого, без лошадей не мог далеко уйти по равнине.

Бывали времена, когда старейшины (по целому ряду причин) запрещали кому-либо уходить на войну, тогда Акичиты следили, чтобы никто не вздумал пойти наперекор принятому племенному закону. Каждый воин, состоявший хоть в одном из воинских братств, хорошо знал, что грозило ему в случае нарушения закона, так как сам то и дело выступал в роли Смотрителя. Среди наиболее высоко зарекомендовавших себя были общества Носителей Ворон, Лисицы, Храбрые Сердца. Обычно вожди назначали одно из обществ на пост Смотрителей на целый сезон. Когда какое-то общество выдвигалось на этот пост несколько раз подряд, оно признавалось наиболее уважаемым. Те же, которые давно не получали такого назначения, считались неудачниками, их престиж быстро падал.

Что касается гражданских организаций, то самой важной считались Большие Животы. Это был своего рода совет патриархов, включавший действующих вождей, заслуженных охотников и воинов, отошедших от дел, и выдающихся шаманов. Хассрик Роял, проделав большую аналитическую работу, заявил в своей книге «Жизнь и обычаи воинского общества», что другое название «клуба» Больших Животов было Те-Которые-Носят-Бизоньи-Головные-Уборы, позже переродившееся в Короткие Волосы. Однако в интервью, которые Элеонора Хинмэн брала у стариков-Оглалов в 1930 году, говорится, что «общество вождей в северном ответвлении Оглалов называлось Короткими Волосами, а в южном, то есть у Красного Облака — Владельцами Белых Лошадей (Белыми Всадниками). Они решали, кому носить церемониальные рубахи. Если Носитель Рубахи умирал или нарушал обет, то рубаха возвращалась Белым Всадникам или Коротким Волосам. Они же решали, кого сделать новым

Носителем Рубахи». Таким образом, название Короткие Волосы, согласно, разным источникам, относится к совершено разным обществам.

Это лишний раз доказывает зыбкость полученной информации, несмотря на то, что источниками являлись чистокровные Оглалы. Но не стоит заострять внимание на том или ином названии, так как все они имели свойство постоянно изменяться и, возможно, даже переходить от одного общества к другому при расколе племенной группы. Отсюда могло легко возникнуть несоответствие в наименованиях. Сегодня важно понимать не то, откуда проистекало то или иное название, а качество и суть воинского общества в целом: всякая такая организация представляла собой мужское братство, наделявшееся время от времени множеством полномочий. Воинские «клубы» всех равнинных племён были схожи между собой и нередко перенимали друг у друга обряды и геральдику, поэтому, говоря об обществе Лисиц племени Оглала, можно почти безошибочно переносить характеристики этой организации на Лисиц других племён верхнего Миссури. Это относится и к прочим воинским обществам.

Рассказывая о решительности Акичитов, Дениг приводит такой пример. Как-то раз (1836) лагерь Оглалов стоял подле форта Пьер, поджидая прибытия парохода с товарами из Сент-Луиса. Случилось так, что поблизости располагалось небольшое стойбище Санти, которые тоже относятся к Дакотам. Какой-то индеец Санти (Дениг не указывает его имя) выпил чрезмерно много хлебной водки и начал буянить. Прежде, чем его успели охладить, он выстрелил из ружья и ранил жену белого траппера. Она происходила из племени Змей, с которыми Дакоты постоянно воевали. В данном случае, разумеется, она вовсе не была врагом, но пьяный Санти решил совершить подвиг и выстрелил в женщину из враждебного племени, что считалось делом вполне нормальным, когда речь заходила о военном похо-

де. Хорошо известно, что пьяные индейцы полностью теряют над собой контроль и ведут себя исключительно воинственно.

Итак, пьяный Санти застрелил жену белого траппера. Смотрителям-Оглалам было поручено схватить и выпороть буяна публично. Но виновный, будучи пьян и по этой причине буйно настроен, решил не сдаваться и оказал сопротивление. Оглалы не стали долго возиться с ним и убили его на месте. Всякий отпор Смотрителям расценивался как сопротивление воле всего племени.

Данный конкретный случай любопытен тем, что виновный принадлежал к Санти, а не к Оглалам. Тем не менее, с ним расправились Оглалы, и никто из Санти не помешал им. Это можно объяснить либо тем, что полиция Оглалов была выбрана всеми находившимися в окрестностях Дакотами, либо тем, что Оглалы были более многочисленны возле форта и позволяли себе диктовать условия.

Есть и ещё одна причина, которая обычно ускользает из поля зрения многих историков. Дело в том, что всякий командующий торговым фортом (эта должность вошла в историю американского Запада как «буржуа») назначал *своих* Смотрителей из числа индейцев. Так, например, в ежедневнике форта Кларк запись от 2 мая 1837 года гласит: «Я устроил угощение для солдат Ри. Мы долго и обстоятельно беседовали. *Я назначил четырёх солдат для форта*». Обратите внимание на слова «я назначил». Он подчёркивает, что сам назначил Акичитов для форта, а не воспользовался услугами тех Смотрителей, которые были выбраны в племени. Таких упоминаний в дневнике Шардона достаточно много.

Дж. Хэмтрамк называл солдатами тех, кто назначался специально для того, чтобы «помогать проведению в жизнь *приказов торгового агента*». Так что, возвращаясь к случаю с убийством индейца-Санти, можно предположить, что упомянутые Акичиты Оглалов были именно солдатами торго-

вого поста, и вполне естественно, что они следили за безопасностью в окрестностях форта.

Смотрителям нередко приходилось заниматься и более мелкими проступками своих соплеменников. Вот лишь один из примеров повседневных забот Смотрителей племени Мандан, который приводит Шардон: «Несколько дней назад индейцы украли мышеловку (капкан на крыс). Я рассказал об этом *солдатам в деревне*. Они обыскали всю Большую Деревню, затем пошли в Малую Деревню, где в конце концов нашли мышеловку и вернули её мне». Трудно даже представить, с какой ответственностью подходили Акичиты к своим обязанностям. В данном случае они обследовали шаг за шагом две деревни, чтобы отыскать какую-то мышеловку! Разве это не трогательно? Дикари, буяны, сорвиголовы, бесстрашные бойцы — как ещё охарактеризовать их? — и собственноручно наказывают своих родственников за то, что те посмели украсть что-то у белого человека, к которому и сами-то Смотрители относятся без особой симпатии. Но закон есть закон, он на то и существует, чтобы его выполнять. И единственной гарантией его действенности были воинские общества.

Невольно вспоминаются слова Карла Маркса, с восторгом высказанные в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Без солдат, жандармов и полицейских, без дворянства, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без процессов — всё идёт своим установленным порядком... Все вопросы решают сами заинтересованные лица, и *в большинстве случаев вековой обычай уже всё отрегулировал*». Эти *заинтересованные лица* и *вековой обычай* встретятся нам ещё не раз и не два, что позволит убедиться в эффективности негосударственных органов управления обществом.

Молодых людей в раннем возрасте приглашали вступить в воинское общество. Хассрик Ройял рассказывает в своей книге «Жизнь и обычаи воинских обществ», что для вступ-

ления в общество Акичитов нужно было принять участие хотя бы в одном военном походе. Особенно желанными были юноши из уважаемых семей и, конечно, те, которые уже успели убить врага или *побывали на горе* в поисках видения-откровения. Но человек, совершивший преступление (убивший соплеменника или уличённый в прелюбодеянии) или прослывший жадным, потому что никогда не устраивал пиршеств, не допускался в «клубы». Никто никогда не приглашал туда и неудачливых охотников. Индейцы говорили про людей, не состоявших ни в одной организации: «Они просто существуют». Железная Раковина описывал вступление в общество Лисиц (Токала) следующим образом:

«Мне было почти девятнадцать лет, когда я присоединился к Токалам. Они пригласили меня в день своих плясок. Все люди смотрели на их танцы, и я тоже собирался поглазеть, но я только что возвратился из дозора возле табуна и не был готов. Я приводил себя в порядок, когда в типи вошли два молодых Токала — два Хранителя Плёток, и сказали:

— Мы пришли к тебе с танцев Токалов. Ты должен присоединиться к Токалам.

Я выпрямился и не отказался. Одевшись самым пышным образом, я отправился с ними, не задавая никаких вопросов.

Хранители Плёток отвели меня к Токалам, сидевшим по обе стороны вожаков. Два Хранителя Трубок сидели по левую руку от вождей, и каждый держал длинную курительную трубку. У них на коленях лежали расшитые иглами дикобраза и украшенные бахромой длинные сумки для табака. Слева от них расположились Хранители Барабанов, за ними — четыре Хранителя Копий. Их копья в действительности были луками, обёрнутыми голубой фланелью, но на одном конце лука была заострённая сталь, как наконечник копья. Четыре орлиных пера были привязаны к этому концу и ещё четыре висели вдоль лука на некотором рас-

стоянии друг от друга. По всей тетиве болтались крохотные пушистые пёрышки. Два Хранителя Погремушек сидели рядом с Хранителями Копий. Все эти люди выкрасили лица в алый цвет, и у нескольких человек *головы были выбриты таким образом, что осталась только прядь на затылке, сплетённая в косичку*.

Первым заговорил один из Хранителей Трубки:

— Сегодня мы делаем тебя Токалом. Мы хотим, чтобы ты всегда был с нами, когда мы пляшем. Найди себе место.

Но официально Железная Раковина не был принят в общество до тех пор, пока не состоялся следующий праздник. В день праздника с ним пришёл его отец, чтобы разделить ответственность, которую возлагал на себя юноша. Отец призвал к себе глашатая из общества Лисиц и обратился к нему:

— Мой сын становится Токалом. Я хочу известить об этом всех людей. Сообщи им его новое имя. Теперь он будет Меняющимся. Объяви также, что по этому поводу я отдаю одну лошадь.

Все трое стояли посреди танцевальной палатки. Глашатай, объявив во всеуслышание новое имя юноши, обратился ко всем сошедшимся Токалам и всем собравшимся соплеменникам:

— Отныне Меняющийся принадлежит Токалам!

Затем он вызвал бедняка, чтобы дать ему лошадь как знак восхваления отцом своего сына. Появился старик и символически потёр лицо счастливого родителя:

— Спасибо.

Теперь Железной Раковине было разрешено покрывать лицо красным цветом, украшать гребнем свои волосы и выполнять возложенные на Токалов полицейские обязанности. Ему предписывалось присутствовать на всех праздниках и плясках общества, а за отсутствие его должны были поколотить. В случае нарушения других правил Хранители Плёток могли разрушить его жилище и другое личное имуще-

ство» (Royal Hassrick «The Sioux: Life and Customs of a Warrior Society»).

Любопытной стороной воинской жизни были откровения, приходившие к индейцам в видениях. В преданиях подавляющего большинства индейских племён содержится много упоминаний о видениях. Из-за постоянных разговоров о них у детей складывалось представление о содержании и форме этих видений, а потом дети начинали активно «искать» их. Именно посредством видений индейцы получали необходимые наставления, и каждый наставлялся своим особым образом. Это ни в коей мере не похоже на единый религиозно-мистический канон. В связи с этим нередко имели место курьёзы.

Об одном из таких редких фактов рассказывает в своей книге Мэррил Мид. Речь в данном случае, правда, идёт не о Лакотах, а об Омахах, но это не меняет сути дела. «Омахи, по-видимому, приняли тот же обычай, что и их соседи по прерии, а именно, что каждый волен утверждать, будто он имеет видения, и требовать власти, право на которую они ему дают. Фактически у Омахов членство в религиозных обществах определялось наследственными правами на тайное знание. Когда те, кто не имел наследственных прав на видения, постились и выдвигали свои притязания, им говорили, что их видение ложно» (Mead M. «Blackberry Winter. My Early Years»).

Ситуация заставляет задуматься, а не имела ли место аналогичная ситуация в иных племенах? Ведь покуда речь идёт о твоих личных наставниках из страны духов, никого из членов тайных обществ это ни к чему не обязывает. Однако когда дело доходит до распределения власти, непременно должны возникать сотни, а то и тысячи тонкостей, которые сразу вступают в противоборство с индивидом, дабы остановить его притязания на высокий пост. Так было везде и всегда. «Примитивный» человек не составляет исключения.

***

Эпидемии оспы и холеры нанесли по Оглалам сильный удар. Дениг указывал в своих документах, что в 1855 году Оглалы насчитывали примерно 180 палаток, по три или четыре человека в каждой, но, похоже, его данные не соответствовали действительности. В 1825 году генерал Аткинсон насчитал 300 воинов на общую численность Оглалов в 1500 человек. Тадеуш Калберстон настаивал в 1850 году на числе 400 палаток. Агент Твисс в 1856 году насчитал 450 палаток Оглалов, что значительно превышает число, названное Денигом.

«4 июля 1849. Вчера мы наблюдали на противоположной стороне реки несколько индейских жилищ, но не заметили никаких признаков жизни. Ничто не двигалось около тех палаток. Такое проявление безжизненности вызвало у нас естественное любопытство, и мы решили навестить их... Я надел мои промокшие мокасины и, повесив мокрую рубаху на палку, как флаг, направился с моими спутниками к привлёкшим наше внимание палаткам. Их было пять. Внутри мы обнаружили девять мёртвых Дакотов, лежавших на земле и завёрнутых в бизоньи шкуры. Сёдла, копья, кухонные котелки и прочий домашний скарб лежал вокруг покойников. В некоторых палатках было по три тела, в некоторых — по одному трупу. Все они в той или иной степени уже подверглись разложению. Чуть поодаль стояло ещё одно жилище. Оно было немного поменьше, но выглядело более тщательно прибранным. Внутри находилось тело индейской девушки лет шестнадцати-восемнадцати. На её ногах были гетры из ярко-красной материи, новые мокасины, причудливо украшенные иглами дикобраза, а тело было укутано в две первоклассно выделанные бизоньи шкуры. Девушка умерла дня два-три назад. Нас изумило, что шкуры были откинуты наверху таким образом, что её лицо и часть тела до середины одной груди оказались открыты. Было похоже на то, что кто-то рылся в её погре-

бальном наряде. Все остальные трупы были плотно завёрнуты в шкуры... Позже я выяснил, что все они скончались от холеры. А эта девушка была оставлена в палатке на милость судьбы, будучи ещё живой, поэтому её лицо было открыто. Так сильно индейцы боялись ужасной болезни» (Stanbury «Letters»).

Индейцы всегда были абсолютно беспомощны перед заболеваниями, привезёнными белыми людьми. Они боялись их и бежали от них прочь, надеясь укрыться подальше от непобедимых хворей. Любопытен тот факт, что краснокожие, несмотря на очень суеверное отношение к самоубийству, часто прибегали к этому самостоятельному уходу из жизни, когда дело доходило до эпидемий. «Мне рассказывали, что индейцы, заразившись смертельной болезнью, не только сжигали свои жилища, но и убивали собственных детей и жён, чтобы они могли последовать за ними в лучший мир» (Lewis & Clark «Journals»).

Вот несколько выдержек на эту тему из журнала форта Кларк:

«20 августа 1837. Жена одного молодого Мандана заразилась оспой и страшно терзалась болью. Её муж долго смотрел на неё, понурил голову, затем подпрыгнул и сказал: „Когда ты была молодой, ты была красивой. Теперь ты уродлива и собираешься покинуть меня. Но нет! Я отправлюсь с тобой!“ Он схватил ружьё и застрелил жену, затем ножом вскрыл свой живот. Два молодых Ри убили себя сегодня, один зарезался ножом, другой покончил с собой при помощи стрелы...»

«22 августа 1837. Эпидемия продолжает свирепствовать, унося по 8—10 человек в день. Два Мандана застрелились сегодня утром... Какой-то Ри, подхвативший оспу, решил, что умрёт, подошёл к своей жене (молодой женщине) и ударил её томагавком по голове, дабы она отправилась вместе с ним в иной мир. Она тяжело ранена. Через несколько минут он перерезал своё горло».

«Четверг, 31 августа. Жена молодого Мандана, умершего четыре дня назад, терзаясь тем же недугом, убила двух своих детей (мальчика восьми лет и девочку шести, затем покончила с собой)...»

О самоубийствах в племенах американских индейцев постоянно повторяется одно и то же: краснокожие дикари боялись самоубийства и относились к людям, покончившим с собой, с ужасом, никогда не прикасаясь к их телам. Это, конечно, глубокое заблуждение, а точнее сказать, такой же миф, как миф о благородном дикаре, созданный Шатобрианом и Фенимором Купером. Эдвин Дениг, рассказывая о смерти одного из известнейших вождей по имени Одинокий Рог, высказывает ту же мысль: «Вскоре после 1836 года у этого вождя умерла в результате тяжёлой болезни любимая жена. После долгого оплакивания он, потеряв всякий смысл в жизни, объявил, что намерен покончить со своей жизнью. *Людей охватил ужас.* Разумнейший из Миниконжей, величайший храбрец и мудрец приготовил себя к закланию! *Ничто не страшило индейцев больше, чем самоубийство.* Все почувствовали себя парализованными, и никто не посмел остановить вождя, когда он в полном одиночестве побрёл из лагеря пешком».

Читая эти строки, может создаться впечатление, будто индейцы на самом деле шарахались в сторону от тех, кто хотел свести счёты с жизнью, как от чумных. Но в действительности никто из дикарей не стоял, как вкопанный и с отвисшей челюстью, не таращился выпученными глазами на человека, провозгласившего себя смертником. Разумеется, у краснокожих американцев имелось своё строгое отношение к людям с суицидальными наклонностями. Но разве такового отношения нет в других обществах? Разве христиане и магометане взирают безмолвно на самоубийц, разве прощают им это «кощунство»? Нет, по всей нашей планете самоубийцы преследуются церковными отцами, повсюду их молча проклинают, предают забвению. Даже любой дуэлянт,

погибший на поединке, считался самоубийцей, так как он сознательно выстраивал ситуацию, в которой мог умереть и в которой не было никакой надобности.

Индейцы очень часто отправлялись в бой специально, чтобы умереть. Во многих племенах существовала категория так называемых «выставляющихся» людей, которые шли на верную смерть. О них подробная речь пойдёт в главе «Абсароки». Стэнли Вестал приводит в книге «Военная тропа и костры советов» случай, когда один калека, не умевший ходить с рождения, во время нападения солдат на лагерь Хункпапов, попросил привязать его к лошади, чтобы он не упал, и пустить её на врагов. «Я хочу умереть, как полагается умирать мужчинам», — сказал он. Соплеменники выполнили его просьбу. Воевать он не мог, поэтому скакал в сторону солдат без единого выстрела. Они же встретили его целым залпом. Когда лошадь донесла его до белых людей, те с удивлением обнаружили перед собой изрешечённое тельце жалкого уродца, не способного удержать в руках даже погремушку. Что это было? Героизм? Героическое самоубийство? В книге Линдермэна «Много Ударов» старый вождь Абсароков вспоминает, что однажды, ещё до его рождения, в одном стойбище разразилась оспа. «Тогда Абсароки ещё не знали этой страшной болезни и очень перепугались. Два молодых воина, у которых в лагере были возлюбленные, вознамерились спасти их от смерти, вспрыгнули вдвоём на одну белоснежную лошадь и, запев свои Песни Смерти, спрыгнули со скалы и разбились». Разве это не самоубийство? Кто может поспорить с этим? Пусть оно жертвенное, но самоубийство. И вождь, излагая данную историю, ничуть не выказывает ужаса. О гибели двух братьев, которые отправились в бой, чтобы обязательно умереть, так как были *сильно расстроены дурным поведением своих сестёр*, рассказывает и Хобель в книге «Шайены». Там же он упоминает о женщине, повесившейся из-за того, что муж привёл в дом вторую жену;

об этой женщине Шайены говорили, что она поступила глупо, убив себя по столь ерундовой причине. Шардон тоже приводит в своём дневнике некоторые случаи добровольного ухода индейцев из жизни без какой-либо явно выраженной причины: «Среда, 5 апреля. В деревне *старая индеанка, уставшая от жизни*, пыталась повеситься прошлой ночью». Кстати сказать, ранние путешественники отмечали тот факт, что повешение было наиболее распространённой формой самоубийства *среди индейских женщин*. Известен даже один ручей, который называется Ручей Повесившейся Женщины. Почему предпочтение отдавалось такому способу самоубийства, сказать трудно.

Суицид в индейском обществе был, конечно, как и в любом другом сообществе, ибо они такие же люди, как и все иные, их разрывали те же страсти, их угнетали те же переживания. Но в связи с тем, что большинство индейцев погибало в военных столкновениях или в период голода (а с появлением белых пришельцев пришла массовая смерть от оспы, холеры и гриппа), численность потенциальных самоубийц значительно уменьшалась, но не сокращалась до нуля.

В связи с затронутым вопросом хочу привести в качестве примера историю из жизни Черноногих, рассказанную Томпсоном, которая демонстрирует, насколько неожиданным может быть поведение индейцев и насколько оно схоже по своей сути с поведением темпераментных представителей белой расы.

«Поонокоу (Олень-Самец, Олений Бык) был сыном военного вождя по имени Кутенаи Аппи. Он был помолвлен с девушкой и ждал лишь того, когда просохнет кожа, предназначенная для их будущей палатки. Случилось, что его отец собрал воинов для военного похода против Змей, причиной послужила какая-то ссора. Некоторые сыновья присоединились к отцу, поехал и Поонокоу. Экспедиция прошла успешно, он возвратился с двумя прекрасными лошадьми,

которых хотел подарить своему будущему тестю. Но тут выяснилось, что пока продолжался поход, отец невесты поддался на уговоры другого мужчины, получил от него много подарков и продал ему дочь для его сына.

Тогда Поонокоу взял своих лошадей и послал своего друга в ту деревню, где находилась девушка. Он просил вызвать её тётку, чтобы переговорить с ней. Он объяснил, что намерен убить обидчика. Тётка, видя его состояние, обещала переговорить с девушкой.

Едва девушка узнала обо всём, она поспешила из дома мужа к своему возлюбленному, и они вдвоём поехали к торговому пункту на реке Саскачеван. Путешествие заняло шесть дней. Возле торгового дома Поонокоу увидел несколько лошадей и, не желая показываться никому на глаза, он расседлал своих коней, чтобы сменить их на свежих. В это время индеец, стоявший в дозоре, увидел его и, естественно. Принял за конокрада. Прозвучал выстрел, и пуля попала в живот Поонокоу. Он знал, что рана была смертельной.

Наутро он открыл глаза и понял, что жизнь вскоре покинет его. Тогда он достал острый нож и поднёс его к сердцу своей спутницы.

— Должен ли я умереть один? Ты действительно любишь меня?

Она принялась рыдать, склонила голову и не ответила ничего.

— Я вижу, что ты не любишь меня. Мне придётся уйти одному. Передай моему брату обо всём, что произошло. Скажи ему, что я погиб от собственной руки, — с этими словами *он вскрыл свой живот ножом*, сопровождая это действие истерическим смехом.

Торговцы похоронили его. Два дня молодая женщина-Пьеганка оставалась с ними. Всем казалось, что судьба её решена, поэтому торговцы предложили ей вернуться в деревню Черноногих. Она отказалась, заявив, что умиравший

велел ей отправиться к его братьям.

— Он так велел, я так должна сделать.

Она попросила лошадь, торговцы дали ей лошадь и провизию.

Она добралась до деревни братьев своего возлюбленного и поведала им о его судьбе. Они пожалели её. Они знали, что обманутый муж убьёт её теперь, и спросили, что она намерена делать. Она сказала:

— Я знаю, что должна была сделать. Но моё сердце было слабым. Теперь я не слабая. Моя жизнь ничего не будет стоить, если я паду от руки человека, которому была отдана. Это будет плохая смерть, и мне придётся бродить в другом мире без друзей, никто не позаботится обо мне. Ваш брат умер, он в другом мире, он любит меня. *Сжальтесь надо мной, отправьте меня к нему*.

Тогда они пустили стрелу ей в сердце, и её душа присоединилась к душе её возлюбленного. Они похоронили её как вдову их брата» (D.Thompson`s Narrative of his Explorations in Western America).

Чем не шекспировские страсти?

***

Сичангу, то есть Опалённые Бёдра («сичан» — внешняя сторона бедра, «гу» — жечь), это поелмя жило между верховьями Белой Реки и L`eu qui Court и реки Титон. Хайд считает, что название Опалённые Бёдра не применялось по отношению к Сичангам до их переселения на Миссури, то есть до середины 18 века (Hyde «Red Cloud Folk»). В 1804 году Льюис и Кларк обнаружили этих индейцев на обоих берегах Миссури в районе рек Белая и Титон (Elliott Coues «History of the Lewis and Clark Expedition»). В 1853 году Воган, агент по делам индейцев, зафиксировал их пребывание «между устьем Южного притока Белой Реки, к югу от L`eau qui Court, примерно в ста милях от его устья, и далее по течению к его верховьям, включая в эту территорию район между Север-

ным рукавом Белой и L`eau qui Court» (Annual Report of the Commisioner of Indian Affairs, 1853). Два года спустя лейтенант Воррен подтвердил, что Сичанги называли своей землёй район вдоль Белой Реки.

Дениг рассказывает, что многие годы их возглавлял вождь по имени Чистая Синяя Земля. Он был мудрым правителем и оставил о себе добрую славу. Белые считали его хорошим другом, так как он при всякой возможности покровительствовал торговцам и даже в напряжённые времена не давал в обиду белых людей, навещавших его лагерь. Мало встречалось среди индейцев столь влиятельных, сильных и достойных уважения вождей. Конечно, кого-то боялись больше, кого-то считали более отважным, но личные качества Чистой Синей Земли возвели его на высокий пьедестал, откуда он разумно руководил охотой, практически никогда не допуская голодных дней.

Согласно Хайду, Опалённые Бёдра в 1830-е годы были сильно разобщены и дезорганизованы повальным пьянством, и Чистая Синяя Земля был озабочен всё ухудшавшимися условиями охоты. Индейцы столкнулись с необходимостью провести определённую реорганизацию племенного круга, и Чистая Синяя Земля возглавил непростое дело. На зиму каждая община ставала лагерем там, где хотела, но ранним летом, когда приходила пора большой бизоньей охоты, общины сходились вместе и образовывали большой лагерный круг. В действительности, в этом не было ничего нового, но с того момента, как индейцы соприкоснулись с белыми людьми, многое в их устоях пошло наперекосяк.

Впоследствии Опалённые Бёдра стали известны как Народ Крапчатого Хвоста. Крапчатый Хвост заслуженно занял место вождя этого племени, неоднократно проявив себя в сражениях, а затем и в качестве мудрого руководителя, который всячески оберегал племя от войны.

Крапчатый Хвост рос в то самое время, когда Чистая Синяя Земля восстанавливал племенные законы. То было хо-

рошее время для формирования личности воина. Предания гласят, что Крапчатый Хвост был красивым и смелым человеком. В 1841 году он встретил девушку, на которой решил жениться. Вероятно, она отвечала ему взаимностью. Однако между ними стоял старый вождь по кличке Бегущий Медведь, который тоже жаждал заполучить девушку. Он был богат, так что симпатии её родителей должны были быть на стороне старика. Тогда Крапчатый Хвост убил старого индейца где-то за пределами лагеря. Некоторые склонны считать, что это было коварное убийство, но скорее всего молодой и сильный воин убил соперника в честном бою, если может бой называться честным, когда молодой, крепкий, ловкий юноша сражается с дряхлеющим мужчиной. Эту историю Вильям Бордо слышал в 1915 году от старых индейцев, которые хорошо помнили юность Крапчатого Хвоста. Но деталей той схватки никто не знал. Девушка стала женой будущего вождя и родила ему тринадцать детей. Она же была рядом с ним, когда его отправили в тюрьму форта Ливенворс за участие в разграблении почтовой кареты и убийство пассажиров.

Выйдя из заключения, Крапчатый Хвост сильно изменился. Его воинственный энтузиазм, направленный против Бледнолицых, полностью угас. Он увидел силу солдат, мощь их пушек, численность армий и решил пойти мирным путём, дабы сохранить свой народ. Многие ругали его за это и называли предателем, но кто может сегодня с уверенностью сказать, что есть предательство? Желание сделать жизнь народа лучше, когда основная масса этого ещё не понимает? Поступки, идущие наперекор взглядам большинства? Отказ от недавних идеалов? Но взглядам свойственно меняться со временем, люди взрослеют, набираются опыта и знаний, приходят к новым умозаключениям, меняют ориентиры.

Как бы то ни было, Крапчатый Хвост возглавил огромную резервацию. Его нельзя ни в коем случае назвать пре-

данным другом белых людей, но большинство индейцев считало изменниковм. Он же лишь ограждал соплеменников от кровавой драмы, возможно, нередко наступая на горло собственной гордости.

Он погиб от руки соплеменника в 1881 году. Его убийство вызвало много толков, но никто так и не смог разгадать, что двигало Вороньим Псом, когда он нажал на спусковой крючок «винчестера», подкараулив Крапчатого Хвоста, когда тот возвращался с племенного совета. Вождя похоронили в торжественном традиционном наряде, сшитом из оленьей кожи. В губы ему вложили кусок сала, чтобы он послужил ему пищей на первом этапе пути в Страну Духов. Сначала его оставили лежать на высоком помосте, как было заведено у Дакотов, но позже власти перезахоронили тело вождя на маленьком епископальном кладбище, как того требовала христианская цивилизация (ведь белым людям было важно иметь такую значительную фигуру индейского народа в «своей семье»).

Опалённые Бёдра были хорошими охотниками, богато (по индейским понятиям) одетые и снабжённые мясом. Они жили в удобных палатках, владели большими табунами. Своё время они посвящали бизоньей охоте, ловле диких лошадей и военным экспедициям на нижнее течение реки Платт против Поуней.

Каждое лето молодые люди уходили в поход за лошадьми в бассейны рек Платт и Арканзас. Индейцы применяли для этого тактику изнурительного загона, предварительно окружив табун мустангов, начинали гнать лошадей от одного человека к другому, доводя их до полного изнеможения, после чего набрасывали на шею мустанга петлю, валили на землю, стреноживали и уже позже приступали к объездке. Обычно из таких походов охотники за лошадьми возвращались с уловом в 40—60 голов.

В 1943 году лесник из резервации Розового Бутона (Rosebud) рассказал Джону Юэрсу, что старики поведали

ему, как ездили охотиться на диких лошадей в свои излюбленные места: близ нынешнего города Альянс в штате Небраска, где была целая сеть узких каньонов, и длиннющее ущелье вдоль реки Шайен в штате Вайоминг. Многие эти каньоны заканчивались глухими тупиками. Индейцы подолгу гнались на своих конях за мустангами, а в последний момент на ходу пересаживались на своих лучших скакунов, прибережённых напоследок для решающего рывка. Одна из групп охотников везла с собой заготовленные петли, прицепленные к раздвоенным концам длинных палок. Как только мустанг оказывался в пределах длины палки, на шею ему накидывалась петля, а палка отбрасывалась прочь. Охотник спрыгивал со своего коня, чтобы завалить и связать пойманное животное.

А вот воспоминания Мато Нажина: «Шест, который я увидел в руках отца, был более трёх метров длиной… Пока отец заготавливал палки, дедушка достал верёвку, свитую из тонких ремней, достал также ремни и ремешки, то нарезанные из оленьей кожи, то из шкуры бизона; некоторые из них были длинные, другие короткие. Отец выбрал ремешок из оленьей кожи и привязал его к концу шеста, потом привязал другой ремешок почти на середине шеста После этого он взял верёвку и сделал большую петлю. С двух сторон он подхватил петлю ремешками прикреплёнными к шесту. Так получилось приспособление для ловли мустангов… И вот весь лагерь пришёл в движение… Всадники с укрюками в руках мчались на быстроногих скакунах… Отец уже почти догнал мустанга. Он держал наготове свой укрюк и налаживал петлю из верёвки… Когда мы достигли подножия холма, отец поднял укрюк и опустил его над головой мустанга. Через секунду петля уже скользнула по шее дикой лошади. Теперь отец дёрнул шест изо всей силы и оторвал его от ремешков, которые придерживали расправленную петлю, — укрюк сделал своё дело, его можно было выбросить, мустанг был на аркане» («My People the Sioux»).

В войне против Поуней и Арикаров верх обычно брали Титоны, благодаря своей многочисленности. Редкий летний сезон заканчивался без того, чтобы в стойбище не привезли множество вражеских скальпов. Впрочем, никакого ограничения на военные походы в смысле времени года не существовало. Пляски со скальпами происходили весьма часто. Монотонные военные песни, сопровождаемые визгливыми голосами женщин, раздавались постоянно, равно как и заунывное оплакивание павших в бою.

Враги тоже были далеки от идеального характера и рвались в бой, дабы расквитаться за свои унижения и потери. Они подкрадывались к стойбищам Титонов чуть ли не еженощно, чтобы угнать пяток-другой лошадей или убить одиноко бродящего за пределами деревни человека.

Умерших хоронили обычно на высоком помосте, что было распространено среди всех равнинных племён. Сам же процесс погребения мог отличаться один от другого пышностью.

В 1866 году от тяжёлой болезни скончалась дочь Крапчатого Хвоста, когда деревня стояла на берегу Пыльной Реки. Перед смертью она высказалась, чтобы её похоронили в форте Ларами «на горе возле могилы Старого Дыма». Дым доводился семье Крапчатого Хвоста родственником и в былые годы занимал высокое положение среди Титонов. Форт Ларами располагался в 260 милях от стойбища Опалённых Бёдер. «Когда она умерла, деревню охватил ужасный плач. Со свежеубитого оленя сняли шкуру и хорошенько прокоптили её, затем завернули в эту шкуру тело умершей девушки, туго перетянув шнурками. Таким образом труп был некоторым образом забальзамирован… Стояла слякотная погода. Путь до Ларами был извилист и холмист. Мёртвое тело лежало на двух белых лошадках, крепко связанных между собой… Пятнадцать дней двигалась траурная процессия под звуки непрекращающихся рыданий… В двух милях от форта индейцев встретили солдаты, чтобы проводить

к укреплению… На следующий день возле могилы Старого Дыма на двенадцатифутовых шестах установили площадку и набросили поверх неё шкуру бизона. К шестам прибили хвосты и головы двух белых лошадей, доставивших труп в форт. Тело не развернули, но оставили внутри оленьей кожи и укутали ещё в красное одеяло, после чего положили в гроб… Женщины приближались к умершей и подолгу говорили ей что-то, некоторые шептали, будто сообщая ей нечто сокровенное. Каждая оставляла покойнице что-нибудь на память: зеркальце, нить цветных бус, сосновую шишку. После этого гроб закрыли, и женщины принялись поднимать его на помост. Мужчины стояли вокруг, но ни один из них не сделал движения, чтобы помощь женщинам. Поверх гроба положили свежую бизонью шкуру и привязали её к помосту ремнями» (Gleed «Letters»).

Кливланд, работая в индейском агентстве в Небраске, сделал любопытные наблюдения за погребальными обычаями Опалённых Бёдер, о чём сообщил в своём письме к доктору Ярроу. «Некоторые из этих индейцев хоронят своих покойников в грубых деревянных ящиках, либо закапывая в яму, либо просто оставляя гроб на поверхности земли где-нибудь на возвышенности, если у них нет возможности вырыть могилу. Но это лишь подражание белым людям. В большинстве же случаев они придерживаются своей традиции, которая ничем не отличается от обычаев их далёких предков, живших много поколений назад. Следуя племенным устоям, они туго заворачивают покойника в одеяла или шкуры (случается, в то и другое разом), обвязывают кожаными шнурками, затем кладут умершего на спину, вытянув во всю длину, либо на ветви дерева, либо на специально сооружённый помост. Такие помосты обычно устанавливаются на четырёх шестах высотой футов в восемь, концы тех шестов имеют развилку и надёжно подпирают помост в каждом из четырёх углов. Бывает, что на один помост укладывают не одно тело, а больше, хотя обыкновенно для

каждого покойника сооружается свой настил. Индейцы, будучи очень суеверными, подвешивают к помосту всяческие вещицы, которые считают священными. Суеверие их настолько велико, что никто из соплеменников никогда не осквернит место захоронения… То же суеверие не позволит индейцам использовать погребальный помост дважды или взять кусок дерева с места погребения для иных нужд, например, в качестве дров, даже если обстоятельства очень „поджимают“. Существует также обычай, хоть он и не распространён повсеместно, забирать тело после того, как оно пролежало два года на помосте, и хоронить его в земле» (Yarrow «Letters»).

Вся работа по подготовке умершего к похоронам, равно как и сооружение самого погребального эшафота возлагается на женщин. «Женщины укладывают тело на помосте, затем приходят в деревню, чтобы пригласить мужчин к месту погребения» (Yarrow).

«В том случае, если умерший был человеком богатым или если родственники могут позволить себе это, то забивается одна или несколько лошадей, их туши сваливаются у подножия эшафота. Друзья и родня усопшего выражают горечь утраты самыми разными способами: одни из них громко стенают, другие делают себе порезы на руках и ногах ножом или кусочками кремня, чтобы залить себя кровью. После чьей-либо смерти скорбящие люди не притрагиваются к пище до тех пор, пока тело не будет похоронено. Оставшаяся собственность покойного раздаётся соплеменникам. Жилище обычно переходит в собственность одной из женщин, помогавшей во время погребения» («Burials West of the Mississippi» Bureau of American Ethnology).

«Существует обычай оставлять пищу на погребальном помосте. Иногда еды кладут мало, и это означает, что она предназначена только для самого покойника. Но бывает, что пищи оставляют много, и тогда она предназначается также и для духов других умерших, одного возраста и пола

с покойником. Например, если умерла маленькая девочка, то её придут встретить и угоститься такие же маленькие девочки. Если скончался мужчина средних лет, то его встретят духи мужчин такого же возраста. Родственники никогда не произносят вслух имена умерших людей» (Yarrow).

Хочу воспользоваться описанием похорон, оставленным Алисой Флетчер. Эта настойчивая женщина-этнограф приложила немало сил, чтобы донести до людей прелюбопытнейшие детали из жизни американских аборигенов. Похороны, о которых пойдёт речь, случились в резервации Розовый Бутон в конце 1881 года, но традиционная сторона ритуала никуда не делась, несмотря на многие изменения, произошедшие в жизни Титонов к тому времени.

«Утром 18 октября 1881 года внезапно умер индеец. Один из родственников вышел из двери и воскликнул:

— Посланник отправляется в страну духов!

После этого он немедленно застрелил лучшего коня скончавшегося индейца. Его жёны быстро распаковали свои сумки и извлекли оттуда всевозможные украшения, бусы и т. п. и побросали их к ограде возле палатки.

В руки умершему вложили барабан общества Лисиц. Умерший был также членом «клуба» Омаха. В палатке собрались и уселись в ряд представители воинского общества Омаха. Очень долго они исполняли низкими голосами песню смерти. Прибежала собака, и они застрелили её. Вход в их палатку был открыт. Над головой покойника виднелось какое-то украшение из перьев, вероятно, его боевой убор. Женские украшения и бусы уже были развешены на ограде, их должны были распределить между членами «клуба». Женщины-родственницы обрезали свои волосы и уложили их на мёртвое тело — эти волосы должны быть погребены вместе с покойником. Из палатки вынесли все домашние вещи.

Прежде чем глашатай объявил о раздаче лошадей, я заметила какого-то мужчину в светлом одеяле; он наклонился

над мертвецом и раскрашивал его лицо жёлтым и красным цветом. Закончив свою работу, он сказал, что можно раздавать лошадей.

Покойника похоронили в полдень. Его пистолет, нож, барабан и лук были оставлены возле него. Убитую лошадь отволокли к месту погребения чуть позже. А застреленная псина отправилась в котёл и послужила угощением собравшихся» (Bureau of American Ethnology).

В дневниках экспедиции Льюиса-Кларка под числом 20 апреля 1805 сделана запись: «Неподалёку от лагеря я увидел... индеанку, захороненную на их манер на платформе высотой футов в шесть. Платформа обрушилась. Индеанка была плотно завёрнута в несколько шкур и завязана. Рядом была её убитая собака, сумка с разноцветной глиной, мелкие косточки, когти бобра...» Это могло быть захоронение Титонов или Ассинибойнов, а также любых других степных индейцев; принципиально они ничем не отличались друг от друга.

Рассказывая о захоронениях Ассинибойнов, священник Де Смет пишет: «Они *никогда* не закапывают своих мёртвых. Они привязывают покойников верёвками и кожаными ремнями к ветвям деревьев, но чаще оставляют их на специальных платформах, дабы уберечь их от волков и прочих диких зверей. Эти платформы гораздо выше человеческого роста. Покойника всегда кладут ногами на запад. Так они лежат и гниют. Когда помост или дерево с захоронением обрушиваются от старости, родственники закапывают кости покойника в землю, а черепа выкладывают по кругу на равнине, обязательно повернув их глазницами к центру круга. За этими кругами из черепов индейцы следят, поклоняясь им как святыням. Там всегда можно увидеть и несколько бизоньих черепов. В центре торчит шест высотой примерно в двадцать футов, к нему привязаны всевозможные *ваканы*, чтобы охранять священное место. Индейцы называют кладбище Деревней Мёртвых. Они обязательно навещают эти

места в определённое время года, чтобы побеседовать с умершими и оставить им какие-нибудь подарки».

Не так много можно найти людей, которые были бы столь же хорошо знакомы с обычаями племён Верхнего Миссури, как Отец Де Смет. Он путешествовал по той земле во все времена года, для него не существовало препятствий. Он оставил массу описаний и не случайно считается действительным знатоком индейских обычаев. Однако есть случаи особые, когда погребальные обряды принимают совершенно иные формы. Так, например, Александр Генри, добравшийся до Ассинибойнов в 1775 году, рассказал о более древних похоронных обычаях этого народа, которые не могут не вызвать интерес читателя: «Если смерть пришла зимой и застигла общину вдали от родового кладбища, то родственники возят покойника за собой повсюду до наступления весны, куда бы они ни направлялись. Мёртвое тело обязательно держат на высоком помосте, подальше от звериных клыков. Весной приезжают к месту захоронения. Могила делается круглой формы, примерно пять футов глубиной, обкладывается берёзовой корой или же корой другого дерева и шкурами. Когда устроено сиденье, покойника располагают в могиле *в сидячем положении*, подперев его со всех сторон. Если это мужчина, то подле него складывается его оружие, а также его обувь и вообще всё, что нужно охотнику и воину... После этого усопшего покрывают корой, кору придавливают брёвнами, брёвна засыпают землёй. Затем поднимается оратор и произносит хвалебную речь, подробно перечисляя все подвиги покойного. Он не упускает из виду ни одного поверженного врага, ни одного снятого скальпа, ни одного захваченного пленника... При каждом упоминании выступающий ударяет по заборчику, установленному перед могилой, как бы привлекая внимание к своим словам и усиливая впечатление. По окончании его речи заборчик покрывается рисунками со всеми только что перечисленными подвигами, все убитые враги, все пленники —

всё появляется на этой изгороди... К этому добавляется его личный символ, который на алгонкинском языке называется „тотем“, и без которого индейцы не мыслят никакой охраны. Кроме того, этот знак будет сообщать всякому прохожему, к какому роду принадлежит захороненный человек. Особое значение придаётся еде, которую оставляют на могиле, чтобы усопший мог питаться в пути».

Приплыв 25 мая 1833 года на пароходе в Агентство Сю (Sioux Agency), принц Максимильян сразу приметил на возвышенности индейское кладбище. Многие могилы представляли собой высокие платформы на четырёх шестах. Но были и просто одинокие шесты, у основания которых были густо навалены ветви и кустарники, под которыми располагались земляные могилы. Максимильяну сказали, что «в одной из таких могил был захоронен в *стоячем положении* сын вождя». «Среди любопытных обычаев Сю следует выделить их обхождение с умершими. Те, которые умирают вдали от дома, зашиваются в шкуры и укладываются вместе со всем своим оружием на высоких помостах, где остаются до полного разложения, после чего их кости иногда закапываются в землю. Но те, которые погибают в бою, закапываются на месте. Бывает, что и в мирное время они хоронят своих людей в земле и охраняют их от волков при помощи наваленных поверх могилы колючих кустов. Я видел много таких могил близ Агентства Сю». Об Ассинибойнах Максимильян сообщал следующее: «Они верят в то, что умершие уходят в страну, лежащую где-то на юге. Там храбрые и добропорядочные индейцы находят для себя женщин и бизонов, в то время как слабые и трусливые помещаются на остров, где они лишаются каких-либо благ. Те, что в жизни вели себя отважно, не должны быть погребены на деревьях, но их следует оставить прямо на земле, так как они способны сами позаботиться о себе. Конечно, в этих случаях их просто пожирают волки, и чтобы этого не произошло, индейцы обкладывают трупы камнями. Но чаще всего покойников за-

крепляют на деревьях, как это делают все Сю, или же кладут на высокие помосты. Мертвецов заворачивают в бизоньи шкуры. На одном дереве иногда можно увидеть три и даже четыре захоронения». В другом месте (22 июля 1833) Максимильян рассказывает: «Мы обнаружили дерево с несколькими покойниками на нём. Одно тело свалилось на землю, и волки разорвали его. Все трупы были завёрнуты в новые одеяла, некоторые были покрыты алой краской. Отдельные ветви того дерева и часть ствола тоже были выкрашены в красный цвет. Мистер Дрейдоппель, наткнувшийся на это захоронение, подобрал череп молодого Ассинибойна, в котором мышь устроила своё гнездо. А господин Бодмер сделал тщательную зарисовку того дерева, под которым распустился густой куст роз в полной красе».

Окрашивание погребальных деревьев, похоже, было весьма распространённым явлением среди Титонов и Ассинибойнов. 13 июля 1833 года Максимильян увидел в нескольких милях от форта Юнион останки Ассинибойна, лежащего в шкурах на склонённых ветвях дерева, ствол которого был сплошь обмазан красной краской. На ветвях висели седло и уздечка.

Но полковник Додж придерживается иного мнения по поводу траурного цвета: «Сю придавали особое значение зелёному цвету при погребении мёртвых. Мне никогда не приходилось видеть, чтобы Сю использовали в повседневности зелёные одеяла, но на всех обследованных мною могилах я видел человеческие останки, завёрнутые в зелёные одеяла. А вот у Шайенов и Арапахов, похоже, нет такого особого цвета» (Dodge «Our Wild Indians»). Не верить словам Доджа нет никакого основания, так как он по роду своей деятельности повидал немало захоронений. Однако он никогда не считал себя исследователям и не отличался особой наблюдательностью. Возможно, его свидетельства относятся к какой-то определённой группе Дакотов, но не ко всем степнякам? Ведь Додж употребляет слово СЮ, за которым

могут стоять самые разные племена и общины Дакотов, от западных до восточных и от северных до южных, равно как и Ассинибойны.

А вот любопытное свидетельство Деревянной Ноги (Шайен). «Лакоты часто хоронили своих умерших на помостах, но у Шайенов дело обстояло иначе. Иногда мы тоже клали мертвецов на сделанные из дерева настилы, однако чаще всего мы помещали их в маленьких каменистых пещерах на склонах холмов, если таковые были удобными. В более поздние времена в нашей резервации покойника клали на землю на каменистом холме или другом месте вдали от дорог. Тело тщательно закутывали в одеяла, а иногда оставляли в деревянном ящике. В любом случае сверху наваливалась куча камней, чтобы защитить тело от хищников» (Thomas Marquis «A Warrior Who Fought Custer»).

Вышесказанное указывает на то, что захоронения на помостах не были традиционно-обязательными для кочевых племён. Надо полагать, что помосты вошли в культуру степняков в связи с тем, что деревья редко встречались на равнинах, следовательно, оставлять всех покойников высоко на ветвях было весьма проблематично. Именно поэтому индейцы стали сооружать высокие погребальные настилы (дабы восполнить ими недостаток деревьев); возможно, на помосты шли даже шесты, из которых строились жилища (на некоторых фотографиях конца девятнадцатого столетия видны целые связки шестов, прислонённые к погребальным настилам). Что касается пещер, о которых говорит Деревянная Нога, то отыскать таковые можно было только в гористой местности, но никак не в прерии.

О том, что рельеф местности диктовал туземцам условия захоронений, говорит и то, что многие племена, обитавшие в окружении гор, куда реже пользовались погребальными помостами и предпочитали хоронить покойников в пещерах. Например, Проткнутые Носы во время так называемой войны вождя Жозефа, клали своих убитых в пещерки или

в углубления, которые успевали отрывать на обрывистых участках земли сразу после завершения боя, несмотря на всю нехватку времени.

Устоявшееся мнение, что индейцы следовали погребальным обычаям по строго определённой схеме, иногда приводит к тому, что некоторые вопросы истории так и остаются неясными. Стереотипы мешают увидеть истину. Примером может служить спор о захоронении знаменитого воина Шайенов, известного белым людям под именем Римский Нос (в действительности Орлиный Нос).

Орлиный Нос погиб в 1868 году. Шайены утверждали, что он был погребён тайно, дабы его тело не могло пострадать от рук мстительных врагов. Но отряд бригадного генерала Карпентера обнаружил это захоронение, хотя трудно утверждать со всей определённостью, что одна из обнаруженных могил принадлежала именно Орлиному Носу. Некоторые убитые показались солдатам не рядовыми индейцами, а выдающимися воинами, если судить по их нарядам. Так, один из покойников был одет в головной убор из оленьей кожи, красиво расшитый бисером, с орлиными перьями, которые тянулись вдоль всей спины индейца, и украшенный отполированным бизоньим рогом в передней части. Именно такой головной убор носил Орлиный Нос, и многие индейцы называли этот головной убор уникальным, хотя уникальность его, конечно, была связана не столько с его внешним видом, сколько с магическими качествами убора. И всё же индейцы не упоминают больше ни об одном воине, который носил бы в том бою подобный убор. Если верить исходить из обнаруженного головного убора, то получается, что было найдено захоронение именно Орлиного Носа. Вместе с тем, способ погребения Шайенов, как указывалось выше, отличался от погребений Лакотов. Впрочем, Симсон Мэтсон, основываясь на многочисленных опросах Шайенов, пишет об этом: «После смерти Орлиного Носа, тело на закате отвезли к южному рукаву Республиканской Реки. Он был захоронен рядом

с тем местом, где сегодня располагается Хэйл, Колорадо. Как полагается по индейскому обычаю, его жене помогала другая индеанка по имени Магическая Женщина: *принести шесты от палатки и возвести помост*». Кстати сказать, Джордж Бент, живший с Шайенами в то время, подтверждает, что Орлиный Нос и другие убитые были оставлены на помостах. Но вполне возможно, что Бент говорил о помосте лишь для того, чтобы «замести» следы, хотя его мемуары были написаны далеко не сразу после тех событий, так что «заметать» следы не было уже нужды.

Этот случай является также ещё одним подтверждением того, что свидетельства индейцев-участников какого-то события полны противоречий. Зачастую один и тот же рассказчик мог изложить две вполне противоречившие друг другу версии, как это показал Роберт Лоуи на примере устной традиции Абсароков. Но бывало, что индейцы просто откровенно привирали, давая интервью жерналистам, считая это чуть ли не делом своей чести. «Нет ничего дурного в том, чтобы лгать белым людям!» — не раз повторял Две Луны, вождь Шайенов.

***

Дениг рассказывает, что как-то раз в 1835 году «Поуни и Арикары угнали 50 лошадей у Опалённых Бёдер из лагеря на L`eu qui Court. Погоня собралась без промедления, и преследователи настигли конокрадов совсем недалеко от стойбища. С душераздирающими воплями дикари сцепились в яростной драке. Все двадцать два конокрада погибли на месте, и их лошади были присоединены к только что угнанному ими и теперь возвращённому табуну. К месту схватки, едва завидев, что дело кончено, кинулись женщины из лагеря. Размахивая топорами и ножами, они спешили добраться до распластанных в высокой траве врагов. Считанные минуты спустя поле брани стало похожим на гудящий рой пчёл, густо облепивший соты. Воины важно гарцевали на своих разгорячённых скакунах, обменива-

ясь громкими возгласами и посматривая не то, как их жёны и сёстры отрубали головы, руки, ноги и половые органы поверженных врагов. Чуть позже шумная процессия уже возвращалась к родным палаткам, волоча за собой на верёвках изуродованные трупы и размахивая над головами палками с привязанными к ним отсечёнными человеческими членами. Маленькие мальчики бросали друг другу отрубленные оскальпированные головы и стреляли в них из своих луков, а некоторые даже получили для такого случая от отцов или старших братьев длинноствольные ружья, чтобы всадить кусок свинца в уже и без того обезображенных врагов. Долго ещё дети и женщины колотили палками и камнями по окровавленным останкам конокрадов, и до самого утра не смолкали дикие песни над жилищами Опалённых Бёдер».

Но отвернёмся же от этого безжалостного действа и уделим немного внимания иным аспектам жизни, тем более что таких историй было несчётное множество и рассказывать их можно про любое племя. Почему Дениг решил поведать читателю именно эту историю, остаётся непонятным. Он не называет никаких конкретных имён и не приводит подробностей той схватки. Стало быть, она не заслуживает особого внимания. Это просто одна из тысячи таких историй, которые не отличаются одна от другой абсолютно ничем, разве что речь идёт о Сичангах, то есть Опалённых Бёдрах.

Сичангу — одно из многих племён, которые устраивали массовую охоту на стада копытных, криками сгоняя их к высокому обрыву, откуда животные сыпались вниз на острые скалы, ломали себе ноги и сотнями бились в агонии до тех пор, пока индейцы не спускались по тропинкам вниз, чтобы прикончить их. Такое ведение охоты характерно для более северных племён, живущих в окружении гор. Однако часть страны Сичангов в бассейне Белой Реки, будучи очень пересечённой местностью, тоже вполне пригодна для такого ви-

да охоты. Вислер дал подробное описание загонной охоты на антилоп, характерную для племени Черноногих, и подчеркнул, что такая охота велась многими племенами того региона. Дж.-Г. Сноуден лично видел такую ловушку для антилоп в истоках южной реки Шайен в ноябре 1859 года; этот загон был устроен Арапахами. Дениг сообщает: «Суть загонной охоты была проста. Когда стадо животных попадало в окружение нескольких сотен человек и, напуганное истошными криками, пускалось наутёк к единственному оставленному для антилоп проходу между холмами, животные, не подозревая о коварстве охотников, выбегают прямо к тому месту, где земля обрывается перпендикулярной стеной. Очень часто такие ловушки бывали не очень глубокие, и антилопы, валясь друг на друга, вскоре заметно засыпали дно, и в какой-то момент очередная порция животных уже получала возможность выпрыгнуть наружу, скача по телам своих несчастных сотоварищей. Принимая это во внимание, индейцы обычно возводили со всех сторон небольшие стены из брёвен и кустарника, дабы предотвратить бегство тех антилоп, которые окажутся самыми верхними».

Разумеется, что такая охота велась не только на антилоп, но в гораздо большем объёме — на бизонов, ибо сами стада бизонов (более многочисленные) сулили добычу побогаче. Впрочем, коли существовали ловушки такого рода на антилоп, это свидетельствует о том, что антилопы паслись столь крупными стадами, что величину их трудно представить сегодня (ведь горстку животных в десять-двадцать голов не так-то легко направить в нужном направлении; они просто разбегутся в разные стороны).

Что до бизонов, то в «долошадные» времена индейцы использовали не столько загонный способ, сколько метод заманивания стада к ловушке. В качестве умелых зазывателей выступали люди, не только досконально изучившие повадки бизонов, но и получившие некоторые откровения от Великого Духа. По этому поводу существует легенда Чер-

ноногих, в которой рассказывается о священном Бизоньем Камне, силу которого постигла жена одного из индейцев племени Черноногих. Эта молодая женщина была самой забитой в семье, носила самые стоптанные мокасины, еда доставалась ей за обедом в самую последнюю очередь и т. д. и т. п. И вот однажды эта женщина услышала в лесу голос:

— Я Бизоний Камень, — произнёс голос, — я лежу у твоих ног. Подними меня, и я поведаю тебе тайну.

И камень передал ей умение повелевать бизонами, чтобы околдовывать их, лишать их собственной воли и направлять движение их стада в нужном направлении. Молодая женщина вернулась домой и сказала своему мужу:

— Созови всех мужчин. Пусть каждый из них принесёт с собой кусочек мяса с горба бизона. А те, кто умеет пользоваться погремушками, пусть принесут с собой погремушки, по четыре штуки каждый. — Она повернулась к юношам и сказала — А вы принесите сюда побольше бизоньих рёбер и уложите их в один ряд. Когда всё будет готово, встряхните бизоньими шкурами четыре раза в сторону уложенных рёбер и громко спойте им песню. На четвёртый раз все рёбра превратятся в настоящих бизонов.

Она сообщила им слова священной песни, и когда всё было исполнено, рёбра на самом деле превратились в живых бизонов. Отсюда пришла к людям сила повелевать этими могучими рогатыми животными и направлять вожака стада к ловушке на скале.

Замечательное описание действий зазывателя бизонов даёт Джеймс Шульц в повести «Апок, зазыватель бизонов»: «Мимо нас прошёл Маленькая Выдра. Он спустился в ложбину, пересёк её и стал подниматься по склону. За ложбиной тянулись невысокие холмы. Зазыватель обходил их, не желая показываться стаду. Я следил за каждым его движением. Наконец, он поднялся на вершину одного холма, хотя мне казалось, что бизоны находились ещё слишком далеко, чтобы можно было позвать их. Здесь он остановил-

ся, развернул шкуру бизона и стал размахивать ею на виду всего стада. Потом он быстро спустился с холма и три или четыре раза позвал бизонов. Голоса его я не слышал, но сразу догадался, что он звал бизонов; грудь его опускалась и поднималась. Он то наклонялся вперёд, то выпрямлялся. О, как напрягал я мой слух, пытаясь расслышать его зов... Животные перестали щипать траву и повернулись в его сторону, а некоторые медленно двинулись к нему. Я посмотрел на зазывателя: он снова размахивал шкурой. И тогда всё стадо побежало к лощине, а Маленькая Выдра помчался по равнине. Удивительно, как мог старик бежать так быстро! Завернувшись в шкуру и сгорбившись, он летел, как стрела. Стадо быстро нагоняло его... В эту минуту Маленькая Выдра свернул на запад и спрятался за грудой камней. Вожаки стада потеряли его из виду и продолжали мчаться вперёд». Из-за камней, уложенных вдоль намеченного пути бизонов, поднимались люди и громко кричали, размахивая одеялами, шкурами и палками, чтобы пугать животных и не позволять им сворачивать в сторону. Бизоны боялись непонятных движений и бежали прямо. Крупные камни были уложены таким образом, чтобы определить направление бега стада, постепенно сужая дорогу и подводя её узкой тропинкой к обрыву. Так бизоны бежали, повинуясь указанию хитрого ограждения, покуда не сорвались в пропасть, поджидавшую их на пути.

Жаль, что ничего подобного не поведал Эдвин Дениг. Его сообщение о ловушках на стада крупного рогатого скота ограничились лишь скупым упоминанием о их наличии в тех местах. Любопытно было бы узнать, насколько часто в его бытность на берегах Миссури индейцы прибегали к помощи таких ловушек.

***

Потоки белых переселенцев двигались в Калифорнию и Орегон через земли Титонов, особенно через территорию

Сичангов, что послужило причиной наиболее сильного распространения инфекционных заболеваний именно среди них. Опалённые Бёдра жили гораздо ближе к тракту, чем остальные племена Титонов. Оспа, холера, корь и прочие недуги год за годом косили их ряды, пугающими темпами сокращая население, и вскоре вместо многочисленной семьи перед белыми людьми предстали жалкие остатки народа. Доведённые до отчаянья и раздражённые индейцы не замедлили выплеснуть ненависть на причину своих несчастий — на белокожих чужаков. Никто не был вправе выступить в защиту белого человека и его коварного правительства, которое насылало на индейцев всевозможные хвори.

В 1853 году (согласно отчётам комиссионера по делам индейцев Вогана) у Сичангов насчитывалось 150 палаток. Но уже через два года Воррен называл совершенно другое число — 450 палаток. А в 1856 году индейский агент Твисс указывал, что Сичанги имели 250 палаток, ссылаясь на то, что он пересчитал их, когда индейцы приезжали в резервацию для получения продовольственных пайков и других товаров.

***

Миниконжу (Миниканьевожупи) — Сеющие Возле Воды. Они обосновались в регионе, протянувшемся от Вишнёвой Реки вдоль реки Шайен к горному хребту de Mince на Большой Реке. Здесь, как и в других западных районах, в изобилии водились бизоны.

Табо выявил три подгруппы «Миникан-Хуньожу». Одну из них он назвал «Такохиропапай», деревня состояла из восьмидесяти палаток, которые наносили дружеский визит Арикарам в июне 1795 года. Трудо настаивал на том, что эта группа, как и Чахоны (Саоны) «обыкновенно бродила к северо-востоку от Миссури, но не находя там никаких диких быков и коров, вынуждена была возвращаться на запад

от Миссури, где бизоны многочисленны». В 1853 году Воган обнаружил Миниконжей на землях севернее реки Шайен, почти у реки Моро, то есть к юго-западу от Чёрных Холмов, почти возле устья Бобрового Ручья. Воррен отводил им в своих исследованиях территорию «между развилкой реки Шайен и Чёрными Холмами».

Поведение каждого племени сильно зависело от характера вождя, от глубины его мудрости, от степени его гибкости, от чистоты помыслов. С точки зрения белых людей, индеец мог считаться «хорошим», если он был дружелюбен по отношению к европейской расе, следил за порядком в своей деревне, не подстёгивал соплеменников к войне, даже если эта война не была направлена против белых (ведь распалившиеся дикари были не особенно щепетильны в том, кто попадался им под руку — светлокожий переселенец или краснокожий враг).

В этом смысле племя, которое мы сейчас бегло обозреваем, было наиболее подходящим для общения с белыми людьми. Дениг утверждал, что Миниконжи были тихими индейцами, всегда демонстрировали дружеские чувства. Однако при этом Миниконжи умудрялись всегда оставаться наиболее дикими и наименее цивилизованными, чем другие Титоны. Возможно, это связано с их наибольшей удалённостью от белых людей, из-за чего они реже остальных появлялись близ фортов на реках Платт и Миссури.

В 1836 году ими руководил Одинокий Рог. За время его правления племя никогда не выходило за рамки разумного поведения. Это был храбрый и умный человек, пользовавшийся бесконечным доверием соплеменников. Какие бы торговые сделки ни совершались между Миниконжами и белыми людьми в бытность Одинокого Рога, обе стороны непременно оставались полностью удовлетворёнными.

«Вскоре после 1836 года у этого вождя умерла в результате тяжёлой болезни любимая жена. После долгого оплакивания он, потеряв всякий смысл в жизни, объявил, что

намерен покончить со своей жизнью. Людей охватил ужас. Разумнейший из Миниконжей, величайший храбрец и мудрец приготовил себя к закланию! Ничто не страшило индейцев больше, чем самоубийство. Все почувствовали себя парализованными, и никто не посмел остановить вождя, когда он в полном одиночестве побрёл из лагеря пешком. Лишь несколько человек рискнуло последовать за ним. Они-то и поведали оставшимся в притихшей деревне людям о том, что посреди голой прерии вождь бросился на громадного бизона, ранил его ножом, и бык разорвал его своими рогами на месте. Несколько часов спустя соплеменники подобрали его останки в запёкшейся луже крови» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Майор Пилчер предлагает несколько иную версию смерти вождя: «В результате какого-то нелепого несчастного случая Одинокий Рог потерял своего единственного сына. Его горе было столь огромно, что вождь временами буквально терял рассудок, становился больным. В один из таких приступов безумства он оседлал своего любимого военного коня, схватил лук и стрелы и во весь опор помчался в прерию, не переставая кричать, что убьёт первое живое существо, которое ему повстречается, будь то враг или друг. Никто не осмелился последовать за ним. А через час или два вернулся его конь, окровавленный и с двумя стрелами в боку! Людей охватили самые плохие предчувствия, и отряд верховых воинов немедленно отправился на поиски Одинокого Рога, скача по следам вернувшегося коня. Так они добрались до места трагедии, где увидели тело вождя, жутко истрёпанное бизоном, туша которого валялась поблизости. Изучив следы, индейцы пришли к выводу, что вождь встретил быка, который не захотел убежать и начал драться. Вероятно, Одинокий Рог спрыгнул с коня и выстрелил в него, чтобы прогнать, а сам бросился на бизона с ножом в руке. Многие его кости переломались, когда бык принялся бодать и топтать его. Но бизон тоже погиб под ударами длинного

ножа». Разумеется, никаких действительных свидетельств, что Одинокий Рог погиб именно так, нет. Речь идёт лишь о предположениях.

Джордж Кэтлин сделал портрет Одинокого Рога во время своей остановки в форте Пьер летом 1832 года. «Шестьсот семейств Сю жили поблизости в палатках из бизоньих шкур. Там было двадцать или больше разных общин, и во главе каждой стоял свой вождь, а всех их возглавлял главный вожак — человек средних лет, невысокого роста, но с фигурой Аполлона. Я нарисовал его портрет. Его звали Ха-вон-жи-та, то есть Один Рог. Вождём он сделался очень быстро, благодаря своим необычайным заслугам. Он рассказал мне, что его имя происходит от ракушки, которая украшала шнурок вокруг его шеи. Ракушка досталась ему от отца, и он дорожил ею больше чем любой другой собственностью» (Catlin «Notes and Letters»). Из объяснения Кэтлина невозможно понять, почему же всё-таки «рог», а не «раковина», и какая между рогом и раковиной существовала связь. На языке Титонов имя Одинокого Рога звучит как Хе-Ванжи-Та («хе» — «рог», «ванжи» — «один, одинокий», «та» — обозначает принадлежность к быку, например: «чези» — язык, «тачези» — бизоний язык или «па» — голова, «тапа» — оленья голова). Далее Кэтлин рассказывает: «Вождь обращался со мной с огромной добротой и вниманием, вероятно, посчитав большой честью то, что я нарисовал его портрет. Его наряд был удивительно красив, и я намереваюсь повесить его в моей галерее рядом с его портретом. Рубашка шита из оленьей кожи, чудесно расшита иглами дикобраза и увешена скальповыми прядями... Уже до того, как стать вождём, этот необыкновенный человек прославился своей физической силой и выносливостью. Никто не мог превзойти его в беге. Он мог обогнать на своих ногах даже быка, что частенько делал, и догнав, пускал стрелу ему прямо в сердце. В состязаниях по бегу он всегда был первым. В племени любили говорить, что Ха-вон-жи-та никогда не извлекал

свой лук понапрасну. Его вигвам был богато украшен скальпами, срезанных в боях с вражеских голов».

Что касается гибели Одинокого Рога, то Кэтлин был свидетелем любопытной сцены, когда однажды показывал членам индейской делегации свои работы. Индейцы сразу узнавали портреты соплеменников и очень радовались, видя перед собой их лица. Когда же дошёл черёд портрета Одинокого Рога, они внезапно погрустнели и повесили головы, издав трагический возглас. Не поняв, что произошло, Кэтлин обратился за разъяснением к офицеру, сопровождавшему индейцев. Тот сообщил ему о недавней гибели вождя. Художник был настолько потрясён услышанной историей, что нарисовал три картины под общим названием «Гибель Хеванжиты». На одной из этих картин сделана пометка, что смерть настигла Одинокого Рога в устье Малой Миссури в 1834 года.

После гибели Одинокого Рога у Миниконжей сменилось несколько вождей, и ни один из них ничем не прославил себя. Результат не заставил себя долго ждать. Миниконжи сделались раздражительными, начали беспрестанно ссориться из-за пустяков. Белые торговцы продолжали приезжать к ним в деревню, но индейцы прилагали все усилия, чтобы хоть как-нибудь обмануть пришельцев, своровать у них что-нибудь, найти повод для ссоры. В конце концов они убили нескольких гостивших у них трапперов. Причина убийства осталась неизвестна.

Нужно отметить, что индейцы, хоть и нападали на чужаков, забредших на их землю, всё же никогда не любили убивать тех, кто говорил на их родном языке, особенно, если они были знакомы с ними лично. Даже Черноногие, которых называют наиболее свирепыми дикарями на Миссури, редко убивали трапперов, которые когда-либо жили в их стойбищах. При этом индейцы были беспощадны к так называемым «горцам» (mountain men), которые жили с враждебными племенами и своим диким нравом не отличались

от самих индейцев.

До 1846 года Миниконжи не переставали вести войну с переменным успехом против Арикаров, Манданов и Большебрюхих. Дениг утверждает, что Миниконжи были более умелыми бойцами, чем Арикары. Но это утверждение не основано ни на чём. Он упоминает о случае, когда они «уничтожили сразу двадцать Арикаров возле их собственной деревни, потеряв при этом всего восемь человек». Но это лишь отдельно взятый случай, а вовсе не прослеженная цепь военных экспедиций.

С давних времён Миниконжи отправлялись вместе с Оглалами в походы против Абсароков и пригоняли домой большие табуны, взамен которых почти всегда оставляли на вражеской земле пару скальпов своих соплеменников. Противостояние Абсароков и Миниконжей почти никогда не прекращалось. Зато по отношению к Арикарам они вели себя по-разному. Примерно в 1846 году поголовье бизонов неожиданно сократилось, и Миниконжи сочли необходимым заключить мирное соглашение с Арикарами, дабы приобрести у них кукурузное зерно в обмен на шкуры и другие товары. Этот мир продлился до пятидесятых годов, хоть и прерывался иногда мелкими неурядицами. Мир дал Миниконжам возможность стоять лагерем за деревнями Арикаров в истоках Малой Миссури. Там они нашли множество дичи, охотились, ходили в военные походы против Абсароков, оттуда выезжали к устью Жёлтого Камня, убивали от случая к случаю белых людей. Летом они возвращались к Большой Реке или к реке Шайен, осенью ехали к Арикарам покупать зерно.

***

Хункпапы, Сихасапы и Итажипчи обитали почти в том же самом районе. Их деревни часто ставились по соседству, и люди регулярно участвовали в одних и тех же делах. Под их постоянным контролем находились реки Моро, Ядро, Сердце и Большая Река.

Название «Хункпапа» происходит от слов «хо» — лагерный полукруг, «инкпа» — край, конец, «па» — голова. Это обозначает, что данное племя располагалось в самом начале (в головном крае) полукруга, когда Титоны собирались в общий лагерь.

В 1804 году Тобо записал в своих документах племенную группу Хонтпапа как подразделение Саонов. 16 июля 1825 года генерал Аткинсон заключил соглашение с Хункпапами в деревне Арикаров на Миссури. Он отметил, что они «беспрестанно кочуют между Миссури и верховьями реки Святого Петра... основным местом их торговли является форт Жак».

Группа Сихасапа, то есть Чёрная Нога («сиха» — нога, «сапа» — чёрный), была, вероятно, последней из всех Титонов, которая пересекла Миссури во времена большой миграции. Возможно, это те самые индейцы, которых генерал Аткинсон назвал племенем Огненного Сердца и с которыми подписал договор на Ручье Потаённого Лагеря. Кэтлин нарисовал портрет индейца из племени Чёрная Нога по имени Уходящий Медведь в форте Пьер в 1832 году. Воган отмечал в 1853 году, что Сихасапы проживали на той же территории, что и Хункпапы.

Кстати, знаменитый вождь Крапчатый Хвост, до самой смерти возглавлявший племя Опалённые Бёдра, в действительности был родом из племени Сихасапа. Его отец (то ли Спутанные Волосы, то ли Скачущий Бизон) возглавлял одну из родовых групп Сихасапов, которая во время переселения племени остановилась ненадолго возле деревни Опалённых Бёдер. Там вождь женился на молодой женщине и решил не покидать её племя. В их семье родилось несколько детей, одним из которых был Крапчатый Хвост.

Итажипчо — Нет Луков (в литературе часто встречается под французским названием Sans Arc). Название происходит от слов «итажипа» — лук, «чола» — без. Табо в своих записках высказался, что племя Хитасптчоне (Итажипчо) бы-

ло ответвлением Саонов. Воган подчёркивал в 1853 году, что земля Итажипчей являлась той же территорией, что и земля Миниконжей.

Несмотря на то, что эти племена имели обыкновение жить рядом, им всё же приходилось ставить свои палатки и на достаточном удалении друг от друга. Среди Хункпапов наиболее выделившимся в тридцатые годы вождём был Маленький Медведь. Белые никогда не называли его «хорошим» человеком. Он пользовался огромным влиянием на своих соплеменников и на людей из соседних групп. По отношению к белым он постоянно проявлял нетерпимость. Уже юношей он убил одного из главных функционеров Американской Пушной Компании — господина Ла Шапеля. Этим он раз и навсегда определил своё отношение к белым пришельцам. Ла Шапель был женат на индеанке из группы Хункпапа, разговаривал на языке Титонов, отстаивал интересы племени. И всё же он был убит в своём доме на берегу Большой Реки именно Хункпапами.

С того момента их отряды начали постоянные нападения на белых торговцев и поселенцев. До подписания договора в форте Ларами в 1851 году с Хункпапами просто нельзя было иметь дела, белый человек не мог появляться в их деревне. Хункпапы не пострадали от болезней белых людей, не подвергались насилию со стороны европейцев, и всё же они проявляли враждебность.

Находясь в мире с Арикарами, они получили возможность сосредоточить свои силы на войне с другими племенами и регулярно ходили за скальпами в страну Ассинибойнов. Там Хункпапы никогда не удовлетворялись схватками только с Ассинибойнами, но вырезали всех белокожих людей, встречавшихся им на пути. Всякий человек европейской расы, выходя за пределы форта на берегах Жёлтого Камня, подвергал себя смертельной опасности. Хункпапы объявили войну американскому правительству и всем Бледнолицым на земле Лакотов. Они приняли решение не уби-

вать ни одного лишнего бизона на потребу белым людям, не потакать их разгоревшейся страсти к бизоньим шкурам, не стремиться к покупке у них ружей, но пользоваться привычными «дедовскими» способами войны. Неоднократно дикари предпринимали попытки поджечь деревянные укрепления.

С каждым годом они причиняли всё больше беспокойства белым людям и упрямо отказывались завязывать с ними дружеские отношения, они сделались более опасными, чем Конфедерация Черноногих. Всё чаще Хункпапы, появляясь близ фортов, угоняли табуны, забивали скот и оставляли после себя несколько застреленных служащих Пушной Компании. В 1868 году иезуит Пьер Жан Де Смет посетил стойбище Сидящего Быка, занимавшего пост верховного военного вождя Хункпапов. Сам Де Смет назвал его *генералиссимусом индейских воинов*. Сидящий Бык сказал: «Чёрная Ряса, я с трудом выдерживаю тяжесть пролитой мною крови белых людей. Бледнолицые вынудили меня развязать войну. Они несправедливы по отношению к нашим семьям, жестоки. Достаточно вспомнить одну лишь беспричинную бойню возле форта Лайон, где погибли сотни Шайенов, женщины, дети, старики, чтобы утвердиться в беспощадности белых людей. Я поднялся, держа томагавк в руке, и я приложил все силы, чтобы причинить боль белым людям. Сегодня ты здесь, и мои руки свисают до самой земли, будто я мёртвый. Насколько плохим я был прежде, настолько хорошим я буду отныне» (Stanley Vestal «Sitting Bull, Champion of the Sioux»).

Точная дата рождения Сидящего Быка не известна, но, согласно разным подсчётам, он появился на свет в марте 1831 года где-то на берегу Большой Реки (Grand River), которую Титоны называли в те годы рекой Ри. Он был единственным сыном в семье и сперва был назван Медлительным. Но уже мальчиком он совершил свой первый воинский подвиг — дотронулся до врага в бою. Тут нет ничего удиви-

тельного, ведь мальчики были самыми отчаянными (или неразумными?) бойцами. На этом сходятся все, кому пришлось когда-либо сталкиваться с индейцами в бою, ведь мальчики из кожи лезли вон, проявляли полное безрассудство, лишь бы доказать свою храбрость. За этот подвиг Медлительный был награждён новым именем — Сидящий Бык. Имя не было случайным. Отец мальчика получил видение, в котором к нему пришёл бизон и произнёс четыре прозвища: Сидящий Бык, Прыгающий Бык, Бык Возле Коровы, Одинокий Бык. Имена означали четыре возраста — детство, юность, зрелость и старость. Медлительный был ещё ребёнком, поэтому отец назвал его первым именем.

Хочу обратить внимание читателя на то, что «индейские» имена было бы правильнее называть «природными», ведь такие имена раньше носили все люди, а не только американские индейцы. Суть их сводилась к тому, чтобы породниться через своё имя с окружающей средой. Имя было священным, потому что обязательно наделялось силой. Поэтому настоящее имя человека обычно держалось в тайне, о нём знал только носитель имени и старик (может быть, шаман), нарёкший его. Назвавшись медведем, ветром, деревом и т.д., человек перестаёт быть только человеком, он невольно приобщается ко всему сущему. Посторонние никогда не знали настоящего имени человека, ибо через имя можно погубить его владельца. Желая убить кого-нибудь или наслать порчу, недоброжелатель мог застрелить просто животное, чьим именем названа жертва. Через убийство тотемного существа отнималась значительная часть силы того человека, носившего имя этого животного. Поэтому настоящее имя люди никому не отрывали, зато нередко пользовались целым десятком прозвищ, чтобы спрятать за ними подлинное имя и хранящуюся в нём силу. Индейцы хорошо осознавали качество сил, реально существующих, но не улавливаемых глазами. Далеко не все дикари умели видеть эти силы, но в любом случае, они никогда не осмели-

вались отрицать их, и этим бесконечно отличались от так называемых цивилизованных людей. Именно такие силы позволяют солнечным лучам пролететь гигантское расстояние и согреть землю, именно такие силы дают возможность тоненькому зелёному стебельку пробиться сквозь чёрную броню асфальтовой дороги. И к этой силе стремятся приобщиться «мистические воины».

«Мы все начинаемся в этой жизни, как крохотное семя, мы ничем не отличаемся от наших животных братьев и сестёр, от оленя, медведя, бизона, не отличаемся от деревьев и цветов... Каждая клеточка нашего тела происходит от добрых вещей, заложенных в нас Матерью Землёй. Мать Земля — наша настоящая родительница, так как самая малая частица нашего существа в действительности исходит из неё. Ежедневно она заботится о нас. Крохотное семя питается минералами и водами Матери Земли. Их обогревает Солнце. Их одухотворяет Великий Дух. Каждое утро начинается с того, что мы забираем что-то у Матери Земли для себя. Но разве сейчас мы благодарим её за то, что она даёт нам? Нет. А вот индейцы прошлого не забывали об этом. Любой охотник, подъезжая на коне к бегущему бизону, доставал лук и, кладя стрелу на тетиву, обязательно произносил: „Прости меня, мой брат, но моим людям нужно мясо, чтобы жить“. После этого он убивал бизона, снимал с него шкуру и в качестве знака благодарения укладывал бизоний череп таким образом, чтобы он смотрел на запад. Привезя мясо в деревню, охотник в первую очередь давал его старикам, вдовам и слабым. Вы, белые люди, говорите „экология“. Мы же, индейцы, считаем, что понятие „Мать Земля“ гораздо глубже, полнее по своей сути. Если мы хотим выжить сами, то мы должны уважать Мать Землю... Брат Медведь, Сестрица Скала, Отец Небо, Мать Земля — это они снабжают нас глубокой мудростью и учат подлинному соединению. Это они призывают нас заглянуть внутрь себя самих» (Eagle-Man «Mother Earth Spirituality»).

Но я вернусь к истории Сидящего Быка. С течением времени он сделался наиболее видным среди целого ряда знаменитых вождей Хункпапов, таких как Чёрная Луна, Четыре Рога, Жёлчь, Белые Потроха. Но он один достиг легендарных высот и вошёл в историю человеком, устрашившим в 1876 году всю страну, когда был разбит Кастер и потерпел поражение Крук. Именно Сидящий Бык казался американскому правительству самой опасной фигурой во время так называемой Пляски Духов в 1890 году. К тому времени эпоха индейских войн навсегда канула в прошлое, но власти сочли Пляску Духов предзнаменованием новых кровавых столкновений и решили арестовать Сидящего Быка. К 1890 году известный вождь уже не занимался военными делами. Он настолько отошёл от войны, что даже принял участие в популярном шоу «Дикий Запад Баффало Билла», где просто выезжал на арену и кланялся зрителям, показывая себя, зарабатывая таким образом деньги и раздавая их детишкам. Обычно его объявляли убийцей генерала Кастера, и зрители визжали от восторга. Не странно ли это — восторженно приветствовать человека, которого совсем недавно во всех газетах называли хладнокровным убийцей национального героя? Можно лишь пожать плечами и сказать словами индейцев: «Ах, эти странные белые люди! Видно, что они тяжело больны! Они ничего не понимают! Они не знают, чего хотят!» (почти евенгельские слова Иисуса: «Они не ведают, что творят!»).

Сидящий Бык был застрелен ранним утром 14 декабря 1890 в дверях хижины, где он жил, когда отряд индейской полиции приехал взять его под арест. Полицейских индейцев (все они принадлежали к Лакотам) возглавлял Бычья Голова. Сперва Сидящий Бык согласился ехать с полицией, но через несколько минут он внезапно переменил решение и заявил, что никуда из дома не уйдёт. Одна из жён старого вождя гневно воскликнула, обращаясь к полицейским-Лакотам: «Чего вы хотите, завистники? Убить того, за кем

с радостью пойдёт народ? Вы полны чёрной зависти и ненависти»... К тому моменту возле избушки собралось уже значительное количество людей. Кто-то схватил Сидящего Быка за локоть и потянул в гущу полицейских. Тут хлопнул первый выстрел. Вполне возможно, что никто ни в кого не целился, а случайно потянул спусковой крючок, и пуля улетела в небо, но драматическая развязка накалившейся обстановки не заставила себя ждать. Сержант Красный Томагавк выстрелил старому вождю в голову. Сторонники Сидящего Быка открыли ответный огонь. В короткой перестрелке погиб семнадцатилетний сын Сидящего Быка и семь других Лакотов. Среди полицейских индейцев потери составили шесть человек. Рассказывают, что цирковая лошадь, которую знаменитый Баффало-Билл подарил Сидящему Быку, опустилась на одно колено, как только стихли звуки выстрелов, и стала кланяться, ожидая привычных аплодисментов, но они не последовали.

Но эта история относится уже к мирному периоду. Что же касается межплеменных войн, то они кипели в более раннее время.

Некоторое время Хункпапы поддерживали мир с Арикарами, но не прекращали воевать против Манданов и Большебрюхих. Они устраивали беспрестанные засады неподалёку от их деревень, подолгу таясь в траве и кустах, подкарауливая, когда какая-нибудь из женщин выйдет за хворостом или какой-нибудь охотник-одиночка проявит неосторожность и попадёт в засаду. Открытое нападение на хорошо укреплённую деревню не сулило победы.

«Два охотника мчались по направлению к деревне во всю прыть. Ещё один внезапно вынырнул из лощины. И ещё один появился в поле зрения, он скакал вниз по склону зелёного холма, за ним ещё один и ещё. Все заставляли своих лошадей бежать, насколько им позволяла сила. Все влетели в деревню, заполнившуюся криками и стонами. Всё было написано на лицах примчавшихся охотников. У одно-

го из них струилась кровь из обнажённой груди, другой придерживал левой рукой окровавленный затылок... Гордые воины племени, отправившись срочно утром на охоту, были окружены врагами. Сю убили восьмерых. Судя по всему, враги обследовали деревню Манданов со всех сторон ночью и убедились в том, что Манданы исполняли Танец Бизонов, готовясь поутру выбраться на охоту. Несколько Сю, накрывшись бизоньими шкурами, появились утром в поле зрения дозорных. Естественно, их приняли за бизонов, и охотники поспешили за добычей. Сю, замаскированные под животных, «паслись» на гребне горы. Когда охотникам оставалось не более полумили до «бизонов», те вдруг как-то сразу перевалили на противоположный склон, заманивая Манданов. Француз Луизон Френье, возглавлявший охотничий отряд, заподозрил что-то неладное в таком быстром перемещении «бизонов».

— Смотрите! — закричал один из Манданов, указывая направо. Возле подножия горы неожиданно появилось человек сорок или пятьдесят свирепых Сю верхом на юрких лошадках. Они скакали очень быстро, погоняя лошадок кнутами. Манданы развернулись, чтобы поехать назад, но сразу же увидели второй отряд Сю, спускавшийся с другой горы. Несчастные охотники погнали своих скакунов во всю прыть, спеша добраться до укрытия. Но Сю оказались чересчур проворными. То и дело слышалось, как стрела или копьё вонзались в тела беглецов. То и дело Манданы срывались со спин своих коней на землю. Эта гонка продолжалась несколько миль. Френье доскакал до деревни и с ним несколько Манданов, но восемь человек погибли и были оскальпированы» (Catlin «Notes and Letters»).

А вот свидетельство иного плана: «Деревня Манданов была окружена изгородью из кольев, которые Дакоты безуспешно осаждали в течение целого дня. Когда наконец было заключено временное перемирие, вождь Манданов обратился из-за укрепления к воинам Дакотов:

— Уходите от нашей деревни, или наши друзья Оджибвеи нападут на вас. Они провели здесь целый день и теперь чувствуют себя бодрыми и отдохнувшими.

Дакоты отвечали:

— Пустое бахвальство, за которым вы пытаетесь скрыть свою слабость! Никаких Оджибвеев у вас нет, но если бы даже их собралось здесь несколько сотен, нас это нисколько не пугает. Оджибвеи — бабы, и если бы вся деревня была полна ими, то мы только скорее в неё проникли!

Когда Кри и Ассинибойны, гостившие у Манданов, услышали эти издевательства, они рассвирепели и бросились на Дакотов, которые разбежались во все стороны» (A Narrative of the Captivity and Adventures of John Tanner).

В 1838 году на Хункпапов и Итажипчей обрушилась оспа и сильно подкосила индейцев, хотя их потери оказались значительно меньшими в сравнении с другими Титонами, и вскоре Хункпапы восстановили свои силы.

***

Охенонпа. Обычно название этого племени переводят как Два Котла. Однако более правильный перевод — Дважды Вскипевшие, так как слово «охе» означает процесс кипения, «нонпа» — два.

Племя Охенонпа тяготело к окрестностям рек Шайен и Моро, лишь изредка переходя за устье Вишнёвой Реки. Это небольшое племя возглавлялось вождём по кличке Четыре Медведя, человеком умеренного нрава, стремившегося держать своих людей единой семьёй. В 1850 году Калберстон в своих записках назвал Четыре Медведя главным лицом племени Охенонпа. Вождь с этим именем участвовал в подписании договора в форте Салли 19 октября 1865 года.

Племя Охенонпа было наименьшим из всех Титонов. Калберстон называл их Племенем Котла и насчитывал у них всего 60 палаток. В ранних источниках по Титон-Дакотам такого названия не встречается. Харри Андерсон настаивает

на том, что Охенонпа представляли собой крохотную ветвь Миниконжей, а вовсе не самостоятельную группу.

Индейцы племени Два Котла воевали от случая к случаю, не намечая для себя специальных врагов. Дикари позволяли себе нападать даже на случайных людей, не считая это чем-то из ряда выходящим. Их образ мышления вполне допускал возможность убивать каждого, кто не принадлежал к родному племени; скальп любого чужака считался достойным трофеем.

«Они любят торговать и получать хорошую плату за добытые шкуры. В отличие от большинства Титонов, они умело ловят бобров и хорошо промышляют их мехом. Если бы Два Котла не связывались то и дело со своими родственными племенами и держались в стороне от них, они бы сумели достичь настоящего благополучия. Но это племя слишком малочисленно, чтобы оказать влияние на ход мыслей большинства Титонов» (Denig).

Такого мнения придерживался не только Дениг, но многие другие купцы, торговавшие с племенем Охенонпа.

Европейцы особенно выделяли среди Охенонпов нескольких индейцев: Воронье Ожерелье, Чёрный Камень и кое-кого ещё, кого считали настоящими друзьями белых людей. Кэтлин нарисовал портрет Чёрного Камня (как он записал «вождя группы Ни-коу-ви-ги») в форте Пьер в 1832 году. Названная Кэтлином группа никем больше не зафиксирована, однако эта неточность не мешает сделать предположение, что нарисованный Чёрный Камень есть тот самый индеец из племени Охенонпа, так как он был хорошим другом Мак-Кензи и многих других служащих Пушной Компании. Кэтлин писал, что «индеец был высокого роста, более ста восьмидесяти сантиметров, и отличался приятной наружностью».

Самые свирепые

«Они мажутся жиром и чёрной краской, сооружают на голове украшения из перьев ястреба. Мужчины носят на плечах кожаные покрывала и на поясе — мешочки из хорьковой шкуры, предназначенные для хранения курительной смеси. Они любят наряжаться и покрасоваться. Ружьями не богаты. Их женщины улыбчивы и приятны на вид, хотя красивыми их не назовёшь. У них высокие скулы. Одеваются в кожаные юбки и укрываются накидками с густой шерстью. Женщины выполняют всю работу. Я бы сказал, что они — рабыни своих мужей, как и у всех других народов, где женщин гораздо больше мужчин» (Lewis & Clark «Journals»).

Ранние путешественники называли Янктонаев северными Янктонами. Одни из первых записей гласят, что «северные Янктоны живут между Миссисипи и Красным Озером», что в сегодняшнем штате Миннесота. Оттуда они были из-

гнаны племенем Кри на юг, там обучились стрельбе из ружей, которые покупали у торговцев с Гудзонова Залива (Hyde «Red Cloud`s Folk»). Табо зафиксировал в 1804 семь подразделений «северных Янктонов». В 1823 году Янктонаи считались широко распространёнными между Красной Рекой и Миссури, торговали же они на озере Traverse, на Озере Большого Камня и на реке Шайен (William Keating «Narrative of Exploration to the St.Peter River»). Рал Аткинсон обнаружил их между Миссури и рекой Святого Петра и видел их во время торговли на реке Джеймс в 1825 году. Воган тоже утверждал, что охотничьи земли Янктонаев протянулись до реки Джеймс.

«В 1833 году Янктонаи насчитывали 400 палаток, над которыми стоял вождь по имени Бегущий Зверь. После гибели этого вождя в 1840 году Янктонаи раскололись на три группы, но несмотря на это, основная их масса продолжала кочевать к востоку от Миссури, и крайне редко кто-либо из них появлялся на западном берегу. Их охотничьи угодья протянулись от Яблоневой Реки (Apple River) вниз к устью малой реки Шайен, на север к Дьявольскому Озеру и на восток к Coteau de Prarie, но никогда не достигали Rivere de Jacques. Большая часть этой территории теперь покинута бизонами, которые появляются на северных и западных границах лишь иногда зимой. В 1830 году эти Янктонаи вместе с некоторыми другими индейцами стояли лагерем напротив форта Пьер, на восточном берегу Миссури, и убили за один заход 1500 бизонов. Это был самый крупный забой на памяти белых торговцев, о чём один из служащих компании сделал запись в своём дневнике. Говорят, что именно после этого бизоны стали покидать ту территорию, передвигаясь на запад и северо-запад и вынуждая Янктонаев следовать за ними. В 1833—44 годах бизоны всё ещё паслись огромными стадами на берегах малой реки Шайен и к востоку по направлению к Coteau de Prarie» (Denig «Five Indian Tribes»).

Продвигаясь за бизонами, Янктонаи время от времени встречали на своём пути племя метисов с северной Красной Реки (Red River of the North), которые частенько наведывались в эту зону территории степных Дакотов для охоты на бизонов. Дакоты называли этих метисов словом «Слота», происхождение которого остаётся необъяснённым на сегодняшний день. Эти полукровки с Красной Реки жили в традиционных индейских жилищах, охотились на бизонов, но «дикие» краснокожие не считали их индейцами, равно как белые не считали их белыми. Это было уникальное племя, которое занимало некое промежуточное положение между Бледнолицыми и индейцами, не сливаясь ни с теми, ни с другими. Военные отряды метисов насчитывали обычно от трёхсот до шестисот человек; отправляясь на большую охоту, обычно везли за собой до тысячи телег для транспортировки мяса и шкур. От случая к случаю между метисами и Дакотами происходили стычки, отнимавшие немало жизней с обеих сторон. До нас дошло много рассказов о том, что Дакоты часто получали от метисов настоящую трёпку. Находясь в форте Юнион 14 октября 1851 года, Курц получил очень любопытные свидетельства метисов о недавних сражениях с Лакотами, и полукровки настаивали на том, что уничтожили восемьдесят Лакотов в последнем бою. Но даже если эти истории и не полностью соответствовали действительности, то нужно признать, что значительная доля истины в них была, ведь метисы не переставали приходить на земли Дакотов и не проявляли особого трепета перед многочисленными племенами Титонов и Янктонов. Многие путешественники отзывались о полукровках с Красной Реки как о мужественных бойцах, ни в чём не уступавших чистокровным индейцам.

Одной из причин успеха племени с Красной Реки были очень тесные контакты с белыми людьми, у которых они получали огнестрельное оружие и порох. Никто из диких индейцев не мог похвастать в те годы таким количеством

ружей, никто из краснокожих не мог получить такого доступа к патронам. Индейцы оставались дикими и враждебными белым людям. Метисы же принадлежали к обеим расам одновременно, неся в своей крови прогрессивные устремления европейцев и подвижную близость к природе, свойственную дикарям.

Дакоты пытались отвечать на наглость полукровок не столько военными рейдами, сколько кражей лошадей. Племя Слота постоянно пускалось в погоню за конокрадами, непременно убивая нескольких врагов, однако Дакоты умудрялись угонять приличное число голов. Мало-помалу враждебные отношения между метисами и индейцами достигли такого накала, что полукровки даже обратились к правительству США за разрешением пойти широкомасштабной войной против СЮ, так как им нужно было либо защитить себя, либо перебраться обратно в окрестности Красной Реки, находившиеся во владениях Англии.

***

Многие считали Янктонаев свирепыми индейцами, всегда готовыми на предательский шаг. В правление Бегущего Зверя они были такими же, как при сменившем его вожде по имени Красный Лист. Ни жизнь белых людей, ни их собственность не уважалась дикарями. Редкий путник позволял себе заночевать в деревне Янктонаев.

«Бегущий Зверь был известным воином, смелым, отчаянным и властным. Он дрался на стороне англичан против американцев в войне 1812 года, получил звание капитана и командовал крупным соединением индейцев, проявившим себя в нескольких операциях. В одном из сражений он был тяжело ранен мушкетной пулей, ударившей в живот и вылетевшей наружу возле позвоночника. Сам факт его выздоровления послужил тому, что в глазах большинства людей он стал пользоваться славой сверхъестественного существа. Он ещё больше утвердился на своём посту.

После открытия Американской Пушной Компанией меховой торговли на Миссури (на более выгодных условиях, чем французская торговля) Янктонаи под предводительством Бегущего Зверя перебрались, наконец, с реки Святого Петра и обосновались на Миссури. До этого момента они лишь изредка навещали здешние места, занимаясь случайным товарообменом на берегах Миссури, но чаще приезжая на Lac qui Parle.

Благодаря тому, что Бегущий Зверь умел заставить своё племя беспрекословно подчиняться своему мнению, его считают величайшим индейцем первой половины девятнадцатого столетия. Его слово было законом для всех Янктонаев. Люди были уверены в том, что он наделён сверхъестественными силами и не решались противоречить вождю. Племя было рабски послушно ему. После войны 1812 года он постоянно носил офицерский мундир, высокие сапоги, зелёные очки, саблю и пистолеты. Его облик резко контрастировал с внешним видом его полуголых последователей. Он взял в привычку взимать высокую плату с торговцев, зимовавших в его лагере, но однажды получив эту плату, он всячески содействовал этим торговцам в их делах в пределах своей деревни. Белые люди ужасались величине требуемой платы, но осознавали, что без поддержки такого вождя делать в его стойбище им было нечего, поэтому и торопились удовлетворить его требования и заручиться его дружеской и деловой поддержкой. Заключение такого «контракта» было делом неспешным и затягивалось иногда на несколько дней. Вождь обязательно принимал во внимание имевшиеся в лагере индейские товары, прикидывал в голове перспективы развития той или иной сделки по меху или коже, проглядывал имевшиеся в его распоряжении разные предложения и делал ответные, которые редко кто осмеливался отклонить, даже если они и казались не слишком разумными на тот момент.

В 1836 году этот вождь стоял с основной частью своего

племени в устье Яблоневой Реки, в то время как остальные люди находились в 50—60 милях ниже по реке, где располагался другой зимний торговый пост. Весной, переезжая на новое место, индейцы второй группы, следуя своим диким привычкам, украли шесть лошадей и кое-что ещё из собственности мистера Диксона, который был начальником поста. Так как всё племя ушло на равнины, разрешение вопроса было отложено на осень, когда Янктонаи должны были приехать в форт Пьер с большим количеством бизоньих шкур. Прежде чем начать торговлю, Бегущий Зверь потребовал предъявить ему счёт за украденные товары. Плата исчислялась в бизоньих шкурах, и услышав названное число, вождь распорядился сложить нужное количество в один тюк и отнести его пострадавшему торговцу. Таким образом вопрос был улажен. Во всеуслышание было объявлено, что нарушение слова вождя кем-либо из племени будет караться очень строго. Пару раз Бегущий Зверь был вынужден убить провинившихся, чтобы заставить индейцев поверить в непоколебимость его слова. Именно таким образом вождь приучил своих людей уважать свой закон.

Другой любопытной особенностью было то, что белые люди могли попросить вождя предоставить им лошадей для транспортировки товара. Он объявлял об этом в племени, и если никто из соплеменников не проявлял желания продать или выделить своих лошадей на прокат, то вождь просто забирал на некоторое время первых попавшихся и получал от торговца плату за использование животных.

Мало кто из индейцев мог похвастать столь великой властью, если вообще мог отыскаться ещё хоть один такой. Дикари не любили давления на себя, не признавали командиров. Что же касается Бегущего Зверя, то его авторитет продлился намного дольше, чем можно было ожидать в привычных условиях. Естественно, что в его племени у него появились враги и завистники, даже среди его сторонников. Мало-помалу в людях возрастало чувство злобы,

слишком уж своенравным и властным он проявлял себя. Но сгубило его не это.

В самом зените своей славы он потерял зрение во время снежной бури, что привело его к полной беспомощности, и власть ускользнула и него из рук. Друзья покинули его и пошли за новым вождём, а он, лишённый какой-либо поддержки, был застрелен в сердце одним из соплеменников» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Участники экспедиции майора Лонга в 1823 году встретились с Бегущим Зверем, которого называли Ванотан, неудачно подражая индейскому языку, возле озера Traverse и были потрясены произведённым на них впечатлением. Ему было двадцать восемь лет и он казался им «величайшим человеком нации Дакотов». Портрет этого индейца в исполнении Сэмюэля Сэймура можно увидеть на титульном листе в книге Китинга. Джеймс Льюис нарисовал портрет вождя по имени «Ва-на-таа» во время переговоров на Prarie du Chien в 1825 году; портрет был опубликован в книге Льюиса «Aboriginal Portfolio» через десять лет. Кэтлин сделал его портрет в форте Пьер в 1832 году, но ошибочно художник записал вождя в племя Сиссетон-Сю.

Несколько прежде этого события Янктонаи объявили большую войну Манданам и Большебрюхим (Хидатсам). В дневниках форта Кларк (1833—1837) столкновения Манданов и Большебрюхих с Янктонами встречаются постоянно. Вот лишь несколько примеров:

«23 июля 1834. Сражение Янктонов и Манданов, убиты 1 Сю, 1 Мандан, 1 Большебрюхий. 5 Манданов ранены».

«20 сентября 1834. Пришло известие о том, что на Большебрюхих напали... После недолгой перестрелки обе стороны разъехались. Манданы потеряли 1 человека убитым и шестерых ранеными, у Большебрюхих погибло двое и двенадцать получили ранения, о врагах ничего сказать не могу. В полдень на горе появился тот самый Янктон, который покинул нас 19-го числа. Он искал тело соплеменника. Пять

или шесть Манданов поскакали к нему, намереваясь убить его, но они, следует отдать должное их чести, не тронули его, но лишь велели ему убраться немедленно».

«9 ноября 1834. Группа Большебрюхих возвратилась с войны против Саонов, украли у врагов 20 лошадей».

«11 ноября 1834. Небольшой военный отряд Манданов выехал сегодня рано утром с экспедицией против Сю».

«31 декабря 1834. Сегодня утром индеец из племени Большебрюхих застрел в деревне Манданов какого-то Сю, после чего убийца скрылся».

«5 января 1835. Манданы опасаются нападения со стороны Сю из-за того, что 31 декабря в их деревне один из Сю был убит».

«16 марта 1835. Прискакали два Мандана с известием о том, что вчера Янктоны застрелили Saon Blesse».

«17 марта 1835. Манданы готовятся к войне. Стадо оленей показалось на противоположном берегу, и Манданы переправились туда, приняв оленей за отряд Сю».

«30 апреля 1835. Женщины заняты установкой изгороди в деревне Манданов. Они боятся нападения Сю».

«7 мая 1835. Янктоны перебили маленький отряд Большебрюхих, 11 человек погибли, семерым удалось спастись».

«15 мая 1835. Военный отряд Большебрюхих выступил сегодня на поиски Янктонов».

«6 июня 1835. Небольшой военный отряд выехал искать Янктонов, все на лошадях. Пусть они да не возвращаются сюда, таково моё огромное желание».

«16 июня 1835. Военный отряд от 6-го числа вернулся сегодня. Они не совершили ни одного подвига, ни одного coup».

«6 июля 1835. К нам приехали три Янктона с реки Пушечное Ядро. Они хотят выкурить с Манданами трубку».

«7 июля 1835. Приехавшие вчера Янктоны собираются обратно, так как Манданы и Большебрюхие поговаривают о том, чтобы убить их».

«Все Янктоны вместе с большой группой Саонов собрались на Миссури прошлой осенью... На их землях уже в течение нескольких месяцев не появлялись бизоны, поэтому к Сю уже подкрадывалась голодная смерть. Они решили поехать к Манданам и Большебрюхим и купить у них кукурузное зерно. Примерно первого января этого года Сю выступили в поход и вскоре остановились по соседству с деревнями Манданов. Покуда шла торговля, отношения между племенами оставались вполне нормальными. Но Манданы и Большебрюхие, будучи хитрыми торговцами, воспользовались трудным положением Сю и очень быстро довели их до полной бедности. Племенам пора было расстаться... Группа Саонов в 150 палаток пустилась в путь 9 января. Проезжая мимо селения Большебрюхих, Саоны украли у них зерно и бобы, оставив в качестве платы за содеянное несколько одеял, ножей, табак и тому подобное. Их отряд был слишком крупен, и никто не осмелился преследовать их. Но на следующий день из деревни Манданов уехали 45 палаток Янктонов. Остановившись на привал в нескольких милях от деревни Большебрюхих, они готовы были продолжить свой путь рано утром, но обнаружили неподалёку от себя большой отряд Большебрюхих и Манданов из Малой деревни. Ослабленные голодом и холодом и не имея достаточно оружия, Янктоны не могли оказать сопротивление. Почти все они — мужчины, женщины, дети — погибли. Всего умерло 150 человек, 43 женщины с детьми попали в плен, 8 или 10 Янктонов скрылись и принесли трагическое известие в форт. Там молодой Янктон увидел мальчика-Большебрюхого в комнате для переводчиков и застрелил его. Старик Шарбоно пустился бежать, и две пули попали ему в шапку. Всё это произошло на глазах у большого числа Манданов. Они немедленно поспешили за своим оружием и помчались на противоположный берег реки, где расположилась лагерем небольшая община Сю. Манданы хотели

уничтожить их всех, но посовещались и решили сделать жест милосердия и отпустить Сю, принимая во внимание их жалкое положение. Они велели Сю побыстрее собрать вещи и уезжать» (David Mitchell).

«Сегодня Янктонаи делятся на Tete Coupee, Gens des Perche, Gens des Pins. Первые из них обитают близ Яблоневой Реки в зимние времена, остальные живут несколько ниже. Tete Coupee — это самая крупная ветвь Янктонаев, которую возглавляет Красный Лист, человек весьма неуравновешенный, но имеющий огромное влияние на своих людей. В течение многих лет его племя воевало против Манданов, Большебрюхих и Ассинибойнов, но ни разу не случилось по-настоящему большого кровопролития. В редких случаях погибало более восьми или десяти человек с каждой из сторон. Обычно военные действия ограничивались убийствами одиноких путников» (Denig «Five Indizn Tribes of the Upper Missouri»).

В 1836 году Янктонаи послали табак Ассинибойнам через посредство белых торговцев, желая установить мир. Ассинибойны долго размышляли над неожиданным предложением, не в силах принять решения. Белые трапперы отговаривали их от поездки к Янктонаям, ссылаясь на коварство последних. Однако прошло время, и Ассинибойны решились отправить свою делегацию. Под стук барабанов и бубнов индейцы двинулись в путь, торжественно раскрасившись и облачившись в парадные наряды и пышные головные уборы. Приехав в лагерь Янктонаев, они предложили выкурить трубку в знак мира. Янктонаи приняли её, но прежде, чем раскурить табак, они выхватили оружие и открыли огонь по приехавшим. Двадцать три члена мирной делегации пали мёртвыми на месте. Лишь один человек (двадцать четвёртый) сумел скрыться, хоть и получил ранение. Стремительно разбив небольшой отряд врага, состоявший из самых выдающихся Ассинибойнов, Янктонаи устроили грандиозный праздник, свойственный всем дикарям. Буйные песни и пляски вокруг

огромных костров посреди деревни не стихали несколько дней.

Из этого случая можно сделать напрашивающийся вывод: Янктонаи не думали о мире, но мечтали только о лёгкой победе над своими давними врагами. Душа человеческая — потёмки. Никто не знает, на что способны мы сами и на что способны те, с кем мы общаемся. Война продолжается.

Дениг утверждает, что «Дакоты никогда не стремились по-настоящему заключить мир с кем-либо из индейцев. Их численное превосходство над всеми соседними племенами было столь очевидно, что они не пытались вести себя хоть сколько-нибудь честно по отношению к другим. В сороковые годы Янктонаи стали особенно сильно проявлять свою недружественность по отношению к правительству США и белым торговцам на своей территории. Янктонаи не приезжали на переговоры в Ларами и более других Дакотов были охвачены духом войны».

Что касается Янктонов, то они занимали земли к востоку от Миссури между рекой Вермилион и фортом Пьер. Из всех их вождей следует выделить индейца по имени Айова (от названия индейского племени Айова, которые взяли его в плен в младенчестве и среди которых он рос некоторое время).

Айова подписал договор Янктонов с США в устье реки Титон 22 июня 1825 года. Дениг указывает, что на языке Янктонов его имя — Ha-sas-ha. Подпись Ha-Sazza стоит и в договоре от 15 июля 1830 года в Собачьей Прерии, и Ha-sa-za стоит под договором, заключённом с Янктонами в Вашингтоне в 1837 году, хотя английский перевод имени в данном случае гласит «Лосиный Рог». В действительности, по написанию данного имени латинскими буквами в указанных случаях практически невозможно определить этимологию настоящего имени, так как первый слог «ха» (точнее «хе») может означать слово «рог», однако вторая

половина имени не имеет ничего общего с известными словами в языке Дакотов, хотя вполне ясно, что при неграмотном написании слово сильно исказилось.

Вождь был отменным «бизнесменом» и за своё умение заключать выгодные сделки был глубоко уважаем соплеменниками. Будучи абсолютно неграмотным и не понимающим ровным счётом ничего в цифрах, он через несколько лет после своего первого контакта с белыми людьми сумел разобраться в порядке цен и системе их построения, научился сам считать в пределах небольших сумм и переводить свои цены, выраженные в мехах, шкурах и лошадях, в государственные деньги. Он организовал специальную группу воинов, которым было поручено распределение товаров, а также учредил особый совет, решавший вопросы торговли, в результате чего сумел обеспечить разумное управление племенем, претерпевшее колоссальное изменение после соприкосновения с европейцами. Отношения с белыми людьми на образовавшейся «границе» сделались более или менее мирными. Дабы научить своих соплеменников сдерживать свой норов, вождю пришлось убить нескольких человек в качестве наказания за грабежи и убийства белых торговцев.

Тема убийства соплеменников занимает особое место. Принято считать, что у индейцев это было самое страшное преступление из всех возможных. Но так ли это?

Вспомним хотя бы, как Крапчатый Хвост встретил девушку, на которой решил жениться, и чтобы завладеть ею, он убил старого Бегущего Медведя, который тоже жаждал заполучить девушку. Было ли это коварное убийства из засады или же молодой воин сразил старого индейца, глядя ему в глаза, не имеет никакого значения. Важно, что они принадлежали к одному племени.

Индеец из племени Ассинибойн по имени Свет, ставший известный после своего путешествия в Вашингтон, пал от руки соплеменника в собственном селении. И это не была

кровная месть. Вендетта началась лишь с его убийства. При этом никто из замешанных в длинной череде мстительных кровопусканий не был изгнан из племени.

Прекрасно известен случай, когда знаменитый Оглала по имени Неистовая Лошадь увёз с собой чужую жену. Он не похитил её, она поехала с ним по доброй воле, потому что полюбила его. Но оскорблённый муж не смирился с побегом жены. Он ворвался в дом Неистовой Лошади и выстрелил в него из револьвера с расстояния в два или три шага. То, что Неистовая Лошадь не скончался — настоящее чудо. Но человек, пустивший в него пулю, остался в племени, хотя и опасался после случившегося за свою жизнь. Никто не наказал стрелявшего. А ведь Неистовая Лошадь не был рядовым Лакотом. Он принадлежал к числу Носителей Рубах (своего рода высшая каста), и тем не менее преступник не понёс никакого наказания. Зато старейшины наказали самого Неистовую Лошадь, исключив его из числа Носителей Рубах. Причина абсолютно понятна: Носитель Рубахи должен был служить образцом для молодёжи, а Неистовая Лошадь позволил себе разрушить покой в чужой семье, соблазнив замужнюю женщину. Поэтому не стоит думать, что всё было предельно просто в отношениях между соплеменниками.

Дениг писал, что хорошо знакомый ему Ассинибойн по имени Летящий Первым зарезал двух соплеменников, которых подозревал в убийстве своих братьев. Подчёркиваю, что лишь *подозревал*, а не знал. Летящий Первым доводился Денигу шурином, и уж для оправдания этого индейца Дениг мог бы сказать, что вождь знал наверняка о вине двух соплеменников, но Дениг не делает этого. Летящий Первым только подозревал их в убийстве родственника, но всё равно зарезал их. И никто не осудил его.

Джордж Гриннел сообщает о том, как в 1854 году в племени Шайенов произошла трагедия. Воин по имени Шагающий Койот убил вождя Общества Лисиц, которого звали

Белый Конь. Причиной было то, что Белый Конь увёл жену Шагающего Койота. Он был прощён, так как, согласно правилам Шайенов, муж, соблазнивший чужую жену, был обязан поднести оскорблённому мужу подарок и выкурить с ним трубку; Белый Конь не сделал этого. Племя повело церемонию очищения Священный Стрел, и дело казалось улаженным. Но тут жена, из-за которой уже погиб один человек, снова ушла с другим мужчиной; его звали Виннебаго. Шагающий Койот дождался отъезда Виннебаго на охоту и увёл из его дома одну из его жён (не свою). Возвратившись, Виннебаго выстрелом из ружья умертвил Шагающего Койота. Шайены снова провели церемонию очищения Священных Стрел и решили прогнать Виннебаго из племени. Он вернулся лишь через восемь лет, но очень скоро кто-то затеял с ним ссору, обвинив его в воровстве (что в действительности было клеветой), и Виннебаго застрелил обидчика. В этот раз он был вынужден покинуть племя без права на возвращение и поселился у Арапахов. Впрочем, однажды бывшие соплеменники заманили его в свой лагерь под предлогом примирительного обеда и убили его. Последнее убийство (бесспорно предательское) не имело никаких последствий, никого из участников не осудили.

Эту тему можно развивать и дальше, но даже приведённых примеров достаточно, чтобы удостовериться, что убийство соплеменника далеко не всегда приводило к наказанию. Во многих случаях отыскивались какие-нибудь оправдательные причины. На ранних этапах соприкосновения европейцев с краснокожими, племенные законы были более жёсткими; по крайней мере так казалось первопроходцам. Теперь это невозможно проверить. Очевидным является тот факт, что в обществе североамериканских туземцев закон не всегда соблюдался, несмотря на всю суровость их нравов.

Отваривающие камни

«Основными реками, пересекающими страну Ассинибойнов, являются Миссури и Молочная Река (Milk River). Молочная Река, бегущая по северной границе земли Ассинибойнов, представляет собой длинный узкий поток, берущий начало в невысоких горах к востоку от Миссури и в озёрах на равнинах. Молочная Река устремляется на юго-запад и вливается в воды Миссури примерно на сто миль выше устья Жёлтого Камня (Yellowstone). Устье имеет ширину почти в двести ярдов, однако вода редко покрывает выше одной трети этого русла.

Riviere aux Tremble, иначе называемая Рекой Дрожащей Осины (Quaking Asp River), впадает в Миссури пятьюдесятью милями ниже Молочной Реки. Она имеет почти такую же протяжённость и глубину, как Молочная Река, и берёт начало где-то в гряде Лесистых Гор (Woody Mountains).

Большинство притоков Миссури на восточной стороне (Ручей Дикобраза, Большой Грязный Ручей, Маленький Грязный Ручей, Ножевая Река) мелководны и служат больше водостоками, когда прерии залиты продолжительными дождями или начинают оттаивать от зимнего снега.

Затем можно выделить реку под названием Белая Земля (White Earth River) протяжённостью в 100 миль и достигающую в своём устье 100 ярдов в ширину. Как и остальные реки, Белая Земля переполняется в период весенней оттепели, но мельчает в летнюю жару настолько, что во многих местах её можно запросто пересечь пешком или на лошади. Название реки происходит от большого количества белой глины, встречающейся примерно на середине её пути, которую вода приносит из ключей на Coteau de Prarie.

Общая площадь земли Ассинибойнов достигает приблизительно 20000 квадратных миль и выглядит почти так же, как и основной ландшафт к востоку от Миссури. Почти беспрерывно тянется равнина, украшенная небольшими рощами лишь вдоль рек.

В этой связи у Ассинибойнов возникает много проблем с добычей дерева, в том числе и для топлива. Впрочем, эти индейцы давно приспособились использовать вместо дров сухой бизоний навоз, которого в их краях хватает с избытком.

Климат на этой земле чистый, сухой и, возможно, самый здоровый в мире. В апреле, мае и до середины июня, когда доминируют восточные ветры, выпадает много осадков. В остальное летнее и осеннее время погода стоит сухая и умеренно-тёплая, за исключением крайне знойных июля и августа. Иногда приходят грозовые дожди, сопровождаемые буйными вспышками молний. Наиболее сильные дожди идут в июне, иногда продолжая лить в течение 10—15 дней безостановочно.

Зимы здесь случаются разные, но обычно отличаются ужасающим холодом и глубоким снегом. В сильные морозы

ртуть просто застывает в термометре и, случается, остаётся замёрзшей несколько дней подряд, когда температура падает ниже сорока градусов. Снежные бури здесь невероятно опасны и часто сопровождаются гибелью путников, застигнутых ураганом в открытой прерии. Но бывают и мягкие зимы, когда снега совсем мало, хотя и в такие зимы непременно наступают пусть очень кратковременные, но страшно холодные периоды» (Denig «Five Indian Tribes»).

Самая холодная зима, зафиксированная в форте Юнион, пришлась на 1844 год, когда река замёрзла 9 ноября, а вскрылась лишь 21 апреля.

«Необходимость постоянно находиться на холодном воздухе, спать на промёрзшей земле, ходить с мокрыми ногами и прочее, прочее — всё это вызывает у местного населения регулярные вспышки бронхита, лёгочных воспалений, ревматизма и ангины. Разумеется, эти болезни не приводят к немедленной смерти, но во многих случаях протекают крайне тяжело» (Denig).

Дениг настаивал на том, что ко времени переселения Ассинибойнов к Миссури, они насчитывали 1000—1200 палаток. Конечно, не все перебрались сюда одновременно, переселение затянулось в общей сложности на 1800—1837 годы. В 1833 году Максимильян отметил: «Общее количество их палаток составляет 3000. Территория, на которую они претендуют, простирается от Миссури до Саскачеван, на востоке ограничивается рекой Ассинибойн, а на западе — Молочной Рекой».

Сами Ассинибойны именуют себя Накодами. Что же до названия Ассинибойн, то есть Те-Которые-Варят-Камни, то оно происходит от алгонкинского языка. «Ассини» — камень, «упвева» — варить, «пойтак» — деревня, селение. Среди Титонов Ассинибойны известны под именем «Хохе». Мне приходилось не раз встречать мнение разных авторов, что в названии «Хохе» скрыт некий презрительный смысл. Но я вынужден сразу внести ясность: никакой уничижительной

нагрузки «Хохе» не несёт, ибо происходит от слова «охе» (то есть «кипячение» на языке Лакотов), что вполне согласуется с термином Ассинибойн.

Почему Накоды стали Кипятильщиками Камней?

До того, как индейцы получили металлические товары, им приходилось варить пищу в больших сосудах из бересты. Так как береста не выдерживала длительных соприкосновений с открытым огнём, индейцы изобрели способ кипятить воду, нагревая докрасна камни и опуская их в сосуд, пока не закипит вода. Такой способ приготовления пищи не требовал много времени, ему сопутствовал ещё один большой недостаток: раскалённые камни часто раскалывались на куски и распадались на кучки гальки и крупного песка, из-за чего все блюда часто были перемешаны с песком. Кипячение при помощи камней хорошо обрисовано Джорджем Кэтлином: «Когда они забивают дичь и намереваются приготовить мясо, они выкапывают в земле яму размером с хорошую посуду, выкладывают яму изнутри кожей, снятой со спины животного, тщательно утрамбовывают её по стенкам и затем заполняют водой. В костре, разложенном рядышком, они разогревают до красна несколько больших камней, которые они поочерёдно опускают в воду и таким образом кипятят мясо» (Notes and Letters).

К такому способу кипячения прибегало большинство племён до контакта с белыми людьми. Однако с развитием торговли и приходом европейских товаров быт дикарей заметно изменился, воду стали кипятить в латунных чайниках и котелках. То, что их называли Камневарильщиками, говорит о том, что Ассинибойны продолжали кипятить воду «дедовским» методом, когда остальные дикари давно уже кипятили воду в металлических котелках. Это означает, что Ассинибойны гораздо дольше других индейцев находились в стороне от развивавшейся торговли с Бледнолицыми.

«Торговцы давно уже обеспечили Ассинибойнов кухонной утварью, а прежде них Манданы открыли Ассинибой-

нам секрет производства прекрасной посуды. Так что кипячение воды при помощи раскалённых камней совсем вышло из быта, и к такому способу прибегают только во время многолюдных праздников, во время которых индейцы, как и все люди, находят странное удовольствие в том, чтобы поворошить и вернуть ненадолго к жизни древние традиции» (Catlin).

Их первые встречи с белыми людьми произошли, когда купцы настойчиво продвигались через равнины к деревням Дакотов, которые в то время были наибеднейшим народом: в качестве ножей использовали бизоньи рёбра, топоры мастерили из кремня, готовили в глиняной посуде, а наконечники для стрел делали из камня. Кое-что из этих старинных предметов можно и сегодня увидеть у индейцев, хотя подавляющая часть их была заменена в процессе торговли европейскими товарами.

Отъединение Ассинибойнов от Янктонаев произошло до 1640 года, ибо в том году иезуиты упоминали об Ассинибойнах как о самостоятельном племени. Через шестнадцать лет отец Аллоез заметил, что Ассинибойнов давным-давно «открыли» французы. В то время они жили в окрестностях Лесного Озера (Lake of the Woods) и озера Нипигон (Nipigon). После возникновения Пушной Компании Гудзонова Залива в 1670 году Ассинибойны стали посещать торговые пункты Гудзонова Залива. Их охотничьи земли тянулись на северо-запад. Ассинибойны стали крепкими союзниками племени Кри и развязали войну против Дакотов. К началу восемнадцатого столетия Ассинибойны уже заняли в торговле европейскими товарами положение посредников между белыми людьми и удалёнными племенами равнин, не имевшими непосредственного контакта с Бледнолицыми. В 1738 году Ла Верендри поехал в сопровождении Ассинибойнов в деревни Манданов на Миссури, где видел, как индейцы меняли ружья, ножи, котлы на зерно, табак и бизоньи шкуры Манданов. Охотничьи земли Ассинибойнов расширились на запад

и юг. В 1755 году Энтони Хендри обнаружил на территории нынешней провинции Саскачеван неких Орлиных Индейцев — ответвление Ассинибойнов. В 1804 году Льюис и Кларк выяснили, что одна из групп Ассинибойнов, называемая Большие Дьяволы (Big Devils), кочевала на равнинах между реками Миссури и Саскачеван выше Жёлтого Камня. Это было самое юго-западное владение Ассинибойнов в те годы.

Вот что Вильям Воррен изложил в «Истории народа Оджибва»: «Мне приходилось читать в какой-то книге, что Ассинибойны вступили в союз с Ке-нис-те-но (Кри) лишь по той причине, что последние уже пользовались английским огнестрельным оружием, поэтому они были выгодными союзниками. Это заставило меня внимательнее заняться данным вопросом, и я выяснил, что индейская традиция трактует данную тему иначе. Эш-ке-буг-э-чоше, один из нынешних весьма уважаемых вождей племени Оджибва, проведший много лет в юношестве среди этих племён (вероятно, имеются в виду Ассинибойны и Кри), сообщает следующее о дружбе Ассинибойнов и Кри:

— За много зим до того, как белый человек обнаружил этот остров, племя Янктон (ветвь могущественных Дакотов) обитало на границе великих равнин неподалёку от северной Красной Реки. Они насчитывали много сотен палаток, их воины ходили драться с Ке-нис-те-но на север и на запад и заставляли их прятаться в тени лесов. Однажды в стойбище Янктонов произошло то, что часто случается у других народов: два юноши поссорились из-за женщины, и один из них лишил жизни другого. Оба происходили из важных и многочисленных семей. В результате началась кровная вражда, и убийца погиб. Однако он был известным и уважаемым воином, поэтому дело не закончилось его смертью, и разгорелась настоящая война. Один человек погибал вслед за другим. Большая деревня Янктонов превратилась в настоящий вулкан. Убийства совершались почти ежедневно до тех пор, пока более слабая сторона, состояв-

шая из тысячи палаток, не ушла из общего лагеря. Однако цепь кровавой мести не прекратилась. Более крупный лагерь продолжал высылать воинов против людей меньшего лагеря. Янктоны даже приносили скальпы враждебных соплеменников! А это уже означало настоящее объявление войны. Меньшая деревня, дабы избежать полного своего истребления, поспешила в страну Ке-нис-те-но, с которыми они враждовали до этого. Но обстоятельства были таковы, что они решили лучше довериться недавним врагам и стать их друзьями, чем жить под страхом исчезновения от рук соплеменников. Они посадили группу своих женщин верхом на лошадей, дали им подарки для Кри (Ке-нис-те-но), вручили им трубку с табаком и отправили к Мёртвой Реке (Dead River), где стоял город Ке-нис-те-но. Они просили мира и убежища. Человек 40—50 Кри выехало навстречу женщинам и проводили их к своему селению. Собрался большой совет, и Кри решили помочь беглецам в войне против западных Янктонов. Была выкурена трубка мира, после чего был создан общий совет для Кри и Дакотов-беглецов, которых Кри назвали Ассинибойнами. Вскоре после этого туда пришли Оджибвеи и тоже присоединились к союзу».

Как только на Миссури обосновалось достаточное для ведения торговли с Бледнолицыми число Ассинибойнов, Американская Пушная Компания не замедлила возвести форт на Белой Земле. Результаты зимовок на Белой Земле показались Кеннету Мак-Кензи столь обнадёживающими, что он рискнул пройти ещё выше по реке и построить форт Юнион над устьем Жёлтого Камня на следующий год (1829). Рассказывали, что ему предложил эту идею вождь Ассинибойнов из Скалистой Общины.

«Потребовалось немало лет, чтобы привести диких индейцев к какому-либо порядку (с точки зрения европейцев). Поначалу пришлось продавать Ассинибойнам ружья, лошадей и прочие товары почти даром, лишь бы пробудить в них

побольше интереса к товарообмену. Удивительно, что они, будучи совсем бедными и плохо вооружёнными, проявляли необъяснимую лень и непредусмотрительность в смысле охоты и торговли. Их потребности были очень незначительными. Кроме того, Ассинибойны отличались неуёмной страстью к воровству и буйству, хоть и не кровопролитному, но достаточному, чтобы приводить торговцев в заметное раздражение и вызывать в них недоверие. Дикари угоняли лошадей, забивали домашний скот, нападали и грабили купцов. Помимо этого, индейцы были назойливыми попрошайками. Получив в качестве подарков какие-то вещи, они никак не могли взять в толк, почему им дарили так мало, почему не отдавали им всё, что имелось в форте? Получая отказ на своё попрошайничество, они непременно прибегали к одному из своих излюбленных способов достижения желаемого: краже или ограблению» (Denig «Five Indian Tribes»).

Всё вышесказанное о воровстве и попрошайничестве относится в равной степени ко всем племенам краснокожих; Ассинибойны не являются исключением. Перед индейцами стояла неразрешимая проблема: как получать столько европейских товаров, сколько им нужно? Они не могли предложить белым тот объём шкур, который те требовали. В дневниках Шардона читаешь то и дело, что «торговля продвигается вяло». Все торговые компании отдавали себе отчёт в том, что неудовлетворение потребностей дикарей рано или поздно приведёт к выражению их недовольства, а то и к открытой вражде к белым торговцам. Чтобы уменьшить возникшую брешь на раннем этапе торговли, компании пришли к решению закупать у индейцев небольшое количество менее ценных шкур, которые равнинные жители доставали без труда. Однако как только европейский рынок насытился этим товаром, компании столкнулись с опаснейшей ситуацией, когда нужно было немедленно запретить покупку у индейцев этих мехов.

Случилось так, что Водопадные Индейцы (Атсины), столкнувшись однажды с подобной постановкой вопроса, едва не выступили войной против белых людей, намереваясь силой захватить торговый пост, перебить персонал и забрать всё хранившееся там огнестрельное оружие. Генри узнал об этом от Черноногих: «Водопадные Индейцы дали понять Черноногим, что, по их мнению, Бледнолицые из форта Августуса плохо обращались с ними в последние годы… Разбирая привезённые на обмен волчьи шкуры, белые отбраковывали половину, три четверти, а то и всю партию целиком, и Атсины не выручали ничего за свои труды. И совсем не получалось купить ружья у торговцев… Недавно их отряд вернулся из рейда против Абсароков, с которыми они бились на берегу Реки Жёлтого Камня, и там они видели форт, который, вероятно, занимали американцы… В пылу сражения Абсароки прокричали, что в будущем они избавят Водопадных Индейцев от необходимости приходить на их земли с войной, так как на следующий год Абсароки собирались сами в сопровождении американцев пойти войной к реке Саскачеван. Это известие заставило Водопадных Индейцев забеспокоиться. Они знали, что их враги храбры и многочисленны, а при поддержке американцев они всех поставили бы на колени. Отступление ничего не даст, ведь в густых лесах невозможно добыть достаточного количества дичи… Перед ними возникла угроза полного уничтожения. Поэтому они пришли к единственному решению: проникнуть в форт под видом торговли, разделаться с белыми людьми и завладеть имуществом, чтобы получить возможность защититься от врагов…»

Так что обстановка имела свойство накаляться время от времени в самых разных точках. В то же время индейцы понимали, что такой поворот событий навсегда лишил бы их возможности в дальнейшем получать ружья, и это, конечно, перевесило желание быстро, но лишь на короткое время решить свои проблемы. Такой порядок дел царил

в форте Юнион до тех пор, пока начальник крепости, опасаясь за безопасность служащих, не запретил индейцам входить на территорию укрепления. Отныне торговые сделки стали заключаться на небольшом удалении от поста, но с таким расчётом, чтобы до индейцев можно было в случае необходимости достать пушечным выстрелом.

Но время шло, и к сороковым годам Ассинибойны, как утверждает Дениг, превратились в одних из лучших индейцев на всей территории Северо-Запада. Купцы могут спокойно оставаться ночевать в их стойбищах, не беспокоясь о своих вещах и своих жизнях. Ассинибойны научились смотреть на каждого белого как на источник дохода.

«Первое настоящее потрясение, причиной которого были европейцы, Ассинибойны испытали в 1838 году. На них обрушилась оспа. Болезнь пришла в форт Юнион с прибытием парохода в июне. На тот момент в крепости не было никого из индейцев, кроме жён некоторых служащих Пушной Компании. Эти индеанки заболели все без исключения. Вскоре в форте слегли тридцать человек.

Едва появился первый отряд Ассинибойнов, направлявшийся в форт Юнион, навстречу ему спешно выступили несколько переводчиков и остановили дикарей в нескольких милях от частокола. После долгих разъяснений и попыток внушить индейцам хоть какой-нибудь страх к охватившей форт болезни, стало понятно, что Ассинибойны не могли и не желали взять в толк суть происходящего. Они шумно размахивали руками, показывали связки пушистых шкурок и с немалым неудовольствием спорили с переводчиками. В конце концов они снова сели на лошадей, и вся община неторопливо приблизилась к стенам торгового поста. 250 палаток поднялось вокруг укрепления. Это означало, что почти тысяча человек вступила в контакт со страшным и доселе неведомым Ассинибойнам недугом. За одно лето население индейского лагеря сократилось до 150 человек. В целом лагере осталось каких-нибудь

тридцать палаток, где жили люди. Кое-кто свернул типи и уехал подальше от ужасного места, унося в своём теле смертельную хворь. То и дело прибывали новые группы дикарей, но уже через день-другой они торопливо собирались обратно, почувствовав внезапное недомогание. Одни уезжали и заражали тех, кто жил вдалеке, другие умирали на месте, и тогда их погружали на телеги и свозили к реке, где сбрасывали в воду» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Сам этот факт потрясает своей ужасной близорукостью, ведь кидая заражённые трупы в воду, торговцы способствовали распространению болезни. Большинство из пустившихся наутёк индейцев тоже погибло, и вдоль всех дорог повсюду виднелись то неподвижные скорчившиеся тела, то безмолвные индейские палатки, в которых мёртвые лежали целыми семьями. Болезнь сопровождалась выделениями из глаз и ушей, людей охватывал нестерпимый жар, кое-кто сходил с ума. Заболевшие умирали ужасно. Некоторые кончали самоубийством, что для индейцев является крайней ступенью отчаяния. Так, например, индеец по имени Маленькая Собака, живший возле форта, потеряв любимого ребёнка, предложил своей жене убить всю семью, покуда болезнь не обезобразила их всех.

— Мы ещё похожи на людей, но посмотри на тех, которые трясутся в судорогах, взгляни на их изувеченные лица, сплошь покрытые гнойниками. Наши сородичи отправляются в мир духов в таком виде, что никто не сможет узнать их. Как наши предки смогут встретить нас, если мы появимся перед ними без наших лиц? — шептал Маленькая Собака.

— Да, — едва слышно согласилась его жена, — раз нам суждено погибнуть от страшной болезни, то лучше умереть сейчас, пока мы похожи на Ассинибойнов. Но прошу тебя, покончи со мной прежде, чем ты убьёшь наших детей, ибо я не смогу смотреть на то, как они умирают.

Индеец вышел из палатки, застрелил всех своих лоша-

дей, затем убил собак и лишь после этого вернулся к жене и ударил её ножом в сердце. Своим ребятишкам он перерезал горло.

— Теперь мой черёд, — сказал он и, приставив к своему лбу ствол ружья, надавил на спусковой крючок.

Из сообщения (2 ноября 1837) о нашествии оспы: «Когда пароход „Святой Пётр“ отчалил из форта Юнион в июне, у нас разразилась оспа... пятнадцать дней спустя в форте слегли 27 человек, четверо из них скончались. Несмотря на все проявления опасной болезни, Ассинибойны продолжали приезжать к нам. Я направил нашего переводчика к ним, прося их немедленно повернуть обратно и уехать туда, откуда они прибыли. Но тщетно. Я не мог остановить, и они стали лагерем вокруг форта. Они заразились, несмотря на то, что я запретил пускать их внутрь крепости... Болезнь наносит индейцам страшный урон, из двенадцати захворавших умирают десять человек. Я не знаю, сколько уже погибло Ассинибойнов, так как они давно перестали вести счёт покойников. На мой взгляд, они потеряли по крайней мере 800 человек, а Черноногие — не меньше 700... У Манданов умерли все, кроме 13 молодых людей и 19 стариков... Эпидемия разразилась и в Crow Post, но я слышал, что индейцев поблизости не было. Потери Компании, причинённые разрушительной болезнью, будут огромны, так как подавляющее большинство наших лучших индейских поставщиков ушло из жизни... Первым подцепил болезнь отряд Le vieux Gauche, и в его общине заразились люди в каждом жилище. Старик сжёг подаренный ему флаг и поклялся отомстить нашему форту. Мы установили вторые ворота возле торгового дома. Теперь в форт впускаются только вожди. Стоит постоянный дозор».

В результате эпидемии вымерло две трети племени. Куда бы ни ехали Ассинибойны, болезнь двигалась вместе с ними. Индейцы не могли понять ничего. Они страдали

кровотечением и поносом, они истощались за считанные дни и умирали. Оставшиеся возле форта были не в лучшем положении, хотя белые люди и пытались оказать им помощь. Тут и там по лагерю бродили одинокие женщины и горстка детишек, чудом избежавших жуткой болезни. Индейцы прибегли ко всем известным им способам, но ничто не помогало. Люди гибли. Они продолжали умирать до середины зимы, когда, наконец, эпидемия пошла на убыль.

Из четырёхсот оставшихся палаток племени жители примерно половины из них спаслись благодаря тому, что в предыдущие годы Компания Гудзонова Залива сделала им прививки. Эти индейцы потеряли только маленьких детей, которые не успели пройти вакцинацию.

Большинство вождей ушло из жизни. Прошли годы, прежде чем племя восстановило свои силы и оправилось от потрясения. Молодёжь должна была вырасти, чтобы сформировались новые лидеры. Период подъёма оказался труден и долог.

После эпидемии один из оставшихся старых вождей Ассинибойнов решил восстановить утерянное богатство племени. Он был очень стар, этот вождь. В былые времена, живя на британской территории, он уже переболел оспой и в эту эпидемию уцелел. Его имя менялось несколько раз на протяжении жизни, как это часто случается у индейцев. Одно из первых его имён было Левая Рука. Французы и индейские переводчики обычно так и называли его Gauche, среди некоторых соседей он был известен как Антилопа, но позже его нарекли Он-Который-Держит-Нож (Держащий Нож).

Примерно с 1776 года и до 1800 года община Gauche проживала на британской территории. В то время Держащий Нож был ещё ребёнком и только-только поднялся на ноги после тяжёлой оспы.

Дениг утверждал, что Держащий Нож в юношеские годы сумел каким-то образом завладеть несколькими мешочка-

ми с ядами и с их помощью убрал со своего пути несколько человек, глубоко его оскорбивших. Если это так, то он действовал тайно и настолько аккуратно, что никогда не вызвал ни у кого подозрения. Тем удивительнее сам факт того, что откуда-то родился слух, будто вождь прибегал к помощи ядов. Наверняка известно, что за несколько дней до гибели очередного своего обидчика он объявлял, что видел во сне смерть того человека. Это он объявлял в узком кругу стариков или на воинском собрании. Об этих его снах помнили многие. Индейцы, будучи крайне суеверными, пришли к заключению, что он был ясновидящим и что духи открывали ему будущее. Для них такое явление, хоть и не было совершенно привычным (ведь далеко не каждый мог предвидеть будущее), но всё же вполне возможным. Когда предсказание чьей-то смерти сбывалось, Ассинибойны шли к Gauche.

— Ты настоящий пророк, — говорили ему соплеменники с почтением.

Мало-помалу он возвысился среди Ассинибойнов и сделался вождём общины. В индейцах он вызывал страх, внушив им непоколебимую веру в свои сверхъестественные способности.

Для утверждения настоящей власти, в основе которой у индейцев всегда лежала личная доблесть, ему нужно было водить военные отряды в походы и приводить их домой с победой. Но Gauche был на редкость труслив, по крайней мере, так говорят сегодня. Он никогда не дрался ни с кем, не привозил домой скальпов, не добывал в бою вражеское оружие. Возможно, это единственный случай, когда индеец получил право руководить племенем, не заработав это право собственной храбростью, не пролив на поле брани ни капли своей крови.

Он придумал нечто совершенно новое в военной практике. Он соорудил из полого древесного ствола огромный барабан, и объяснил соплеменникам, что барабан обладал магической силой. На одном конце барабана висела кожа,

содранная с человеческой головы и натянутая на круглый каркас, а сам барабан был разрисован всевозможными чудовищами. Gauche утверждал, что видел тех чудовищ во сне и что через них он получал необычайную силу, чтобы проводить Ассинибойнов через трудные ситуации.

В его общину входило 250 палаток; среди индейцев были и очень сильные воины. Заслышав барабан вождя, все воины отбрасывали свои дела и сразу собирались в колдовском жилище Gauche, где вождь объявлял им свою волю о начале военного похода. Сам он обязательно возглавлял отряд, но никогда не принимал непосредственного участия в бою. Никогда он не брал с собой оружия и в руках держал только трубку и барабан.

Теперь невозможно объяснить, откуда Gouche добывал информацию о месте расположения вражеского лагеря, о численности противника, но одно можно сказать наверняка: нередко возглавляемый им отряд возвращался из похода с триумфом. То ли его люди обретали особую уверенность в себе, надеясь на сверхъестественную поддержку вождя, то ли он был умелым стратегом, но факт остаётся фактом — он часто приезжал обратно в стойбище с победой, при том что его отряду случалось сражаться и с превосходящими силами противника.

Сам Gauche устраивался во время боя в полном одиночестве на вершине холма, на безопасном расстоянии от поля битвы, проводил свои таинственные церемонии. Его люди твёрдо верили, что он призывал на помощь невидимых духов. В тех случаях, когда враг одерживал верх, Gauche прыгал на своего быстроногого коня и стрелой мчался в сторону родной деревни. В неудаче он обычно обвинял кого-нибудь из членов отряда, который, якобы, нарушил какое-нибудь строгое магическое правило во время похода.

В расцвете его власти произошло важное событие. Както ночью, когда его Ассинибойны стояли на берегу Дрожащей Осины, племя было разбужено настойчивыми ударами

его магического барабана. Полусонные индейцы сгрудились огромной толпой вокруг и внутри большой палатки вождя. Община уже долгое время не ходила в военные рейды, и теперь Gauche сообщил всем, что совсем недалеко расположился лагерь Большебрюхих, и большинство их мужчин ушло в поход, оставили деревню без должной защиты.

— Мы отправимся в их лагерь немедленно, чтобы застать врагов врасплох! Никто из их жалких женщин не должен уцелеть! Пусть их мужчины познают нашу силу, пусть содрогнутся, увидев по возвращении свою уничтоженную деревню! Пусть никогда больше не осмелятся они ступить на нашу землю!

Индейцы, не теряя ни минуты, кинулись к своим домам и начали покрывать себя боевой раскраской. Под утро отряд в 400—500 человек выступил из стойбища в указанном вождём направлении. Вождь обещал лёгкую победу, и все ехали в радостном возбуждении.

Крохотное вражеское стойбище оказалось именно там, где указал Gauche. Ассинибойны налетели на него бешеным ураганом и в считанные минуты разрушили всё, что им попалось под руки, не понеся со своей стороны никаких потерь. В родную деревню победители возвращались с громкими песнями, нагруженные трофеями, потрясая над оперёнными головами скальпами детей и женщин.

На половине пути внезапно опустился густой утренний туман. Огромный отряд разделился на несколько групп, потерявших друг друга из вида. Первая из них неожиданно наткнулась на отряд Большебрюхих, возвращавшийся из похода в своё уже разрушенное стойбище. В мутном воздухе завязалась драка. Разгорячённые после только что совершённых убийств Ассинибойны бились с неуёмной силой. Большебрюхие попытались отступить, но со всех сторон на них наезжали другие группы Ассинибойнов.

В смешавшейся толпе Gauche столкнулся лицом к лицу с несколькими Большебрюхими. Как обычно, у него не име-

лось оружия, и враги сочли его лёгкой добычей. Однако Gauche был крепким человеком и быстро справился с ближайшим врагом, отобрав у него нож. Тут подскакали трое других и нанесли ему с пяток ударов копьями и дубинами. Несомненно, они зарубили бы его, не подоспей к нему на выручку Ассинибойны. Большебрюхие помчались прочь. Gauche склонился над поверженным врагом и срезал с него скальп. После этого он распрямился и повернулся к соплеменникам, держа в окровавленной руке нож. Отсюда и пришло к нему имя Держащий Нож.

Слава его загремела ещё громче.

«На следующий год намечалось развернуть широкомасштабную войну против Черноногих, к которым примкнули некоторые общины Кри. Общая численность Ассинибойнов была почти 1200 воинов.

В поисках Черноногих отряд Держащего Нож наткнулся на деревню Большебрюхих в 30 палаток. Как всегда, везение привело Ассинибойнов к деревне в тот момент, когда большинство мужчин отсутствовало на охоте. Те немногие, кто остался в лагере, мужественно защищались, но что может сделать горстка людей против лавины всадников? Резня была ужасной. 130 жителей деревушки погибли на месте. Победители не знали, как им выплеснуть свою ярость и многих маленьких детей зажарили живьём на вертелах. Казалось, что Ассинибойны не ведали, что такое жалость или сострадание. Один из воинов хвастался после погрома, что убил 14 детишек. Лишь двум мальчуганам удалось скрыться, и они принесли ужасное известие своим сородичам-охотникам.

Такие необъяснимые удачи лишь укрепляли положение Держащего Нож. Он приносил победы, а дикарей не заботило, кто был побеждённым, младенец или матёрый вояка. Племя крепло.

Но в 1838 году пришла оспа и раздавила Ассинибойнов. В распоряжении старого вождя осталось шестьдесят воинов,

способных держать оружие. Мужество не покинуло вождя. Он решил продолжать идти своим путём.

Прослышав, что Манданы пострадали от оспы не менее Ассинибойнов, он разработал план. Он задумал навестить земляную деревню Манданов с трубкой мира и, проникнув за частокол деревни, уничтожить Манданов в рукопашном бою, завладеть всем их имуществом. Он держал план в секрете, но произошла непредсказуемая вещь, нарушившая планы Держащего Нож.

Дело в том, что многочисленное племя Арикаров покинуло несколько лет назад свою землю на берегах Миссури и перебралось на реку Платт. Там Арикары переболели оспой, затем восстановили свои силы и к моменту распространения эпидемии на Миссури, они уже имели иммунитет, и племя решило возвратиться на Миссури. Увидев, что нижняя деревня Манданов, стоявшая на притоке Кларк, полностью опустела после эпидемии, Арикары обосновались в ней в конце марта 1838 года.

Когда Держащий Нож выдвинулся в поход, он не имел ни малейшего понятия о возвращении Арикаров на старые места. Расположившись на горе перед деревней Манданов, вождь выслал вперёд отряд из 52 человек с трубкой мира. Жители деревни с готовностью выступили навстречу парламентёрам, желая заключить мир со свирепыми соседями. Обе группы расположились на открытом пространстве неподалёку от частокола. В те времена раскуривание трубки было долгой процедурой, обмен речами продолжался значительную часть дня. Но что-то в словах парламентёров заставило Манданов усомниться в искренности Ассинибойнов, и они тайно отправили гонца в соседнюю деревню Арикаров за подкреплением. Через несколько часов гонец появился в сопровождении мощного отряда раскрашенных воинов. Ассинибойны, обнаружив, что их замысел рухнул, бросились бежать. Манданы и Арикары не отступали от них ни на шаг и убили 20 врагов. Держащий Нож умчал-

ся из своего удалённого наблюдательного пункта первым» (Denig «Five Indian Tribes»).

Другие источники гласят, что Арикары помогали не Манданам, а Хидатсам, и что потери Ассинибойнов были гораздо значительнее, чем указанные Денигом. В дневнике Шардона говорится, что сражение произошло 12 июля 1838 года, что вождя Ассинибойнов звали Он-Который-Держит-Нож, что со стороны Ассинибойнов погибли шестьдесят четыре человека, а восемь женщин попали в плен. В 1843 году Одубон услышал историю о том, как La Main Gouche через год после эпидемии оспы потерял в сражении 70 человек убитыми и 30 ранеными.

Как бы то ни было, но с того дня уверенность вождя в себе и своих способностях стала таять на глазах, люди прекратили прислушиваться к его словам. Вскоре он превратился в дряхлого старика. Он предсказал собственную смерть за несколько дней до кончины с точностью до часа. Он ничем не болел, но всё же умер. Многие считают, что он принял яд, тот самый яд, которым отравлял тех, кто мешал ему в былые годы. После его смерти уменьшившаяся числом община слилась с остатками других отрядов и с некоторыми северными Ассинибойнами, но всё продолжала носить имя своего скончавшегося вождя.

На протяжении своей жизни вождь был хорошо известен торговцам и путешественникам в верхнем течении Миссури. Ларпентер встречал его в форте Вильям в начале 1833 года. 28 августа 1833 года Максимильян был очевидцем нападения совместного отряда Ассинибойнов и Кри под предводительством этого вождя на группу Пьеганов возле форта Мак-Кензи. Максимильян назвал его Knife Holder (Держатель Ножа) и утверждал, что после того сражения индеец поменял своё имя на Татогн (Антилопа). Максимильян рассказывал, что вождь, «оскорблённый неудачей возле форта Мак-Кензи, отправился в сопровождении сотни палаток на север к англичанам, чтобы торговать с Компанией

Гудзонова Залива». Дополнительная информация появляется и в биографических набросках вождя, которые Дениг послал отцу Де Смету. В своём письме Дениг указывал, что Gauche скончался в форте Юнион осенью 1843 года.

В «Пяти племенах верхнего Миссури» Дениг перечисляет родовые группы, из которых состояли Ассинибойны: Gens du Gauche — 100 палаток по 4 человека, Gens du Lac — 60 палаток по 4 человека, Gens des Roches — 50 палаток по 4 человека, Gens des Filles — 60 палаток по 4 человека, Gens des Canots — 220 палаток по 4 человека, Gens du Nord — 30—50 палаток по 4 человека, то есть всего около 2080 человек

В дополнение к перечисленным шести группам южных Ассинибойнов, Дениг обращал внимание на наличие северных Ассинибойнов (250—300 палаток), кочевавших к западу от рек Саскачеван, Ассинибойн и Красная в направлении к Лесистым Горам и встречавшихся у северного подножия Скалистых Гор к востоку от Миссури, где на обширном пространстве разлито множество маленьких озёр. Северные Ассинибойны от случая к случаю заключали мир с Конфедерацией Черноногих, что давало им возможность заходить глубже на север.

В районе гор du Bois обитали несколько других маленьких групп, но все они были жителями британской территории.

«Gens du Gauche расселены вдоль Лесных Гор и даже у верховий Дрожащей Осины. Эти люди — хорошие охотники, имеют замечательных лошадей, которых они приобретают у Равнинных Большебрюхих, а также покупают у Пушной Компании в обмен на шкуры. Со дня смерти Держащего Нож над общиной поднималось несколько разных вождей, которые руководили отдельными отрядами, когда вся группа разъезжалась в летнее время в разные стороны. Но в зимнем лагере, когда они съезжались вместе, их возглавлял Смерч. Этот воин не выделялся ничем особенным среди остальных вождей, и всё же он слыл храбрым воином,

не раз проявив свою отвагу в бою…

Gens des Canots обычно живут вдоль Белой Земли, а в летнее время уходят на север к La Riviere aux Souris, Grand Coulee и реке Пембинар. При этом они в разное время года могут охотиться на огромном пространстве между фортом Юнион и Большим Изгибом (Great Bent). Но в связи с тем, что на равнине нет леса, Ассинибойны вынуждены в зимнее ставить лагерь ближе к берегам Миссури, чтобы иметь укрытие от ветра. Чаще всего в зимнее время их можно найти на Белой Земле или чуть выше по течению, где построены торговые дома. 15 или 20 палаток этой группы обычно уходят, чтобы заняться товарообменом на Гудзоновом Заливе или же принимают в своём стойбище торговцев-метисов с Красной Реки» (Denig «Five Indian Tribes»).

Александр Генри выделил в 1809 году среди Ассинибойнов Общину Каноэ. Максимильян записал их в 1833 году как Отаопабин. Незначительные остатки группы Вато-пабин были отмечены в резервации форта Пек в Монтане в 1935 году.

«По мере того, как бизоны переходят с места на место, индейцы следуют за ними и часто появляются на землях Сю, с которыми обязательно происходят столкновения, и этих сражений становится с каждым годом всё больше и больше. С обеих сторон всегда бывают убитые. Группа Gens des Canot страдает больше других Ассинибойнов, находясь гораздо ближе к Титонам, чем остальные общины. Долгое время у них было гораздо меньше лошадей в сравнении с прочими кочевниками, что заметно сказывалось на их боеспособности. Тех немногих лошадей, которых им с трудом удавалось приобрести у Пушной Компании, быстро угоняли Черноногие или Сю» (Denig «Five Indian Tribes»).

Вождём этой общины был Гремучая Змея, человек, обладавший всеми необходимыми качествами для того, чтобы быть главарём дикарей. В одном из сообщений Дениг писал: «Во-Шича, то есть Плохой Зверь (вотеча — зверь, шича —

плохой) был известен многим купцам под именем Le Serpent (Змея) ... Насколько я знаю, на его счету не так уж много поверженных врагов, зато мне доподлинно известно, что он зарубил в драке пару своих соплеменников. Его считают весьма разумным человеком, очень по-дружески относящимся к белым людям, рассудительным в управлении своей общиной».

Что касается остальных упомянутых групп, то они были рассеяны по всему региону между двумя только что названными группами, перебираясь к концу года на Миссури и на её притоки. Зимнюю охоты они предпочитали проводить возле Дрожащей Осины, но иногда уходили на север до Cypress Mountains. Некоторые из них, особенно Gens du Nord, путешествовали ещё дальше и даже торговали на реке Ассинибойн в торговых пунктах Компании Гудзонова Залива. Дениг указал в своей таблице Gens du Lac как Gens du Nord, «потому что они получили своё имя из-за направления, откуда прибыл их народ в 1839 году... хотя их подлинное название — Gens du Lac, то есть Озёрные Люди». Шестую группу в своей таблице Дениг назвал Людьми Красной Татуировки и настаивал на том, что они произошли в результате ответвления от Общины Каноэ примерно в 1844 году. Людей Красной Татуировки исследователь Роудник называет Группой Красных Ягодиц и указывает, что они жили в Канаде в 1935 году.

Дениг писал, что всей нацией Ассинибойнов правил Мато Уитко (Безумный Медведь), которого всегда считали добропорядочным человеком; его положение было закреплено во время подписания договора в форте Ларами. Дениг называл его Глупым Медведем (Foolish Bear). О нём отзывались как о мужчине довольно мягкого нрава, называли на редкость тонким политиком, соблюдавшем интересы своего народа и с подозрением смотревшим на всё, что могло причинить Ассинибойнам неприятность. Уже в юношестве он имел право голоса на совете, к его мнению относились

с уважением. Большинство служащих торговых компаний считало его надёжным другом белых людей. Максимильян встретил Мато Уитко в форте Юнион 20 октября 1833 года и отозвался о нём как об «одном из наиболее выдающихся Ассинибойнов». Ларпентер назвал его «величайшим вождём Ассинибойнов». Рудольф Курц повстречал этого вождя в 1851 году после его возвращения с переговоров в форте Ларами и нарисовал несколько его карандашных портретов в форте Юнион. В 1854 году вождь послал письмо отцу Де Смету (написанное, разумеется, не собственноручно, а при помощи клерка форта Юнион) с просьбой направить миссионеров к Ассинибойнам. Согласно информации Джеймса Лонга, Безумный Медведь скончался в возрасте семидесяти лет во время эпидемии оспы, находясь северо-западнее форта Юнион.

Как утверждает Дениг, Безумный Медведь был родом из Gens des Filles (Девичьи Люди), самой мелкой общины Ассинибойнов. Александр Генри писал, что в 1809 году община Ассинибойнов под названием Маленькая Девочка насчитывала 200 палаток и проживала на реке La Souris, возле Лосиных Гор и на Tete a la Bish. Максимильян назвал эту общину Итсчибайн в 1833 году, а Родник обнаружил в 1935 году остатки общины Девочки в резервации форта Пек.

Когда полковник Мичел (будучи суперинтендантом по делам индейцев) выпустил циркуляр о проведении большого совета в форте Ларами, и Калберстон разъяснил Ассинибойнам, что им нужно поехать туда, никто из индейцев, за исключением Безумного Медведя, не согласился участвовать в переговорах. Форт Ларами стоял в самой глубине территории Дакотов, и Ассинибойны не без основания боялись, что окажутся там в ловушке, ведь со всех сторон их будут окружать только враги. Кроме того, путь к Ларами лежал вдоль Жёлтого Камня, где в летнее время рыскали многочисленные военные отряды Черноногих. Так что мысль о том, чтобы пуститься неизвестно куда через ряды врагов,

никого из Ассинибойнов не вдохновляла. Однако Безумный Медведь, глядя вперёд, как полагалось мудрому правителю, дал согласие на поездку. Узнав об этом, несколько других вождей после долгого совещания решили последовать за ним. Вместе с Безумным Медведем в форт Ларами поехал Калберстон. Дениг сообщает, что поездка прошла без осложнений, но по возвращении домой Безумного Медведя ждала страшная новость. За время его отсутствия его старший сын погиб в сражении с Черноногими, младший ребёнок умер от болезни, а жена не перенесла потерь и повесилась.

31 октября 1851 года Курц сделал по этому поводу в своём дневнике запись: «Родственники трёх убитых Ассинибойнов установили шест и привязали к нему два кожаных мешка, принадлежавших погибшим. Там люди долго плакали и совершали кровавые жертвоприношения, разрезая себе руки, щёки, головы и ноги. Одним из погибших был сын Безумного Медведя... Жена Безумного Медведя покончила с собой, не в силах вынести горя, и её тело привезли на волокушах к форту Юнион». Запись от 31 октября 1851 года гласит: «Часто случается самое непредвиденное. Наконец-то из Ларами прибыл мистер Калберстон. Первым прискакал с хорошими новостями Ours Fou (Безумный Медведь). Он вырвался вперёд от основного отряда, чтобы поскорее добраться до нашего форта и принять участие в оплакивании своей погибшей семьи. Дядюшка Сэм наградил Безумного Медведя званием верховного вождя Ассинибойнов, но судьба беспощадно ограбила этого вождя, лишив его (пока он отсутствовал) единственной жены, сына и двух внуков. Никто, кому довелось увидеть этого скорбящего вождя, не посмеет сказать, что индейцы лишены чувств... Ours Fou был потрясён до глубины души. Он смотрел невидящим взглядом в пространство перед собой и молча плакал. В знак скорби его волосы и всё тело были выпачканы грязью». 26 ноября 1851 года художник Курц записал в своём дневнике: «Ours Fou, вождь Ассинибойнов,

сидит сейчас подле меня на полу перед костром… Он ничем не прикрыт. Его голова, грудь и ноги испещрены глубокими порезами, откуда бежит кровь — проявление скорби по скончавшейся жене и убитому сыну».

Любой индеец посчитал бы такую потерю наихудшим предзнаменованием.

— Смерть всех твоих родственников — очень дурной знак, — шептали Ассинибойны со всех сторон. — Великий Дух показывает тебе, что ты зря заключил соглашение с Бледнолицыми. Это плохое дело!

Но Безумный Медведь не пал духом и остался верен данному слову. Соплеменники же не переставали роптать. В конце концов случилось то, чего опасалось большинство: обещанные правительством товары и деньги не пришли в назначенный срок. От Безумного Медведя отвернулись все. Над ним смеялись, называли предателем, продавшим племенную землю, кричали, что он принёс из форта Ларами на своих устах грязную ложь белых людей и тем самым осквернил весь народ. Старый вождь в полном одиночестве противостоял целому племени.

И вот в середине зимы из Сент-Луиса приехал Калберстон, назначенный специальным агентом, и привёз товаров на десять тысяч долларов. Те, кто укорял Безумного Медведя, быстро переменили своё отношение к вождю. Начиная с того момента, продукты и товары стали поступать регулярно.

Следующим по значимости в племени был Летящий Первым из общины Gens des Roches, то есть Люди Скал. Он был сыном известного старого вождя по кличке Железный Наконечник Стрелы. Железный Наконечник Стрелы клялся, что застал то время, когда Ассинибойны отделились от Дакотов и что встречался в 1805 году с Льюисом и Кларком на Миссури. Первое из его утверждений — явный вымысел, ибо раздор среди Янктонов произошёл намного раньше. Впрочем, старик мог быть свидетелем того, как какая-то об-

щина Янктонов или других равнинных Дакотов повздорила со своими соплеменниками и нашла прибежище у Кри или Оджибвеев. Ведь жили же две общины Оглалов вместе с Арикарами и даже воевали друг против друга некоторое время, когда Арикары бились против Титонов. Что касается экспедиции Льюиса-Кларка, то старик вполне мог видеть ту экспедицию. В любом случае он был известным вождём, которого многие купцы называли Le Gros Francois. Говорят, что он был отцом пятидесяти детей, имея нескольких жён. Он скончался в очень преклонном возрасте до 1850 года. Его тело было оставлено в его палатке, которую крепко зашнуровали, согласно его желанию. Он сказал, что желал оставаться над землёй, чтобы видеть и слышать своих детей всё время.

Старожилы утверждали, что все мужчины их рода отличались отчаянными характерами.

Курц сообщал, что Le Premiere qui Vole (Летящий Первым) доводился Денигу шурином. Этот воин имел гораздо больше подвигов и гораздо больше последователей, чем Безумный Медведь, и не стал главным вождём племени лишь из-за своего необузданного характера. Де Смет упоминал, что этот индеец проделал с ним весь путь до Ларами в 1851 году и проявил себя надёжным спутником.

Общину Gens des Roches обычно называли Каменными или Скалистыми Ассинибойнами, они проживали в районе Громовой Горы (Thunder Hill). На 1809 год они имели 40 палаток. Максимильян приписал в 1833 году группу Джатонабин (les gens des roches) к Ассинибойнам. Роудник обнаружил Каменную Общину в Канаде в 1935 году. В переписи канадских индейцев за 1944 год указаны 769 человек, проживающих в Каменной Резервации возле Морли (канадская провинция Альберта).

Один из Людей Скал по имени Свет прославился среди соплеменников своей поездкой в Вашингтон, который он посетил по приглашению генерала Джексона. Вернувшись

обратно, загруженный многочисленными подарками, Свет стал рассказывать соплеменникам об удивительных видах, представших его взору во время поездки. Он описывал великолепные дома, громадные корабли, несметные богатства белых людей. День за днём и ночи напролёт он повествовал о чудесах механики, о большом количестве карет и колясок, о мебели, об одежде. Он ничего не сочинял, говорил только правду, но умы дикарей не были в состоянии воспринять то, что он рассказывал. Он даже не предполагал, что мало-помалу пробудил в соплеменниках дух недовольства. Когда новизна его историй исчезла, а Свет всё продолжал рассказывать, индейцы стали сомневаться в правдивости его слов. То и дело разгорались споры.

Дениг так излагает его историю: «Закончилось всё тем, что однажды Свет убил одного из особенно разбушевавшихся соплеменников. Вскоре после этого брат погибшего застрелил его из ружья, следуя закону кровной мести. Прошло некоторое время и брат Света по кличке Le Sucre застрелил убийцу своего брата. Свет был отомщён. На следующий год Le Sucre пал от руки очередного родственника враждебной стороны. За него вышел на тропу мести младший брат по имени Разорванное Облако. Он покончил с убийцей, но и сам погиб вскоре после этого. На его место встал Летящий Первым и совершил последнее убийство в этой долгой цепи кровной вражды. Ему никто не стал мстить, так как пришла эпидемия оспы (1837), и враждебная сторона потеряла всех родственников, которые могли взять в руку оружие. Кровопролитие прекратилось».

Печальная участь этого индейца — одна из самых известных историй об индейцах верхнего Миссури. Джордж Кэтлин нарисовал его портрет в Сент-Луисе, когда этот туземец направлялся в Вашингтон в 1831 году. Затем Кэтлин плыл вместе с ним на борту парохода «Йелоустон» вверх по реке, когда дикарь возвращался в родное племя из Вашингтона следующим летом. В своих «Письмах» Кэтлин так

рассказывал о вожде: «Его звали Ви-жон-жон что означает Яйцеголовый Голубь… Он был храбрым воином Ассинибойнов, молодой, гордый, симпатичный, элегантный. Он участвовал во многих сражениях и заслужил много почестей. Множество вражеских скальпов украшало его костюм… Ви-жон-жона выбрал для поездки в Вашингтон майор Сэнфорд (индейский агент), чтобы он представлял в столице своё племя зимой 1831—1832 года… Спускаясь по реке на борту парохода, Ви-жон-жон и другой индеец из его племени при первом приближении к поселению белых людей начали вести счёт жилищам Бледнолицых, обозначая каждый дом насечкой на длинном черенке курительной трубки. Поначалу дома встречались редко, но по мере продвижения их становилось всё больше и больше. Очень скоро на трубке не осталось свободного места, и индейцы принялись делать насечки на рукоятке томагавка, однако и там места не хватило… На очередной остановке Ви-жон-жон с товарищем нашли на берегу длинный шест и принесли его на борт… Вскоре шест полностью покрылся пометками… Подплыв к Сент-Луису, где проживало 15000 человек, индейцы посовещались и вышвырнули свою палку в реку… Я был тогда в Сент-Луисе и сделал их портреты… Ви-жон-жон носил классический национальный наряд, длинная рубашка и ноговицы были сшиты из кожи горных баранов, украшены иглами дикобраза и прядями волос, срезанных с поверженных врагов… Я нарисовал его и других индейцев, сопровождавших его… Мистер Сэнфорт повёз их в Вашингтон, где они провели зиму. Ви-жон-жон был повсюду первым: первым пожал президенту руку, первым выступил с речью. Он увидел форты белых людей, их корабли, огромные пушки, воздушные шары, посетил главнейшие города и весной возвратился на родину. С любезного разрешения господина Шото из Американской Пушной Компании я был допущен на борт парохода вместе с вождём и поплыл с ним к устью Жёлтого Камня… Ви-жон-жон совершенно сменил свой облик. Он был одет

в синий мундир полковника с огромными золотыми эполетами, на ногах были водонепроницаемые сапоги на высоких каблуках, из-за чего он ходил неуклюже, как запряжённая свинья... Руки его украшали белые перчатки, в одной он держал зонтик голубого цвета, другой сжимал большущий веер... Приехав на место, он был встречен соплеменниками и начал своё немудрёное повествование о путешествии по землям белых людей... Индейцам его рассказы казались фантастическими... „Он был среди белых людей, — обсуждали они, — а все белые люди большие лгуны. Он здорово научился у них врать. И это единственное, чему он там научился“. Его положение в племени сильно изменилось, он попал в категорию презираемых... Его называли величайшим лгуном всей нации... Детали его рассказов настолько потрясли дикарей, что они сочли Ви-жон-жона не просто большим обманщиком, но настоящим колдуном, ибо сила и качество его „лжи“ были удивительными. Простой человек не мог выдумать такого, на это не хватило бы никакого воображения... Они стали поговаривать, что он обладал „магией лжи“... Значит, он был почти колдуном. Но это умозаключение не привело Ассинибойнов в восторг. Наоборот, их обуял ужас, ведь Ви-жон-жон мог быть монстром... Они поняли, что такому человеку лучше не жить, и решили убить „колдуна“. Эту обязанность возложил на себя один юноша, но он решил, что обыкновенная пуля не сразит Ви-жон-жона. Как-то раз ему привиделся сон, в котором он убивал Ви-жон-жона железной рукояткой сковороды... После этого сна юноша украл посудину в торговой лавке и целый день обтачивал оторванную рукоятку, чтобы она вошла в ствол. Поле этого он зарядил ружьё этой железкой и направился в форт, пряча оружие под одеялом. Тем временем Ви-жон-жон, ничего не подозревая, беседовал с кем-то. Убийца подошёл к нему сзади, приставил ружьё к его голове и выстрелил, разорвав Ви-жон-жону мозги».

Более полно история жизни вождя излагается в книге

Джона Юэрса «When Light Shone in Washington». Максимильян встречал этого индейца в форте Юнион летом 1833 года и 20 октября того же года и составил об Ассинибойне очень высокое мнение, особенно поразившись его ораторскому искусству. Он указывал, что Свет был главным вождём в своей общине из 42 палаток.

Смерть вождя была бесславной, но судьба не успокоилась на такой кончине Света. Ларпентер рассказывал, что после убийства вождя, его «тело перенесли в форт Юнион и схоронили на дереве. Однако следующим летом какой-то врач из Сент-Луиса собирал для своих исследований черепа дикарей и отрезал голову у трупа вождя».

Кэтлин называл вождя Ви-жон-жон, но он не переводил его, а называл по-своему — Яйцеголовый Голубь (точнее, Голубиная-Голова-В-Форме-Яйца — Pigeon Egg Head, однако слово «pigeon» может означать не только «голубь», но и «простачок», что вполне могло укладываться в смысл прозвища, придуманного Кэтлином). Ларпентер же называл вождя Лйа-жон-жон, то есть Сияющий Человек. Джошуа Ветсит, потомок брата вождя, уверял Джона Юэрса, что при правильном переводе имя означает «нечто прозрачное и яркое». Так что вариант Денига (Свет) наиболее точно отражает смысл индейского имени.

Ассинибойны могли похвастать множеством хороших военных командиров. И если начать пересказать истории их жизней, то сложится обширная панорама индейской войны, ничем не отличающаяся от других войн американских туземцев. Этих историй так много, что привести их здесь просто невозможно. Из длинной вереницы героев этого племени следует выделить Голубого Грома из общины Каноэ, который в возрасте 28 лет занял высокое положение среди Ассинибойнов, благодаря тому, что неоднократно в полном одиночестве совершал походы в страну Дакотов и возвращался оттуда со скальпами и лошадьми; он возглавлял и большие военные отряды.

До 1844 года Ассинибойнов со всех сторон окружали враги: Абсароки — с юга, Черноногие — с запада, Равнинные Большебрюхие (Атсины) — с северо-запада, Большебрюхие Минитари — с востока, Дакоты — с юго-востока. Единственными союзниками были Кри. Несмотря на столь неблагоприятное окружение, Ассинибойны успешно защищались. Они были знамениты своими внезапными нападениями на врагов и умелым конокрадством.

Название Большебрюхие (Gros Ventres) часто сбивает читателя с толка, так как его применяют в отношении сразу двух племён. Собственно Большебрюхие — это сюязычные Минитари (или Хидатсы). Что же касается Равнинных Большебрюхих, то так называют алгонкинское племя Атсина, известное также как Водопадные Большебрюхие, Водопадные Индейцы и Стремнинные Индейцы (Fall Indians, Rapid Indians). Александр Генри писал об Атсинах: «Водопадные Индейцы обитают в основном между северной и южной ветками реки Саскачеван. Они пользуются репутацией сильной и воинственной нации, славятся своей кровожадностью и жестокостью к врагам. Они были единственные, кто напал на наши поселения возле реки Саскачеван. Они умудрились ограбить форты и убить служащих Компании Гудзонова Залива. Лишь благодаря командованию укреплений Северо-Западной Пушной Компании, их заставили отступить, уничтожив их главарей. С тех пор они сбросили с себя лживую маску дружественности и открыто совершали разбойные нападения, используя всякую возможность». Коутс писал о Минитари: «Большебрюхие с Миссури и Воронье Племя (Абсароки) относятся к языковой группе Сю, но Водопадные Индейцы являются племенем Атсина алгонкиноязычной группы и обитают большей частью в районе реки Саскачеван. С лёгкой руки Умфревиля их стали называть Индейцами Стремнин».

Ассинибойны обычно проигрывали в войне против Абсароков, тем не менее лошадей они угоняли у них успешно.

Абсарокам нечего было брать у Ассинибойнов, кроме скальпов, поэтому они весьма редко сами ходили на них войной. Они предпочитали оставаться на своей земле и сторожить своих многочисленных коней. Если же враги угоняли табуны, Абсароки стремглав кидались в погоню, и давали бой. В этих схватках Ассинибойны несли большой урон, поэтому, когда в 1844 году Абсароки предложили им мир, Ассинибойны с готовностью приняли заманчивое предложение. За несколько лет племена стали добрыми друзьями, часто охотились вместе, Абсароки одарили их лошадьми.

Враждебность между Ассинибойнами и Минитари (Большебрюхими) тоже сошла на нет к 1844 году, когда оба народа осознали бесполезность такой войны. Но в те годы они всё-таки ещё дрались иногда. Именно во время такой войны Безумный Медведь заработал своё имя, когда, защищая отступавших детей и женщин от напавших Большебрюхих, он бился настолько яростно, что напоминал своим видом обезумевшего медведя.

Вот другой пример из военной жизни индейцев.

Однажды небольшая военная группа Ассинибойнов наткнулась на крупный отряд Большебрюхих, двигавшийся им навстречу. Первыми врага обнаружили Большебрюхие. Они выслали вперёд горстку людей, а основная масса воинов затаилась за холмом. Ассинибойны, заметив малочисленный отряд врагов, бросились в бой, и Большебрюхие, делая вид, что пришли в смятение, кинулись наутёк. Их задумка сработал. Ассинибойны примчались прямо в засаду. Их спасло лишь то, что многие Большебрюхие были пешими. Ассинибойны, обнаружив себя в ловушке развернулись и ускакали, потеряв пяток человек. В этот момент один старый Ассинибойн потоптался на месте и, не последовав за соплеменниками, помчался прямо в гущу вражеских рядов. Это был закалённый воин, но он бросился в бой не по своей воле. Его норовистый конь вышел из повиновения и, не послушав хозяина, понёсся не назад, а вперёд. Всадник, оказавшись

в кишащей толпе Большебрюхих, не пал духом, но поднял своё длинное копьё и стал бить им направо и налево. Он свалил тринадцать человек, некоторые из них рухнули замертво. Конь пронёс его дальше, за ряды врагов, затем обогнул холм и благополучно настиг остальных Ассинибойнов. Ни конь, ни наездник не получили ни единой царапины. Старый Ассинибойн рассказывал потом, что Большебрюхие стояли слишком плотно и мешали друг другу драться, возможно, это и спасло одинокого бойца. После этого случая его прозвали Тот-Кто-Имеет-Быстро-Бегущего-Коня.

«Основным театром военных действий для Ассинибойнов была страна Черноногих. Многочисленные табуны, которыми гордились Черноногие, всегда привлекали внимание Ассинибойнов и служили постоянным соблазном. Первыми на пути к этим табунам стояли Равнинные Большебрюхие (Атсины), которых некоторые исследователи иногда причисляют к Черноногим, поэтому Ассинибойны сталкивались с ними особенно часто. Черноногие же обитали дальше на запад, но чаще сражения с ними происходили в районе Молочной Реки, то есть на северо-западной окраине земли Ассинибойнов. С этими Черноногими война не прекращалась до 1851 года, затем наступило относительное спокойствие.

В 1850 году отряд в 52 человека угнал у Атсинов лошадей. Погоня не заставила себя ждать, и на расстоянии 10 миль от стойбища завязался бой. Ассинибойны соорудили из камней укрытие, но это не спасло их, так как весь лагерь Атсинов пришёл на поле брани. После целого дня стрельбы все Ассинибойны полегли. Атсины потеряли 15—20 человек. Это наиболее длительное и кровопролитное сражение за те годы. В среднем за год племя теряло на войне 40—60 человек» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

В письме к Александру Калберстону от 1 декабря 1849 года Дениг писал: «Les Gens du Nord и община Gauche

несколько дней назад потеряли 52 молодых воина в сражении с Пьеганами на Maria River. У Черноногих погибло 25 человек. Это тяжелейший удар, который понесли Ассинибойны за последние годы» (Missouri Historical Society). В данном случае Дениг противоречит сам себе в дате и племени, но так как письмо было написано «по горячим следам», то следует сделать вывод, что Ассинибойны дрались в конце 1849 года, а не в 1850 году, и бой был с Пьеганами, а не Атсинами.

После этого проигрыша и последовавшего в 1851 году подписания договора в форте Ларами Ассинибойны заключили мир с Равнинными Большебрюхими (Атсинами) и часто гостили в их стойбищах, всегда возвращаясь с лошадьми и другими подарками. Общее число лошадей, подаренных за четыре года мира, дошло до пятисот голов. Атсины никогда не нарушали данного слова и всем образом жизни показывали, что всячески стремились удержать мир. Однако Ассинибойны не были столь сплочённым племенем, и отдельные личности то и дело выражали свою независимость, тайно отправляясь в походы, чтобы украсть лошадей. Частенько дружественные визиты Ассинибойнов тоже заканчивались воровством, ибо Ассинибойны не могли сдержать себя от соблазна прихватить при отъезде пару-тройку чужих лошадей. В конце концов дело дошло до того, что Атсины убили четырёх таких конокрадов, обнаружив их крадущимися в середине табуна.

Что касается Пьеганов, Кайна и других больших племён Черноногих, то с ними Ассинибойны продолжали воевать. В 1855 году губернатор территории Вашингтон Исаак Стивенс провёл ряд переговоров с Черноногими и в октябре подписал с ними соглашение. Но этот договор не остановил вражду между Ассинибойнами и Черноногими, и военные отряды по-прежнему продолжали ходить в походы. Случалось, что за один год некоторые лошади меняли своих хозяев по несколько раз, попадая из одного племени в другое.

Постоянная война мешала Ассинибойнам восстановить население, катастрофически сократившееся во время эпидемии оспы 1838 года. Индейцы беспрестанно теряли своих воинов, а племя и без того было не слишком многочисленным.

Говоря о войне против Арикаров, нужно отметить, что она была для дикарей сущим баловством: индейцы подкарауливали какого-нибудь одиночку, беззащитную женщину или ребёнка. Настоящий бой был исключением.

«Ассинибойны — прекрасные охотники, будь то пешая охота или конная, с ружьём или со стрелами. Но, как я уже упоминал, они отличаются великой ленью и в этом смысле совершенно неисправимы. Они никогда не стремились заполучить огнестрельное оружие и всегда легко расставались с ним, перепродавая его другим индейцам, лишь бы ничего не делать, но приобрести без особых усилий вещи или еду. В отряде из пятидесяти человек редко насчитывалось более 12 ружей. Зато к лошадям Ассинибойны относятся с трепетом. Потеря скакуна для каждого из них — настоящая трагедия. Ассинибойны в прямом смысле слова опускают руки и не знают, как жить дальше, если теряют лошадь. Возможно, это связано с тем, что они никогда не могли похвастать большим поголовьем. Если возникает вопрос, что им больше по душе, конь или винтовка, они без колебаний выбирают коня. Их военные отряды экипированы копьями, топорами, дубинами, луками и стрелами, и тем не менее они спокойно отправляются в рейд против Черноногих, хорошо снабжённых огнестрельным оружием.

Леность Ассинибойнов проявляется и в их внешнем виде. Большинство предпочитает носить старинную одежду из кожи, которая появляется в результате охоты, но мало кто из них будет утруждать себя торговым делом, чтобы купить ткань для платья. Их наряды, сёдла и прочие вещи изготавливаются так же, как это делалось во времена каменных топоров и костяных наконечников. Они продолжают

пользоваться бычьим пузырём для хранения воды, распиленным бизоньим рогом вместо ложки и так далее.

Ассинибойны настолько ленивы, что не хотят охотиться на бизонов, если стадо пасётся на расстоянии более чем один дневной переход от лагеря. В этом смысле они опустились гораздо ниже, чем Манданы, Арикары и прочие индейцы, живущие в земляных деревнях и не желающие покидать их.

Лишь в сороковых годах наметился некий перелом в их мировоззрении. Мало-помалу они привыкли к европейским товарам, стали потреблять кофе и муку, от которых совсем недавно отказывались. Они стали чище в одежде и в домах.

И всё же основным средством их существования остаётся охота. Бизон — главный источник мяса и шкур. Мясо потребляется в сыром виде или высушивается. Помимо мясных продуктов, Ассинибойны едят множество диких фруктов и корений. Шкуры бизонов идут на одежду и на покрытие жилищ, а также отвозятся в Меховую Компанию.

Бывают времена, когда бизоны уходят, и индейцы начинают голодать. Так, в 1846 году они пожрали всех своих собак и лошадей и даже съели нескольких своих детей» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Впрочем, Дениг не пишет, что видел это собственными глазами. Это могли быть только слухи, поэтому его слова, не даёт никому права говорить о более или менее регулярной практике каннибализма у Ассинибойнов. Также обращаю внимание и на то, что, по словам Денига, Ассинибойны потребляли *мясо собственных детей*, а не мясо врагов, как это делали время от времени Тонкавы, вкладывая в это определённый ритуальный смысл — поедание силы врага и наполнение себя этой силой.

«Лошадей у них мало, и они используются для перевозки палаток и детей во время кочевья. В качестве вьючных животных широко используются собаки, но они не могут переносить тяжёлый груз» (Denig).

Несмотря на то, что лошади появились у Ассинибойнов в первой половине восемнадцатого века, это племя всегда считалось бедным в смысле табунов. Лейтенант Брэдли указывал, что к 1830 году у Ассинибойнов было в среднем по две лошади на одно жилище, в то время, как у Атсинов насчитывалось по пять лошадей на палатку, у Пьеганов — по десять, у Абсароков — по пятьдесят. Дениг утверждал, что у Ассинибойнов «по крайней мере одна треть мужчин не имеет собственного коня». У Кэтлина же создалось впечатление, что Ассинибойны «вполне обеспечены лошадьми».

«Ассинибойны не отличаются привлекательной внешностью. Мужчины — среднего роста, обычно имеют настороженный, как у собаки, взгляд, что особенно проявляется в незнакомых местах и в непривычной для них обстановке. Но в своих домах они весьма общительны. Глава дома всячески пытается вызвать к себе уважение. Среди Ассинибойнов встречаются миловидные женщины, хотя нравственность и добродетельность ценятся всё меньше, а невинных девушек можно повстречать только среди совсем юных созданий. Тем не менее их женщины ведут себя очень скромно и кажутся застенчивыми. В них нет ничего от вульгарности женщин Арикаров и Абсароков. Они не отличаются каким-то особым чувством любви и обычно впервые вступают в брак в возрасте 25—30 лет» (Denig).

В вопросе внешности Ассинибойнов с Денигом не соглашается художник Кэтлин: «Ассинибойны, иначе называемые Кипятильщики Камней, — это прекрасные и благородные представители индейской расы. Я говорю и об их внешности, и об их нравах, в чём удивительно схожи с Дакотами, от которых они некогда откололись. Мужчины высоки, грациозны в движениях, носят разрисованные накидки из бизоньих шкур. Они — превосходные охотники и вполне обеспечены лошадьми. Живут они на территории, изобилующей бизоньими стадами, так что эти индейцы полностью снабжают

себя всеми удобствами, если так можно выразиться, для своей жизни. Им известно множество развлечений и игр, наиболее любимая из которых — игра в мяч. Среди прочих развлечений можно выделить игру в мокасины, конные скачки и пляски». И чуть далее он же об их внешности: «Ассинибойны, как и Абсароки, отращивают невероятной длины волосы. У некоторых людей они опускаются до самой земли. Но я не раз замечал, что некоторые индейцы увеличивают длину своих кос искусственным путём, приклеивая к собственным волосам пряди чужих волос. Место склеивания они загримировывают специальной смесью клея с красной глиной, из-за чего волосы там выглядят очень толстыми» (Notes and Letters).

Мужчины племени объединялись в воинские «клубы», как это было принято у всех народов Верхнего Миссури. Но у Ассинибойнов, в отличие от Титонов и Черноногих, не было деления этих организаций на возрастные категории. Впрочем, существовало одно общество, состоявшее исключительно из молодых людей, завоевавших себе на поле боя репутацию настоящих сумасбродов. «Их палатка всегда стояла посреди деревни. Никто из них не был женат, и почти всё своё время они проводили в палатке своего общества. Они были племенной „полицией“ и следили за соблюдением порядка. Говорят, что они имели полное право убить и изрубить на куски всякого, кто осмелился бы перечить им. Считается также, что каждый из них был обязан съесть по маленькому кусочку плоти такой жертвы. Однако это, вероятнее всего, был лишь постоянно поддерживаемый членами организации слух, чтобы держать соплеменников в постоянном страхе» (T.Mails «Dog Soldiers, Bear Men and Buffalo Women»).

Представители воинских обществ заставляли друг друга проделывать время от времени странную на первый взгляд вещь: кто-нибудь из них внезапно появлялся абсолютно голым посреди деревни и начинал плясать под звуки зажа-

той в руке погремушки. Воины считали, что такое поведение изгоняло из них чувство ложного стыда. Именно из числа таких молодых людей избирались вожди воинских организаций. Бывало, что перед публикой представали сразу два голых молодых человека, и тогда между ними начиналось настоящее состязание. Если ни один не уступил в своём танце и своём бесстыдстве, то им подносили по плошке жидкого навоза, дабы они доказали свою твёрдость, откушав «угощения». Однажды один из особенно рьяных кандидатов смертельно отравился, проглотив всё, что было поставлено перед ним.

Вполне возможно, что это пожирание навоза имело корни, о которых Ассинибойны давно позабыли. Ведь столь же странное, если не сказать безумное, поведение было обязательной частью ритуала у так называемых «клоунов» Апачей. «Появились восемь клоунов, каждый держал в руке лук и четыре стрелы. На их головах были шапки из кожи бизона с укреплёнными рогами. На кончиках рогов раскачивались перья индейки с множеством пуха. Клоуны были выкрашены в чёрный цвет с белыми полосками… Эти люди владели снадобьем. Нормальные люди не могли употреблять это снадобье. Клоуны брали экскременты собаки и маленьких детей, тщательно смешивали их, добавляли туда белой глины и какое-то растение. Затем они пробовали снадобье и говорили, что оно сладкое… Клоуны начинали кормить друг друга этим. Прежде, чем положить это в рот, они четырежды произносили „уа“, подражая звуку тошноты. Это снадобье делало тела клоунов сильными. Любого другого человека, когда он клал это снадобье в рот, сразу тошнило, но только не клоуна. После этого кушанья у клоунов резко улучшался слух и обострялось зрение. Они могли видеть ночью, как совы. Они умели распознавать человека на расстоянии трёх и даже четырёх миль» (Opler «Myths and Tales of the Jicarilla»).

Я привёл этот пример лишь для того, чтобы обратить

внимание читателя на удивительное разнообразие в их способах самовыражаться. Кажется, что ничего больше выдумать невозможно, но вдруг кто-то из дикарей делывает нечто такое, что никак не укладывается в сознание «цивилизованного» человека и кажется полнейшей глупостью, но для самих индейцев имеет первостепенное значение.

Да, путь воина извилист, крут и полон самых нелепых препятствий!

Люди из земляных домов

Арикары или Ри, как их называли французские торговцы, по сути своей — тот же народ, что и Поуни. Их языки очень схожи, хотя диалект Арикаров претерпел некоторые изменения из-за постоянных контактов с сюязычными народами и иными соседствующими племенами. Во многих ранних работах, посвящённых Арикарам, не раз обращалось внимание на лингвистическую связь Арикаров и Поуней. Особенно сильно видно сходство с народом Скиди-Поуни. Генри Александр считал их настолько похожими, что часто путал эти племена и в своих бумагах нередко называл их всех одним именем — Поуни. Торговец Пьер Антуан Табо в 1804 году указывал на наличие некоторых значительных различий в диалектах десяти ветвей Арикаров. Тот факт, что они мигрировали вверх по Миссури, подтверждается останками их земляных поселений вдоль этой реки, которые те-

перь представляют собой просто небольшие курганы, поросшие травой. Когда именно они отделились от основного (родительского) племени, сегодня невозможно определить точно, хотя некоторые из их древних поселений очень стары и относятся, может быть, к периоду значительно более раннему, чем начало пушной торговли на верхнем Миссури.

Некоторые исследователи считают, что название Арикара пришло к ним из языка Манданов (языковая семья Сю) и может означать «рог» или «лось». «Это название проистекает от древней причёски особого вида, когда по обе стороны головы в волосы вертикально помещались косточки» (Thomas Mails «Dog Soldiers, Bear Men and Buffalo Women»). Племя Хидатса (языковая семья Сю) называло Арикаров словом «ада-када-хо». Если принять во внимание частую замену некоторых согласных в разных диалектах, то легко заметить, что при замене буквы «д» в этом слове на букву «р» получается хорошо известное нам название «аракара-хо». При этом надо сказать, что корень «ада» в языке Хидатсов означает «волосы» или «прядь волос». Получается, что Хидатсы тоже дали имя племени Арикаров из-за какой-то их особой причёски.

До 1795 года три эпидемии оспы сократили население Арикаров с тридцати двух деревень до двух (Trudeau «Journal»). Девять лет спустя, Табо заявил, что у Арикаров насчитывалось восемнадцать больших поселений до того, как пришла оспа. Частые внутриплеменные раздоры и последовавшие разделения группировок внесли свою лепту в увеличение числа деревень на берегах Миссури. Джордж Уил записал, что до 1855 года на Миссури ниже устья Плохой Реки (Bad River) находился двадцать один посёлок Арикаров («Archaeology of the Missouri Valley»). В 1939 году Колумбийский Университет провёл раскопки на Миссури и обнаружил останки двух деревень в семи милях от реки Пьер, которые были отнесены к доисторическим Арикарам. В годы, когда давние французские и испанские торговцы

начали общаться с индейцами верхнего течения, деревня Арикаров располагалась чуть выше устья Большой Реки (Grand River), а позже индейцы перебирались несколько раз с места на место и дошли до форта Кларк, где сегодня расположена деревня Манданов.

«Арикары никогда не проявляли дружеских чувств по отношению к белым людям. Говорят, что их неприязнь к белым возникает в умах их детей, едва они начинают отличать Бледнолицых от индейцев. Похоже, что эта враждебность досталось им от предков, которые несомненно имели большие трудности в контактах с первыми европейскими поселенцами на западных границах, что могло послужить причиной миграции Арикаров. Какова бы ни была причина, их система воспитания передаётся молодёжи до сегодняшнего дня, её последствия оказывают тяжёлое влияние на поколения. Торговля с ними началась с большим трудом, когда они обитали в деревне на Большой Реке. Их пристрастие к воровству и убийствам были настолько велики, что редкий человек отваживался поселиться в их деревне — такие попытки непременно заканчивались гибелью смельчака» (Denig «Five Tribes of the Upper Missouri»).

Впрочем, в дневниках экспедиции Льюиса-Кларка Арикарам даётся гораздо более положительная оценка: «Мы отправились с вождём в его деревню, обсудили там различные вопросы, после чего посетили третью деревню. В каждой деревне нас угощали какой-нибудь едой и дали с собой несколько бушелей кукурузного зерна и бобов и т. п. Эти бедные и грязные люди обращались с нами очень цивилизованно… Они дали нам в дорогу кукурузного хлеба и варёной фасоли…» И чуть дальше: «На закате мы подплыли к деревне Арикаров, состоящей из 10 хижин (на правом берегу). Мы остановились возле них. Капитан Льюис, я и сопровождавший нас вождь пошли к ним. Несколько индейцев выкурили с нами трубку, угостили нас едой и дали с собой немного мяса. Эти люди очень любезны и, похоже, остались

очень довольны тем, что мы уделили им внимание» (Lewis and Clark «Journals»). Это явно не худшая из характеристик дикарей.

Приходили новые люди, и в конце концов торговля в деревне состоялась, хотя сложившееся положение нельзя было назвать стабильным. У Арикаров в то время насчитывалось около 800 воинов и примерно 180—200 хижин. Впрочем, Трудо в 1795 году и Льюис и Кларк, а также Табо в 1804 году писали, что у Арикаров было примерно 500 боеспособных человек.

«Жилища их строились тогда так же, как и сегодня. Устанавливались четыре столба, образуя на земле квадрат. Каждый столб имел развилку на верхушке, чтобы держать поперечную балку. На балки укладывались более тонкие ветви таким образом, что их концы описывали полукруг, опускаясь к земле. Промежутки между ними заполнялись мелкими прутьями, тростником, травой и замазывались толстым слоем глины. Одно отверстие оставлялось на самом верху для дыма, другое — в стене для двери. Эта часть дома, возвышавшаяся над землёй. Внутри выкапывалось углубление на два-четыре фута, земля выносилась наружу. Это значительно увеличивало внутреннее пространство, давало людям возможность ходить в полный рост по всему дому, за исключением окраин, где стены округлялись (там были устроены кровати). Дверь устанавливалась в нескольких шагах от хижины — в конце пристроенного к жилищу коридора, длина которого достигала десяти футов. Дверь делалась из дерева, размеры её настолько велики, что можно было провести в семейный круг любимую лошадь, что нередко и случалось. Вокруг дома обязательно выкапывали небольшую канавку, где собиралась дождевая вода» (Denig).

Табо сделал описание земляной деревни Арикаров, которую он видел в 1804 году. Летом 1932 года на раскопках близ Ливенворта под руководством В.Д.Стронга были обнаружены по две землянки на местах предположительных сто-

янок Арикаров. Стронг оставил их описание и нарисовал план их расположения, добавив к этому три реконструкции одной из тех землянок. Арикары оказались более консервативными, чем Манданы и Хидатсы, тяготея к старому стилю и делая жилище округлым. В 1872 году они занимали сорок три земляных дома близ форта Бертхолд. Лишь двадцать восемь жилищ Арикаров относились к новому типу, то есть сделаны на манер бревенчатой избы. Жилища располагались в пятнадцати-двадцати шагах друг от друга без какого-либо правила. Не было ничего, что напоминало бы улицу, и чужак легко терялся в такой деревне. Необходимо упомянуть, что в доме выкапывался также погреб, где хранили зерно и другие продукты.

«Арикары обрабатывают небольшие участки земли на Миссури. Каждая семья имеет от 0,5 до 1,5 акров. Наделы разграничиваются один от другого кустарником или грубым частоколом. Главным орудием земледелия являлась мотыга. Лезвием для мотыги служили оленьи или бизоньи лопатки; тростниковые стебли, изогнутые на концах, использовались в качестве рукояток» (Tabeau «Narrative»). Трудились в основном женщины. Выращивали кукурузу, тыкву и несколько видов кабачков. Говорят, что их кукуруза была особого сорта и нигде в других районах США не встречалась. Стебли редко превышают 2—3,5 футов в высоту, и початки почти стелются по земле. Один или два початка могут иногда вырасти и выше на стебле, но он слишком тонок, чтобы удержать их. Кукурузные зёрна малы и покрыты более толстой корочкой, чем кукуруза южных районов. Она не столь питательна для животных в сравнении с другими сортами, но больше пришлась по вкусу индейцам. Помимо этого, индейцы затрачивают не так уж много труда на выращивание этой кукурузы, а получают до двадцати бушелей с акра (1 бушель = 36,3 литра, 1 акр = 0,4 га). Часть урожая снимается ещё в зелёном виде, слегка отваривается, высушивается и скла-

дируется. Такую кукурузу называют сладкой, она хранится сколько угодно времени. Если такую кукурузу сварить, то она ничем не отличается по вкусу от свежесобранной.

Арикары приступали к посевной в середине апреля или начале мая, что зависело от мягкости или суровости весны, а урожай собирали примерно в начале августа. Урожаи далеко не всегда одинаково хороши. На них влияют как наводнения Миссури, так и продолжительные засухи. Но при погоде средней влажности индейцы получают от двух до трёх тысяч бушелей зерна.

Арикары называли кукурузу не иначе как «мать».

«Многие суеверия и церемонии связаны с посевом кукурузы и её ростом. Некоторые из них, а скорее всего все уходят корнями в глубокую древность. Есть и такие, которые слишком неприличны для того, чтобы представлять их широкому читателю, и если их всё-таки описывают, то они выставляют человека в свете низшего животного состояния. Всё, что в их историях и аллегориях достойно быть познанным, будет изложено на этих страницах, а то, на что можно намекнуть, даст пытливому уму широкое поле для воображения.

Следующим после кукурузы внимание индейцев привлекают кабачки. Эти овощи ничем не отличаются от растущих в Штатах. Они растут на очень крепких стеблях, бывают самых разных размеров и форм. Их потребляют в варёном и сыром виде, а также режут на куски и сушат для зимних запасов. В последнем случае они становятся твёрдыми и требуют продолжительного времени во время последующей готовки.

Все сухие продукты хранятся в погребах под домами или закапываются в полях. Такие запасы предназначены в основном для весны, когда стада бизонов блуждают слишком далеко, чтобы охотиться на них.

Запасы зерна позволяют Арикарам выходить на торговый рынок. Первым местом сбыта является форт Амери-

канской Пушной Компании, расположенный возле их деревни. Тут они продают от пяти до восьми бушелей зерна. Торговлей занимаются женщины. Они приносят кукурузные зёрна в кастрюлях, а кабачки и тыквы — нанизанными на нить. Взамен они получают замечательные ножи, мотыги, расчёски, бусы, краску и т. п. Индеанки также выменивают оружие, табак и прочие полезные товары для своих мужей. Таким образом все семьи обеспечивают себя множеством мелких вещиц, столь необходимых для удобного существования.

Второй рынок сбыта — племена Сю в то время, когда они не враждуют с Арикарами. Эти индейцы ежегодно приезжают к земляным деревням, привозя шкуры бизонов, кожу, мясо и другие товары, которые можно обменять на зерно. Арикары покупают у Сю то, что можно перепродать в форте и получить там ткани и предметы домашнего обихода для женщин. Бывает, что племя Сю проводит целую зиму возле деревни Арикаров, и тогда торговля продолжается всё это время. Случается, что у Сю нет достаточного количества мяса и шкур для ведения торговли, тогда Арикары всё равно снабжают их зерном, чтобы поддержать мирные отношения. Именно в такие времена обычно и происходят неприятности. Сю всегда многочисленны. Если они голодают, то непременно впадают в плохое настроение. Арикары, опасаясь могущественных соседей, приносят в стойбище Сю зерно. Тем не менее что-нибудь дурное обязательно случается: либо Сю украдут лошадей, либо изнасилуют женщин. Такие происшествия обычно сглаживаются усилиями стариков обеих сторон.

Когда эти два народа встречаются, и у одного есть зерно, а у другого есть шкуры бизонов, они чудесно проводят время: много угощений, танцев, скачек на лошадях, разных других состязаний. Юноши и девушки выходят в лучших своих нарядах из кожи, принимают участие в плясках, повсюду пестрят разные цвета, узоры из игл дикобраза. Стари-

ки едят и курят без перерыва. Люди среднего возраста обмениваются лошадьми и прочими товарами. Воины играют. Молодые мужчины дни и ночи проводят в попытках соблазнить молодых женщин в обоих лагерях. Много странных сцен предстаёт здесь перед глазами. Многое можно было бы рассказать, но ещё больше не поддалось бы описанию.

В начале зимы Арикары уходят из своей деревни на поиски бизонов, которые редко появляются вблизи их домов. В походе индейцы живут в палатках с покровом из кожи. Они редко удаляются больше, чем на пятьдесят миль от своей основной деревни. Иногда они проводят в охотничьих лагерях целую зиму. Случается, что с ними кочуют Сю. Здесь надо сказать, что Арикары не очень хорошие охотники на бизонов и не имеют лошадей в достаточном количестве. Так что по-настоящему хорошая бизонья охота получается лишь в тех случаях, когда большое стадо бродит в непосредственной близости от земляной деревни» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Арикары получили лошадей раньше Манданов и Хидатсов, живших выше по Миссури. Все три племени играли важную роль в качестве посредников в распространении лошадей от степных кочевников, живших южнее и западнее от Миссури, к кочевым племенам, обитавшим восточнее и севернее этой реки. Однако они оставляли лошадей и для собственного пользования, поэтому в так называемые «бизоньи годы» (то есть времена, когда стада бизонов были в изобилии) эти земледельческие племена были богаты.

«Однако Арикары — отменные рыбаки. Они ловят рыб при помощи загонов, сделанных из ивовых прутьев; они заманивают рыбу внутрь загона кусками мяса. Когда рыба заплывает в загон, калитка закрывается, индейцы прыгают внутрь и выбрасывают рыбу на берег. Таким образом им удаётся летом получить богатый улов. Оседлые индейцы любят рыбу. Кочевники же не проявляют к ней особого интереса. Арикары были также хорошими пловцами, они

рисковали плавать на обломках льдин, когда Миссури вскрывалась по весне, и вылавливали из воды дрейфующие туши утонувших бизонов. Многие животные попадали под лёд ещё осенью, когда покров на воде не успел хорошо затвердеть. Случалось, что так гибли целые стада, неподвижно оставаясь в русле до тех пор, пока не начинался ледоход. Их туши часто грудились возле берега, источая смрад гниющего мяса. Несмотря на то, что мясо разлагается до такой степени, что разваливается на куски и его можно хлебать ложками, Арикары с жадностью поглощают его, даже если при этом имеют возможность поесть нормальное мясо. Гнилые туши представляют собой отталкивающее зрелище. От гнили нестерпимо воняет, и любой подумает, что одно присутствие разложившихся туш может вызвать у человека болезни. Но индейцы ничуть не страдают от такой еды. Такое мясо потребляют мужчины и женщины, а дети съедают столько, сколько могут затолкать в себя. Если мясо ещё твёрдое, то его кипятят, но если оно сгнило совсем, его пожирают в сыром виде. В любом случае это самое неестественная субстанция из всех, которые потребляются в качестве продуктов питания в дикой стране» (Denig «Five Indian Tribes»).

Ничего из сказанного выше Дениг, вероятно, не видел собственными глазами, так как ни разу не говорит, что у него лично такое зрелище вызвало глубочайшее отвращение и т. д. Скорее всего, он лишь пересказал слова Табо, который однажды (1804) наблюдал, как Арикары выловили мёртвого быка из реки. Несмотря на то, что запах был очень крепок и Табо не смог из-за этого заставить себя подойти вплотную, он хорошо разглядел со своего места, что Арикары потребляли куски животного в сыром виде.

В дневниках форта Кларк ничего не упоминается о том, что Арикары питались прошлогодними трупами бизонов, приплывшими по течению реки, но Шардон сделал некоторые подобные упоминания о Манданах в апреле 1837 года.

«Падает снег. Манданы голодают. Они терпеливо ждут, когда вскроется река, чтобы выловить утонувшие туши бизонов». И далее запись, сделанная через десять дней: «Лёд вновь остановил свой ход прошлой ночью, он твёрдый и толстый, как раньше. Манданы потеряли всякую надежду выловить дрейфующие туши бизонов, до сих пор ни одной не видели» (Chardon`s Journal at Fort Clark, 1834—1839).

Судя по таким сообщениям, вылавливание мёртвых туш бизонов осуществлялось многими индейцами *земляных деревень*, как бы то ни казалось странным многим поклонникам коренных американцев.

Вашингтон Мэтьюс категорически отрицал, что такая практика существовала среди Арикаров: «Черепахи и рыбы часто идут в пищу, но я никогда не слышал, чтобы они кушали змей. Хидатсы приобщились с недавних времён к потреблению собачатины и едят иногда из нужды конину, но Арикары не притрагиваются к такой пище. Что касается насекомых (за исключением одного вида) и червяков, то Арикары никогда не едят их. Мало кого из этих индейцев можно убедить проглотить даже устрицу» (Washington Matthews «Ethnography and Philology»). Здесь я бы обратил внимание на то, что Мэтьюс всё-таки признаёт в скобках, что Арикары потребляли какой-то вид насекомых. Кроме того, он наверняка относился к данному вопросу предвзято, иначе вынужден был бы согласиться, что случаи, упомянутые Трудо, пусть редко, но имели место. В объективности Мэтьюса заставляет усомниться и его утверждение, что индейцы (пусть даже он говорил только об Арикарах) не употребляли в пищу змей.

Здесь я хотел бы обратить внимание читателя на то, что народно-медицинские воззрения, уходящие корнями в глубочайшую древность, часто указывали на необходимость употребления сырого и тухлого бычьего мяса в качестве лекарственных препаратов при определённых заболеваниях. Одним из свидетельств тому служит написанный

в 15 веке до н. э., но по своему содержанию относящийся к более раннему времени документ, известный как «Папирус Эберса». Тайная книга о лекарствах, изданная 1875 в Ляйпциге, называет среди прочих лекарственных средств, популярных в Египте, следующие (в категории мясных продуктов): свежее мясо, гнилое мясо, мясо живого быка. Я вовсе не хочу сказать, что Арикары были близко знакомы с медициной древнего Египта, но «народная» медицина одинакова повсюду. То, что принято называть сегодня «тибетской медициной», зачастую относится к традиционным лекарственным рецептам совершенно иных районов. Существуют устоявшиеся клише, от которых нынче почти невозможно избавиться.

Но даже *если* пожирание сырого и подгнившего мяса есть просто характерная черта дикарей, то Арикары ни в коем случае не являлись единственными потребителями такого рода пищи. Блюда бывают разными и вовсе не являются характеристикой развитости того или иного народа. Сегодня мы не называем жителей высокотехнократичной Японии дикарями, а ведь они без колебаний поглощают сырую рыбу и обезьяньи мозги, черпая их ложками из свежеразрубленной головы несчастного животного, и считают это большим лакомством. Иностранные туристы называют это национальной японской кухней. Я уверен, что индейцы могли бы, опираясь на свидетельства Трудо и прочих торговцев, сегодня подавать туристам в резервациях куски подгнившего бизоньего мяса, смело называя это своей национальной кухней, и вполне возможно, что такое блюдо вскоре приобрело бы популярность. Экзотина нынче в почёте.

Что же касается американских индейцев времён Дикого Запада, то самый способ приготовления пищи сильно отличался в те далёкие времена от сегодняшних рецептов, но это ни в коей мере не свидетельствует об их примитивности.

«Индейцы наливают кровь в *полупереваренное* содержи-

мое оленьего желудка и варят эту смесь до тех пор, пока она не загустеет. Затем туда добавляют немного жира и очень мелкие кусочки мягкого мяса. Хорошенько смешав кровь с содержимым желудка, дикари подвешивают всё это коптиться в дыму на несколько дней. В результате *масса начинает бродить* и приобретает приятный кисловатый вкус. Весь жир для названного блюда пережёвывают мужчины и мальчики, чтобы раздробить мелкие жировые шарики, которые в результате этого не будут застывать, а смешаются со всей массой. К этой процедуре не допускаются ни старики с больными зубами, ни слишком маленькие дети. Если бы не наше предубеждение, это блюдо непременно пришлось бы по душе самым разборчивым гурманам» (Samuel Bearne «A Journey from Prince of Wales in Hudson`s Bay to the Northern Ocean… in the Years 1769, 1770, 1771, 1172»).

Приведённый фрагмент лишь подтверждает высказанную чуть выше мною мысль о том, что объявив самое неожиданное и даже отталкивающее по своим качествам блюдо национальной пищей, можно тем самым привлечь к нему внимание многих любителей вкусно поесть, которые без колебаний назовут такое блюдо удивительно тонким и неповторимым и не найдут в нём ничего ужасного.

Вот что пишет в этой связи по поводу эскимосов (то есть гурманов уже совсем далёкого севера) Фарли Моут: «У эскимосов есть несколько блюд, в равной степени отталкивающих для европейцев. Упомяну только одно, состоящее из мелко нарезанной сырой оленьей печёнки, смешанной с содержимым желудка этого животного. Причём, *чем дальше зашёл процесс разжижения этого содержимого, тем вкуснее блюдо* для эскимосов. Наблюдал я также, как они горстями поедают личинок мух, разведённых на мясе, а когда у кого-нибудь случайно пойдёт носом кровь, её обычно слизывают и глотают.

Но если подумать, в сколь негостеприимной части земного шара приходится жить эскимосам и на какие муки их

нередко обрекает голод, то, думаю, не стоит удивляться их способности находить удовольствие в поедании подобной пищи и следует восхищаться мудростью и добротой Провидения, наделившего всё живое на земле способностями и вкусом, наилучшим образом соответствующими пище, климату и остальным условиям тех областей, где они живут.

Справедливости ради надо упомянуть, что *эти люди* при первой моей встрече с ними *отказывались есть нашу пищу*. Некоторые, хотя и пробовали сахар, изюм, инжир и хлеб, почти сразу выплёвывали всё с явным отвращением: то есть *они испытывают от нашей пищи не больше удовольствия, чем мы от их*».

Но вернёмся к Денигу:

«В то же самое время, когда происходит выуживание из реки мёртвых бизонов, женщины собирают дрейфующие куски дерева. Одни индеанки отплывают на льдинах подальше от берега, привязывают к плывущим деревьям верёвки, а другие (оставшиеся на берегу) тянут брёвна за верёвки к себе. Такой способ сбора дров играет огромную роль для Арикаров, так как местность вокруг лишена богатого леса, а топливо нужно всегда. На подобный сбор дров выходит целая деревня, вся поверхность реки усыпана человеческими фигурами, которые безостановочно скачут с одной льдины на другую.

Эти индейцы, хоть и глупы во многих отношениях, всё-таки проявляют значительное умение в производстве кухонной посуды, делая её из глины и не прибегая к помощи каких-либо механизмов. Посуда обжигается в огне.

Домашние обычаи и привычки Арикаров гораздо более омерзительны, чем повадки других племён, живущих в верхнем течении Миссури, но есть некоторые причины, по которым нельзя вести разговор на этих страницах об их худших обычаях. Можно лишь упомянуть о кое-каких сторонах их жизни в качестве примера.

Что касается их одежды, то она грязна и неряшлива как

у мужчин, так и у женщин. Волосы их редко расчёсываются гребнем, но чаще слепливаются при помощи смолы в пучки, а те склеиваются воедино глиной, жиром и краской, образуя замечательную среду для размножения всевозможных паразитов, которые плодятся в немыслимых количествах и расползаются с черепа вниз на одежду, а затем продолжают свои путешествия в самые дальние уголки жилища. Это особые виды насекомых, очень крупные, и перед нападением десятка этих тварей не устроит, пожалуй, никто, кроме туземцев. Сами индейцы не обращают внимания на паразитов, и даже кажется, что специально разводят их, устраивая уютные обители в своих спутанных волосах и жирных одеждах. Посторонний человек, попав в деревню Арикаров в жаркий день, обязательно увидит, как сотни ленивых мужчин лежат на земле, положив головы в руки жёнам, а те быстро и ритмично, как машина, выхватывают и зажимают между зубов громадных насекомых, а когда набирается полный рот паразитов, женщины сплёвывают их, собрав в комок, который достигает размером хорошего грецкого ореха. Во время этой операции женщины вылавливают только совершенно взрослых паразитов, которых можно обнаружить без особых поисков. Более молодые особи остаются на вырост, чтобы быть пойманными позже. Сегодня уже известно, что и в других племенах встречаются паразиты, но там это касается исключительно редких и очень запущенных стариков, которые самостоятельно выискивают насекомых, скрывшись от посторонних глаз в своей палатке. Индейцы же, о которых мы ведём речь, занимаются ловлей паразитов регулярно и считают, что любой пришелец может наблюдать за этим» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

В связи с перечисленными подробностями о вшах и личинках, я позволю себе вновь привести цитату из книги Сэмюэла Хирна, хотя речь в ней идёт о гораздо более северных племенах, чем Арикары, но доказывает то, что уровень

жизни обусловливает схожесть нравов: «Индейцы едят личинки сырыми и живьём, и дети считают их большим лакомством. Одежда, которую носят индейцы, часто делается добычей вшей, однако это ничуть не считается позорным, более того, индейцы нередко забавляются тем, что ловят и поедают насекомых. Такое занятие приносит им немалое удовольствие».

Потребление плохой пищи — не единственный повод для исследователей посудачить о нечистоплотности Арикаров, да и других индейцев тоже. Существуют свидетельства того, что во множестве семей Арикаров было принято спать всем вместе, независимо от родственных связей и половой принадлежности: отец бок о бок с дочерью, брат рядом с сестрой. Если это действительно так, то Арикары, пожалуй, — единственный народ верхнего Миссури, который не считал инцест ни позором, ни преступлением. Табо, живя среди Арикаров, стал свидетелем сексуальной связи между кровными братом и сестрой. Он также утверждал, что такие же отношения между зятем и тёщей были вполне привычными в племени. Половая связь между зятем и тёщей особенно обращает на себя внимание, так как у равнинных племён существовал строгий запрет на любые контакты между тёщей и зятем, им не разрешалось даже разговаривать друг с другом, а во многих племенах ближайшим родственникам противоположного пола не позволялось вообще оставаться наедине.

И всё же человек, судя по множеству примеров, устроен таким образом, что не перестаёт стремиться к тому, что для него запретно. Примеры инцеста наблюдались фактически у всех американских племён, хотя нигде они не считались нормой. При этом самым страшным наказанием за кровосмесительную связь было общественное порицание. Совершивших инцест считали сумасшедшими, но никогда не унижали, как это случается до сих пор, например, на острове Бали, где уличённых в инцесте привязывают верёвками

за шею и вынуждают их жить вместе со свиньями, как настоящих свиней.

О том, как давали волю своим страстям, подробно изложила в своей книге Руфь Ландерс. Правда, речь шла о лесном племени Оджибва, но все прерийные народы обитали в лесной зоне, прежде чем обосновались в степях, и во многом сохранили свои нравы. «Время от времени устраиваются пьяные оргии, куда допускаются не только взрослые женщины, но и совсем молодые девушки. Женщины беззастенчиво задирают свои юбки, а то и вовсе раздеваются донага и приглашают всякого мужчину. Забываются все табу. Мужчины не имеют привычку раздеваться полностью. Обычно они высматривают табуированных для себя женщин, старательно избегая собственных жён. Во время такой оргии один из мужчин с нетерпением сбросил одежду и овладел сперва собственной матерью, затем её сестрой (своей тёткой). Другой мужчина лежал и обследовал гениталии своей сестры, в то время как его пьяная жена сидела рядом и горланила песни» (Ruth Landdrs «The Ojibwa Woman»).

О «непристойном» поведении некоторых женщин свидетельствуют воспоминания путешественников об Апачах, и эти свидетельства совершенно разрушают устоявшиеся взгляды на краснокожих. Женщины Апачей, овдовевшие или разведённые, назывались «бижхахн», что может быть переведено приблизительно как «использованная женщина». Бижхахн относились к особой категории людей — они были женщинами без мужчин, но не девственницами. Все знали, что мужчины им нужны и для удовлетворения физиологических потребностей, и для материальной поддержки. Когда военный отряд возвращался из похода с захваченными трофеями, в деревне устраивался праздник. Во время танца, который назывался Пляской Врагов или Пляской Вражеских Вещей, женщины-бижхахн танцевали, раздевшись почти донага; их прикрывала только набедренная по-

вязка. Они выбирали себе партнёра по танцу, и он должен был отдать им часть захваченного в бою вражеского имущества. Он также обязан был уйти на ночь к этой бижхахн и переспать с ней. Жёны этих мужчин не считали такой поступок изменой. Никто из Апачей никогда не осуждал бижхахн за их «разнузданное» поведение, потому как все вели себя русле установленных в племени правил (James Haley «Apaches: History and Culture Portrait»).

Конечно, подобные сцены не были ежедневными и выходили за рамки привычной жизни, происходя чаще всего под сильным воздействием алкоголя. И всё-таки они имели место. Что касается конкретно Арикаров, то причиной таких вольностей было, вероятнее всего, резкое падение пассионарности этого племени, что привело к формированию особого менталитета у мужчин. Они всё реже и реже демонстрировали свою отвагу и силу на военной тропе. Всё меньше похвалялись перед женщинами своей удалью. Тем самым в них разрушалась база, на которой основывалось чувство мужского достоинства. Мало-помалу ослабевало соперничество из-за женщин, и развивалась легкодоступность «слабого пола», ибо женщины, дабы удовлетворить свою природную потребность, начали предлагать себя.

Когда война отступает на второй, третий и тем более на десятый план, агрессивная (животная) сторона характера переходит от мужчин к женщинам. Мужская часть населения расслабляется, а женская приходит в активное состояние. «Цивилизация» ограничивает человека законами, вынуждает его сдерживать порывы, и вся разрушительная энергия направляется внутрь мужской воинственности, превращая его в безвольного алкоголика или наркомана. Но, как известно, всё в мире связано, нет ничего самостоятельного и независимого; если в одном месте что-то исчезает, то в другом что-то обязательно появится, дабы заместить потерю. С падением мужской активности начался рост женской деятельности. Отсюда родилась нынешняя идея

эмансипации, женщины ринулись в бой, возросло соперничество женщин из-за мужчин (ведь какими бы «слабыми» мужчины ни казались, женщинам без мужчин никуда не деться — такова природа). Наличие огромного количества проституток в «развитом» обществе является ярчайшим свидетельством того, что у мужчин нет никакой потребности «завоёвывать женское сердце» и что им вполне достаточно купить женское тело, не утруждая себя ни ритуальными плясками, ни славными деяниями. Такова наша действительность. Но вернёмся к Арикарам.

Продолжая выказывать свою неприязнь к этому народу, Дениг весьма категорично заявлял, что «среди Арикаров не встретить красивых мужчин и женщин. Всех характеризует острый, рыскающий, вороватый взгляд. Их одежда не отличается изяществом и выглядит запущенной. Большинство женщин имеют грубые черты, толстые губы, невысокий рост. Молодые и старые индейцы обоих полов в большей или меньшей степени страдают венерическими заболеваниями. Это отражается на их детях, проявляясь в золотухе и прочих неисчислимых кожных высыпаниях. Распутство родителей в прямом смысле оставляет печать на лицах потомства даже в четвёртом поколении» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Мнение Табо по данному вопросу полностью совпадало с точкой зрения Денига, и он был однозначен в этом: женщины Арикаров отвратительны. Впрочем, ему вообще мало что нравилось в Арикарах. А вот у Брэдбёри сложилось иное мнение. На него произвели благоприятное впечатление стройные мужчины Арикаров, «лица которых положительно отличались от тяжёлых физиономий Оседжей и резких черт Сю». Льюис и Кларк тоже нашли, что «их мужчины высоки и пропорционально сложены, женщины же не отличаются высоким ростом, зато очень трудолюбивы, выращивают много зерна, бобов и табака, чтобы их мужья могли курить. На плечах женщин лежит и сбор хвороста для очага». Мнение

экспедиции Льюиса и Кларка о женщинах особенно хорошо проглядывается в следующих строчках их дневников: «Любопытный обычай бытует у Сю и Арикаров: они предлагают своих симпатичных скво (женщин) тем, кому хотят выразить свою благосклонность. Мы отказали в этом индейцам Сю и не спали с их женщинами, и они следовали за нами в течение двух дней со своими скво. Когда мы покинули деревню Арикаров, индейцы послали вслед за нами двух симпатичных скво. Сегодня вечером они нагнали нас и настояли на выполнении своих обязанностей». Кому именно достались индеанки, в дневниках не говорится, равно как не уточняется, насколько умелы оказались дикарки в искусстве любви. Но ясно сказано, что женщины были симпатичными. В другом месте Кларк отметил в заметках об Арикарах: «Их женщинам очень нравилось ласкать наших мужчин». Что под этим подразумевается, остаётся лишь догадываться, но бесспорным является одно — исследователям индеанки не были противны, значит, они не были столь грязны и омерзительны, как об этом говорят некоторые другие. Так что можно лишний раз подтвердить, что о вкусах не спорят, а личная неприязнь никогда не послужит помощником в объективных суждениях.

В 1795 году Трудо обнаружил, что в деревне Арикаров «гнойные заболевания встречаются куда чаще, чем оспа в северных районах Канады. Индейцы излечиваются от этого без труда. Они представили мне нескольких человек, которые шесть месяцев назад буквально гнили заживо, а теперь были в полном здравии». Девять лет спустя Трудо заметил, что наиболее опасными недугами Арикаров стали венерические заболевания. Он утверждал, что туземцы были чересчур ленивы и невежественны, чтобы отыскать нужное в этих случаях лекарственное растение. Трудо и Табо были потрясены свободой сексуальной морали женщин племени Арикара. Трудо даже возмущался по поводу того, что кто-то осмелился приравнять Арикаров по красоте

к черкесам: «Это насмешка или злая ирония, когда кто-то из путешественников называет Арикаров настоящим Миссурийскими черкесами. Или же надо сделать вывод, что черкесы непоправимо деградировали». Самые ранние портреты женщин этого племени были сделаны летом 1832 года художником Джорджем Кэтлином и находятся в коллекции Смитсоновского Института. К сожалению, по живописи Кэтлина нельзя судить о красоте моделей; этот художник никогда не был хорошим портретистом.

«В дополнение к этому вопросу надо сказать и следующее: сама деревня Арикаров (с жителями или заброшенная) производит отталкивающее впечатление. Пространство между домами редко бывает чистым, повсюду набросаны гниющие останки животных и растений, в результате чего в тёплое время года вспыхивают эпидемии дизентерии, активно проявляются язвы и прочие заболевания. Попытки европейских купцов исправить это положение не приводят к положительным результатам. Индейцы воспринимают всякое желание помочь им как грубое вторжение в их личную жизнь и оскорбление, что лишь ухудшает обстановку» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Письменные свидетельства и рисунки Кэтлина и Бодмера позволяют составить достаточно точное представление о костюмах Арикаров, хотя основное внимание путешественники уделяли, конечно, церемониальным одеждам, а не бытовым нарядам. От Ла Верендри стало известно, что мужчины укрывали себя в основном бизоньими накидками, иногда иными шкурами. Под этими покрывалами на теле были «туники» из кожи оленя или горного барана и кожаные набедренные повязки. В зимний период они носили на ногах высокие, обтягивающие икры мокасины и меховые варежки на руках. Торжественные одежды всегда ярко расшивались крашеными иглами дикобраза. На рисунках и картинах Кэтлина и Бодмера женщины наряжены в платья, сшитые из двух оленьих шкур, укрываю-

щие тела от шеи до самых ног. Ла Верендри же сообщал, что женщины носили только короткие юбки. Но большинство более поздних сведений описывают длинные женские платья.

Многие годы основной груз в установлении отношений между белыми людьми и Арикарами лежал на плечах торговцев, и основная доля пришлась на Мануэля Лайзу, назначенного в августе 1814 года младшим агентом по делам индейцев на верхнем Миссури. Торговля развивалась медленно. То и дело поступали сообщения о грабежах со стороны Арикаров, приходили сведения и об убийствах. Несмотря на напряжённую обстановку, в сентябре 1822 года в их деревне остановилась группа купцов во главе с Джошуа Пилчером. Пилчер направлялся к Ножевой Реке. Он оставил в деревне Арикаров своего клерка и много товаров, а на обратном пути выяснил, что товары разворованы индейцами. Зимой Арикары убили и его клерка. В марте 1823 года Арикары совершили нападение на группу путешественников в двухстах милях от своей деревни и атаковали торговый пост.

Летом 1823 года генерал Эшли выступил из Сент-Луиса вверх по Миссури на лодках, гружённых всевозможными товарами. На борту находилось тридцать-сорок человек. Поначалу, несмотря на опасения Эшли, встреча прошла гладко. Два или три дня шли переговоры. Но в ночь на 2 июня индейцы застрелили одного из подчинённых Эшли. На рассвете Арикары начали активно обстреливать отдыхавших на берегу белых людей. Некоторое время члены экспедиции прятались за лошадьми, но вскоре были вынуждены побежать к лодкам. На их несчастье лоцманы ночью отплыли на середину реки, опасаясь коварства краснокожих, и не сразу приняли на борт попавших в переделку людей. Двенадцать человек из команды Эшли погибли (одна шестая часть отряда), и тринадцать получили ранения. Лодочники наотрез отказались плыть дальше мимо деревни Ари-

каров, и Эшли был вынужден вернуться обратно. Детали этого сражения изложены в работе Дэйла «The Ashley-Smith Expedition and the Discovery of a Central Route to the Pacific 1822—1829, 67—77» и в книге Читтендена «The American Fur Trade of the Far West».

После сообщения об этом правительство Соединённых Штатов снарядило экспедицию во главе с полковником Ливенвортом, чтобы наказать дикарей. К Ливенворту присоединился Джошуа Пилчер. Экспедиция состояла из 275 человек, включая представителей миссурийской пушной компании, которых созвал Пилчер. По пути к Ливенворту примкнули 750 всадников Титонов, сгоравших от желания задать хорошую трёпку ненавистным Арикарам. Титоны заметно вырвались вперёд и успели навоеваться со своими врагами до того, как 9 августа подошёл Ливенворт с солдатами.

Арикары укрепились в своей деревне и не выходили за частокол. Ливенворт не предпринял ни одной серьёзной атаки на них, предоставив всю работу артиллеристам. Но выпущенные снаряды не принесли ожидаемого результата, так как огромные землянки туземцев оказались на удивление крепкими. Когда же дикари предложили перемирие, Ливенворт с охотой пошёл на переговоры к огромному неудовольствию Пилчера, который мечтал серьёзно проучить Арикаров за их алчность и коварство. Переговоры начались 10-го июня и прервались 11-го, и на следующее утро солдаты предприняли атаку и захватили деревню. Однако тут же выяснилось, что ночью Арикары покинули свои жилища и скрылись. В деревне осталась только престарелая мать вождя. Солдаты подожгли всё, что могло гореть, и ушли. На том экспедиция Ливенворта завершилась.

Вот как рассказывал об этой кампании Эдвин Дениг.

«Добравшись до деревни, отряд приступил к приготовлениям. Из хлопковых тканей были нарезаны огромные полосы, чтобы перевязывать раны. Сю рассчитывали на то,

что произойдёт великое избиение их врагов. Индейцев Сю было около полутора тысяч человек, их возглавляли вожди и переводчики-полукровки. Огромную надежду они возлагали на огневую мощь артиллерии и жестокость солдат.

Тем временем Арикары укрепляли своё поселение, возводили баррикады. Дети и женщины спрятались в погреба под домами. Рано утром в день атаки вождь Арикаров поднял над своим жилищем флаг и разложил перед собой магический свёрток. Он зажёг трубку и стал просить сверхъестественные силы о вмешательстве в бой, чтобы они помогли Арикарам устоять перед превосходящими силами противника. Подступивший отряд Ливенворта начал обстреливать снарядами деревню, в результате чего вождь Арикаров был сражён, не закончив церемонию, его жилище уничтожено вместе с магическим свёртком. Белые люди приказали Сю отойти подальше и не вмешиваться до тех пор, пока Ри не начнут покидать деревню. Американские солдаты предприняли атаку вместе с горцами. Но враг не обнаружил своей линии фронта, точнее не было видно никакого боевого порядка, так как каждая семья обороняла свой собственный дом, откуда воины и вели огонь через проделанные для этого случая отверстия в стенах.

Как это произошло и почему, сказать невозможно, но тут сражение закончилось. Несколько солдат получили ранения во время атаки, и пришёл приказ отступить.

Горные охотники проявили явную разочарованность и испросили разрешения продолжить бой своими силами. Однако командир не разрешил никому продолжать стрельбу. Подчинённые ему офицеры чувствовали себя оскорблёнными, громко спорили и ругались, слушая брошенные в их адрес колкие замечания со стороны горцев.

В ночное время за деревней Арикаров следили только с одной стороны — там, где не было возможности убежать, а верхняя часть поселения была оставлена открытой для отступления Арикаров. Поутру дикари снялись с места и от-

правились в путь, никто их не преследовал. Экспедиция получила в качестве трофеев только мелкую каменную посуду, ложки из бычьего рога, много кукурузного порошка. Похоже, что командир американского отряда имел конкретные указания от военного министра и строго следовал им. Сю, однако, составили в результате такого сражения совершенно определённое мнение о способностях американской армии: они рассчитывали увидеть страшную огневую силу артиллерии и ярость солдат, в сравнении с чем их война, включая скальпирование и стрельбу из дряхлых старинных мушкетов, показалась бы детской игрой. Но ничего впечатляющего не произошло. Единственное, что запомнилось Сю, это громадные лоскуты порванной хлопчатобумажной материи, которая и стала символом того боя. Индейцы никак не могли понять, для чего было без всякой пользы испорчено огромное количество ткани. Очевидным для них было только одно — военный отряд белых прошагал полторы тысячи миль, чтобы беспощадно уничтожить Арикаров, но в действительности лишь сделал попытку атаковать их и отступил, дав врагам возможность беспрепятственно сбежать. В результате этой экспедиции все белые люди стали пользоваться самой низкой репутацией в глазах индейцев. Если бы Арикарам задали трёпку, разрушили их селение или захватили бы их в плен, Сю получили бы от этого прямую выгоду, а неприятности с Арикарами, родившиеся после этого боя, никогда не произошли бы».

Вклад Денига, как утверждал Юэрс, в историю кампании 1823 года против Арикаров заключается вовсе не в его описании этих событий, а в его интерпретации результатов — рождение презрительных чувств у Титонов по отношению к военной мощи американской армии, которые не изменились у них до того времени, покуда Титоны не получили от армии США первый страшный удар на Голубой Воде. Нельзя обойти стороной и то, что это сражение было единственной открытой схваткой Арикаров с американской ар-

мией. Как бы часто до и после этого случая они не нападали на белых людей, это были просто разбойные рейды. Бой с полковником Ливенвортом так и остался единственным случаем их противостояния официальным силам США.

«Ри, хоть и не сильно пострадали, были заметно испуганы случившимся. Их бегство не прекращалось до тех пор, пока они не достигли реки Платт в стране племени Поуни, от которых они, собственно, произошли. Там они обосновали новую деревню и приступили к своим обычным делам, изредка подвергаясь набегам со стороны Титонов (Опалённых Бёдер), лагерь которых обычно находился у истоков Белой Реки и L`eau qui court. Мы располагаем очень скупой информацией об их деятельности в то время. Но нет никаких сомнений, что их враждебность по отношению к белым людям не прекращалась. Никто из белых торговцев не появлялся у них в те годы. Арикары же, если им удавалось подкараулить купеческий караван, убивали людей или воровали имущество. Так продолжалось до 1832 года, когда их непрекращающаяся агрессия по отношению к белым и индейцам привела к тому, что их вновь согнали с места, и Арикары опять перебрались на Миссури. Во время их жизни на реке Платт они испытали на себе эпидемию оспы, в результате чего триста из них скончались» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Передвижения Арикаров в последующие девять лет после кампании Ливенворта никто не сумел проследить детально. В то же лето они уничтожили несколько отрядов трапперов неподалёку от деревни Манданов, зимой совершили ряд нападений на реке Платт. В июне 1832 года художник Джордж Кэтлин сделал серию рисунков деревни Арикаров на Миссури в «200 милях ниже по течению от Манданов», плывя на борту парохода «Йелоустон». На следующий год Максимильян видел их деревню и рассказал, что она была необитаемой уже в течение почти года. Он писал, что видел «две деревни на западном берегу, стоявшие очень близко

друг от друга, но разделённые небольшим ручьём». Они находились в считанных милях от устья Большой Реки (Grand River). Похоже, что это те же поселения, которые обнаружили экспедиции Льюиса-Кларка и отряд Ливенворта. Судя по всему, Арикары вернулись туда вскоре после путешествия Джорджа Кэтлина в 1832 году. Максимильян перечислил причины, подвигнувшие Арикаров к переселению в 1832 году: страх перед репрессиями американского правительства за их постоянные нападения на белых людей, потеря урожая в результате засухи, отсутствие больших стад бизонов поблизости. Однако современники, более знакомые с положением дел на Верхнем Миссури, основной причиной миграции Арикаров называют враждебность к ним Дакотов. Кое-какая переписка указывает на то, что купцы уже целый год с нетерпением ждали, когда беспокойное племя снимется, наконец, с места и уйдёт с Миссури (Chardon «Journal»). Капитан Форд, участник экспедиции полковника Генри Доджа, встретил небольшую группу Арикаров в июне 1835 года и отметил, что в то время у племени не имелось какой-то постоянной деревни, индейцы жили в кожаных палатках, охотились в основном на бизонов и другую дичь, а также питались корнями. Форд утверждал, что племя кочевало от реки Платт до самых гор. В 1836 году Вильям Фулкертон, помощник агента по делам Манданов, сообщил, что несколько семей Арикаров не покинули берега Миссури, но осели среди Манданов. Он слышал о планах Арикаров возвратиться на Миссури, но высказывал надежду, что этого всё-таки не произойдёт, так как «эта земля уже достаточно полита кровью, причиной чего является их жестокость».

«Вернувшись на Миссури, Арикары заняли свою деревню, которую некогда основали Манданы. Но в 1838 году оспа почти полностью уничтожила население Манданов. Оставшиеся в живых Манданы ушли оттуда и присоединились к соплеменникам в другой деревне. Несмотря на то, что болезнь ещё свирепствовала, когда появились Ри, они,

заразившись, потеряли лишь несколько детей. Зато теперь в их распоряжении были жилища и множество домашней утвари. Кроме того, самих Арикаров отныне насчитывалось гораздо больше, чем Манданов и Большебрюхих, вымерших от оспы. Оба этих племени, не желая соседствовать с Арикарами, переселились через некоторое время к L`ours qui danse (долина Танцующего Медведя)» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Долина Танцующего Медведя располагается с южной или западной сторон Миссури, напротив форта Бертхолд, где находится индейская деревня, которую совместно занимали после 1862 года Манданы, Хидатсы, Арикары. Шардон торговал с Хидатсами в L`ours qui danse в 1845 году. Арикары оставались в этой деревне Манданов до того времени, как был сожжён форт Кларк в 1861 год. Все три народа долгое время жили в полном согласии. Все они посвящали себя одним и тем же занятиям, владели примерно одинаковым количеством лошадей, так что у них не было особых причин для взаимной вражды, хотя Манданы и Большебрюхие, будучи лучшими воинами и превосходя Арикаров во многих иных аспектах, поглядывали снисходительно на Арикаров. И всё же сообщество трёх народов имело место, и люди одного племени женились на людях другого племени.

Подробности возвращения Арикаров на Миссури хорошо изложены в дневниках Шардона. Их можно свести к следующему: осенью 1836 года Арикары отправили две делегации из своего лагеря, находившегося якобы в Чёрных Холмах (Black Hills), чтобы выяснить отношение к ним Манданов, живших возле форта Кларк. Их делегации были приняты самым дружественным образом. Арикары перезимовали на Малой Миссури чуть северо-западнее Черепашьей Горы. 28 апреля 1837 года они прибыли в форт Кларк с 250 палатками. Манданы разместили большинство из них в своей деревне. Оставшиеся 20 палаток устроились среди Хидатсов (Denig «Gros Ventres»).

Манданы и Хидатсы устроили для них пиршество и пляски. В июле среди индейцев, живших вокруг форта Кларк, разразилась оспа. К осени погибло от оспы, согласно подсчётам Шардона, семь восьмых от всего племени Мандан и половина Арикаров. 21 сентября 1837 года остатки Манданов, опасаясь, что Арикары пойдут против них, объединившись с Дакотами, переселились на противоположный берег Миссури. Перезимовав к югу от форта Кларк, Арикары вернулись 20 марта 1838 года и заняли самую большую из деревень Манданов. 29 июня те немногие Манданы, которые оставались среди Арикаров, покинули их и уехали жить к Хидатсам, возмущённые и оскорблённые тем, что Арикары беспрестанно воровали у них женщин. Однако на следующий месяц Хидатсы перебрались вниз по реке в малую деревню Манданов, чтобы быть поближе к Арикарам на случай нападения Дакотов. Но к весне 1839 года Арикары рассорились с Хидатсами из-за убийства женщины из племени Хидатса. В результате этого Хидатсы (а с ними и Манданы) вновь отправились вверх по реке. Таким образом, через год после того, как Манданы и Хидатсы тепло приняли Арикаров на берегу Миссури, они разругались и превратились во врагов.

В сороковых годах (согласно Денигу) в деревне насчитывалось около 140 домов, в которых проживало в общей сложности шестьсот человек, две трети из которых составляли взрослые. Их население увеличивалось не слишком быстро, дети умирали чаще, чем в кочевых племенах, и связано это было прежде всего с ужасающим состоянием их бытия — в их тёмных жилищах всегда стоял ужасно спёртый воздух, из-за чего в период складирования зелёной кукурузы обычно возникала детская холера.

Дениг не скрывает своей антипатии к Арикарам: «Ри постоянно сидят дома, так как они знают, что не являются ни хорошими воинами, ни конокрадами. *Верх проявления их самолюбия в военном деле — раз в году* добраться до устья Жёл-

того Камня и *убить какую-нибудь женщину, отлучившуюся из индейской деревни, или зарубить нерадивого белого человека*. За последние годы несколько таких случаев было зафиксировано близ форта Юнион. Человек десять-двенадцать Арикаров обнаружили двух мужчин из Пушной Компании, ушедших на охоту. Приблизившись к одному из них, главарь индейского отряда протянул вперёд правую руку и улыбнулся в знак приветствия. Как только белый человек ответил рукопожатием, дикарь застрелил его левой рукой. Второй охотник убежал.

Томас Джефрис, хорошо знакомый Арикарам купец, както повстречал десять их воинов неподалёку от форта. Они побеседовали с ним, выкурили трубку, а затем застрелили в голову. Они рассказали об этом сородичам, естественно, называя себя героями, а позже история дошла и до белых людей. Только такими поступками Арикары и могли похвастать, других воинских подвигов они не совершали.

Некоторые Арикары присутствовали на подписании договора в форте Ларами в 1851 году. Там они увидели множество обозов с переселенцами и познакомились с военными подразделениями. Увиденное подсказало им, что день возмездия был близок, так что они решили вести себя благоразумнее. С тех пор они редко покидают свою деревню, если на то нет причин и если мясо можно раздобыть поблизости. Всю зиму они проводят в своих землянках, куря и развлекаясь азартными играми. Летом ловят рыбу.

В их деревне не увидишь парадов, не проходят там и торжественные пиршества воинских обществ, сопровождаемые плясками. Исключения составляют дни, когда Арикаров навещают Сю. Что касается женщин, то они много трудятся, может быть, значительно больше, чем женщины кочевых племён. Большая загруженность по хозяйству наряду с постоянными болезнями быстро подкашивает женщин Арикаров. Замужняя женщина тридцати лет не просто выглядит старой, она на самом деле старуха. Лошадей у Арика-

ров немного, собаки тоже водятся не в большом количестве, так что транспортными средствами эти индейцы особенно не могут похвастать. Зимой женщины переносят поклажи на спине, а летом груз возят по реке на каноэ.

О племенном управлении можно сказать мало. Арикары предпринимают попытки регулировать процесс общей охоты, но в основном каждый охотится самостоятельно. Имея большие запасы кукурузного зерна, Арикары не так сильно подвержены превратностям судьбы, как кочевые племена, хотя частенько им не хватает мясных продуктов. Оседлая жизнь научила их питаться экономно. Они не позволяют себе расточительства по отношению к мясу, свойственного кочевникам. Каждая семья обязательно выращивает зерно, а то мясо, что удаётся добыть в окрестностях поселения, индейцы хранят очень бережно.

Во главе этого народа нет мудрого вождя. Несколько человек примерно одного уровня, одной репутации пытаются управлять племенем. Но они не внедряют никаких обязательных правил для членов сообщества. Каждая семья в общем-то предоставлена сама себе. Они лишены боевого духа, и это накладывает свой отпечаток на их законы. Ни один мужчина не знает, как ему доказать, что он способен подняться выше своих соплеменников. Военные подвиги — единственная дорога, ведущая к положению вождя. Если таких заслуг нет, то дикарям совершенно непонятно, каким образом одному человеку возвыситься над другим. Поэтому они настолько деградировали. Индеец, чтобы быть полноценным индейцем, должен воевать. В противном случае юноши не знают, чем себя занять, у них нет устремлений, они лишены амбиций. Пользуясь репутацией храбреца, юноша и к девушкам подходит по-особенному, он завоёвывает их. Однако Арикары, не будучи доблестными вояками, ищут славы в обычном распутстве. У них нет выбора. Этот дух передаётся им от старшего поколения. Имея много времени, они посвящают его совращению чужих жён. Поскољ-

ку это является единственным развлечением мужчин, они настолько опускаются, что начинают драться и убивать свою родню. *Добродетель их женщин находится на самой низкой черте. Они продаются любому, кто об этом попросит.*

Если бы Арикары дали выход своим амбициям в военном деле, их развлечения потекли бы по совершенно другому руслу. Появились бы различия в положении. Большинство неприглядных сторон, о которых мы говорили здесь с осуждением, сменились бы похвальным духом соревнования» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

И всё же думаю, что Дениг чересчур категоричен в своей отрицательной оценке Арикаров как воинов. Тот факт, что это племя всего лишь один раз сражалось лицом к лицу против регулярной американской армии, не говорит о слабохарактерности этих туземцев. Племя Абсароков, например, вообще ни разу не вступило в открытый бой с Синими Мундирами, но никто никогда не называл их плохими бойцами.

Арикары, как и все племена верхнего Миссури, имели систему воинских обществ, и если бы уверение Денига в том, что это племя не умело драться, было бы верным, то само наличие воинских «клубов» было бы нелепостью. Тем не менее Арикары имели тринадцать таких воинских организаций. Правда, большинство из тринадцати обществ получили известность из-за своей религиозной практики, а не из-за военных действий, и лишь три из этих тринадцати организаций имели прямое военное предназначение.

В соответствии с традицией, верховным вождём Арикаров мог стать только человек из Покинутой Общины. Каждая из остальных девяти Общин имела одного главного вождя и трёх младших вождей. Все вместе они составляли большой племенной совет. Решение совета доводилось до сведения племени членами общества Чёрный Рот, подразделения (как сегодня принято говорить, филиалы) которого имелись в каждой Общине.

Согласно Кёртису, мужские общества Арикаров были следующие: Голенастые Вороны (общество подростков — название произошло, по всей видимости, от пляски этого общества, для которой молодые люди украшали свои голени перьями ворона), Глупые Собаки, Чёрные Рты, Быки, Прямые Головы, Молодые Псы, Чиппевы, Полумесяц, Вороны, Топотуны (название — от своеобразной манеры топать ногами во время танца), Пятнистые или Крапчатые (члены этого общества раскрашивали себя мелкими точками разных цветов), Разведённые Ноги (плясали с очень широко расставленными ногами), Перерезающие Горло.

Роберт Лоуи добавляет к этому списку ещё несколько названий: Танцоры Травы, Лисицы, Безумные Кони, Глупые Люди, Зазыватели Бизонов. Лоуи также указывает на наличие двух женских обществ: Речные Змеи и Гусиные Женщины. Из всех перечисленных организаций лишь Чёрные Рты, Полумесяцы и Чиппевы были настоящими военными обществами.

Чёрные Рты были сторожами деревни, то есть Акичитами (согласно терминологии Лакотов). Зимой бизоны легко убегали прочь, пугаясь не только людей, но даже далеко разносившегося треска ломающихся деревьев, поэтому индейцам следовало проявлять особую осторожность, дабы не спугнуть дичь. Чёрные Рты следили за тем, чтобы деревья рубились только в определённое время. Когда кто-то своевольничал после того, как оглашался запрет, Чёрные Рты колотили ослушника, и если тот терпеливо сносил наказание, то Чёрные Рты награждали его подарками, иногда даже дарили лошадей. Эта организация имела двух вожаков, которые были хранителями двух священных копий. Древко такого копья оборачивалось шкурой выдры и венчалось чучелом вороны. Среди прочих священных предметов Чёрных Ртов были две трубки и две погремушки, за каждую вещь отвечал конкретный человек.

Члены общества Полумесяцев выстригали с обеих сто-

рон головы волосы в форме полумесяца, а оставшаяся копна зачёсывалась посреди головы стоймя и длинными косичками спускалась на спину. Причёска обязательно дополнялась перьями совы и орла, причём орлиные стояли посередине. Члены общества носили нагрудные украшения из ракушек, густо нанизанных на несколько рядов шнурков. Священным оружием считались два копья, обёрнутые красной тканью вдоль древка и увешенные перьями лебедя, совы и вороны. Если хранитель такого копья во время боя втыкал это оружие в землю, то он не мог отступить ни на шаг до тех пор, покуда кто-либо из членов Полумесяца не вытащит копьё из земли и не позовёт хранителя за собой. В противном случае хранитель священного копья обязан погибнуть на месте.

Речные Змеи. На это женское общество возлагалась обязанность помогать мужским организациям. На голове они носили убор из сплетённых в косички трав, спереди украшенный лентой, расшитой бусами. Из ленты поднимались пять соломинок и орлиное перо. Женщины собирались на свои сходки с распущенными волосами и чаще всего носили платья из шкуры горного козла. Лица покрывали на праздниках алой краской от глаз до ушей, а от щёк до подбородка — жёлтой. Танец имитировал движения змеи.

Гусиные Женщины. Имели в качестве регалии гусиную шею с головой. Во время танцев женщины двигались боком. Каждая несла в руке связку шалфея, из которого торчал кукурузный початок. Зёрна этих початков предназначались для посадки на следующий год. В конце танца женщины клали початки на землю. Арикары утверждают, что Создатель наставлял их исполнять танец Гусиного Общества, чтобы земля не прекращала родить кукурузу.

В действительности об обществах Арикаров известно очень мало. Гораздо больше материалов рассказывают о деятельности так называемого Шаманского Братства (Medicine Fraternity), которое делилось на девять групп: Козлы, Черно-

хвостые Олени, Бизоны, Болотные Птицы, Главное Лекарство, Утки, Луна (или Совы), Мать-Ночь (или Молодые Собаки), Медведи.

Главная церемония Шаманского Братства начиналась с наступлением весенней поры цветения и продолжалось до осени, представляя собой череду многочисленных магических представлений. Каждая ночь отводилась для отдельного действа. Днём же члены общества устраивали парады и пляски вокруг ствола кедрового дерева, врытого в землю перед входом в церемониальный дом. Впрочем, разговор о Шаманском Братстве — это особая и очень трудная тема, и я не буду касаться её сейчас, чтобы не скатиться на банальное перечисление чудес, совершаемых индейскими шаманами.

Лесные степняки

«Племя Кри происходит от народа Чиппева, о чём свидетельствует схожесть их языков. Сами они называют себя Наи-ах-йах-ог, что в переводе с их языка означает „говорящие на одном языке“. Ассинибойны называют их Шай-е-йа, Сю называют их словом Шай-еа-ла. Остальные окрестные народы (Воронье Племя, Черноногие и Большебрюхие) зовут их почти так же, лишь с небольшой разницей в произношении — Шай-е-йа. Это слово означает приблизительно то же самое, что Наи-ах-йах-ог на языке Кри» (Denig «Five Indian Tribes»).

Здесь Дениг допускает очевидную неточность, так как Титоны называли племя Кри словом «шайела», то есть «говорящие на *чужом* языке», в то время как самоназвание Кри — «говорящие на *одном* языке», а это далеко не одно

и то же. Помимо этого, каждый из «говоривших на чужом языке» народов имел своё более конкретное обозначение, так как все племена сильно отличались друг от друга повадками и местами обитания. Так, например, в словаре Ригса указано, что Дакоты называли индейцев Кри (помимо «шайела») словом «мастинча», перевод которого остаётся неизвестен. В книге «Кровавый Народ» подчёркивается, что Черноногие употребляли по отношению к восточным Кри длинное название — Люди-С-Нижнего-Течения-Реки. Согласно утверждениям Верна Дасенберри (автора грандиозного труда по духовной жизни Кри), слово «книстено» в переводе с языка Чиппевов означает «больше одного». Так что любителям докопаться до истины остаётся лишь самостоятельно поработать с языковедческой литературой, дабы получить исчерпывающий ответ на интересующий вопрос.

Принц Максимильян писал: «Кри мало отличаются внешне от Ассинибойнов; они сильны и крепки на вид, с прямыми волосами, ниспадающими на плечи, и ровно остриженной над глазами чёлкой. У одного мужчины мы видели такую длинную чёлку, что она достигала его верхней губы. Некоторые стягивают свои волосы в несколько хвостов. Многие индейцы носят кожаные шапочки, утыканные перьями, а у одного мы видели целый хвост тетерева. Свои лица Кри раскрашивают в красный цвет или чёрными полосками. Одежда подобна костюмам Ассинибойнов. Некоторые из них носят длинные волчьи шкуры на плечах, голова убитого животного покоится на груди воина, а хвост зверя волочится сзади по земле. Их штанины обрамляются длинной бахромой. Говорят, мужчины Кри часто делают татуировку... Кри живут на той же территории, что и Ассинибойны, то есть между реками Саскачеван, Ассинибойн и Миссури. Они бродят небольшими отрядами, весьма бедны, имеют множество собак, которые перевозят их поклажу, но очень мало лошадей. Как и Ассинибойны, они живут в кожаных палатках, следуют за стадами бизо-

нов...»

Одним словом, перед нами классический облик равнинного индейца.

В прошлом они занимали гораздо более северные районы, чем их нынешнее местоположение. Они жили вдоль Больших Медвежьих Озёр, Дождливого и Невольничьего озёр, растягивая поселения почти до Гудзонова Залива, но никогда не жили на его берегах. Чиппевы в то время обитали ближе к Верхнему и Лесному озёрам, иногда обосновывались даже гораздо южнее — на озере Мичиган и в Собачьей Прерии. Ничего не известно о времени, когда Кри и Чиппевы разделились на самостоятельные группы. Вероятно, это случилось слишком давно и произошло из-за кровной вражды, что часто бывает у народов с примитивной формой правления. Может быть, часть племени перебралась на север, привлечённая более богатыми охотничьими угодьями. Но что бы ни лежало в основе их раскола, сегодня об этом не помнит никто. Да и какой толк от столь глубокого знания истории? Ни дичи, ни крова от этого не прибавлялось.

Туземец всегда помнил только свою собственную жизнь, и только её детали, наполнявшие память с младенчества, были важны по-настоящему. Когда ребёнка кормили, несли купаться, держали на руках, подвешивали на его люльку связки амулетов, прокалывали уши — всё это передавалось ему руками, держащими его, голосами, звучащими вокруг. Когда ребёнка несли по деревне или перевозили на новое место стоянки — это было огромным событием для него. Когда он делал первые самостоятельные шаги босыми ногами, а затем бродил по проторенным тропинкам уже в мягкой кожаной обувке — из этого складывалась его память. Когда возводилась новая палатка, когда разделывался труп убитого врага, когда на это реагировали окружающие, когда происходило что-либо, посылавшее сигналы в мозг ребёнку, он запоминал это. Но по мере взросления все эти события

становились всё более и более привычными. Переезд племени с места на место переставал удивлять, шумные пляски вокруг костра приобретали характер определённого знака, на который психика отвечала наработанным рефлексом. Из ряда выходящие события происходили раз или два за всю жизнь. Так кто же мог помнить что-либо о жизни дедов и тем более прадедов? Индейцы не знали книг, знания не хранились на многоярусных полках. Их историю стали складывать белые пришельцы.

После долгих кровавых войн с северными народами Кри пришлось отступить немного на юг. К 1760 году они обосновались на берегах рек Саскачеван и Красная и в окрестностях озера Виннипег. К ним присоединились Ассинибойны, однако к 1800 году большинство Ассинибойнов переселилось на реки Миссури и Жёлтый Камень. «Теперь среди Ассинибойнов живёт так много Оджибвеев и Кри, что почти все они понимают язык Оджибвеев, хотя сами говорят на совсем другом диалекте» (Narrative of the Captivity of John Tanner). Равнинные Кри были одной из ветвей многочисленных лесных Кри, живших между Верхним Озером и Гудзоновым Заливом. Обеспечив себя к 1690 году английскими ружьями через Компанию Гудзонова Залива, Кри принялись снабжать огнестрельным оружием Ассинибойнов. В результате этого оба племени получили возможность активно продвигаться на запад и обосновались на равнинах. Ла Верендри рассказывал о прерийных Кри в 1730 году, и это — первое упоминание о Кри, встретившихся на равнинах к югу от реки Саскачеван. Кри и Ассинибойны продолжали двигаться на запад и юг и, несмотря на враждебное отношение к ним Титонов и Черноногих, они добрались до долины реки Миссури к 1800 году.

«С восточной стороны от Кри обитают Чиппевы, с южной и юго-восточной — Титоны, с юго-западной — Ассинибойны, с западной и северо-западной — Черноногие и прерийные Большебрюхие. С Ассинибойнами и Чиппевами Кри

долгие годы поддерживают мирные отношения, но с остальными упомянутыми племенами вели непрекращающиеся войны. В момент первого упоминания миссионерами об индейцах Кри это племя уже находилось в военном противостоянии с Титонами. За вторжением Кри в зону равнин последовала война против Черноногих, которая завершилась только с исчезновением бизонов. Последнее крупномасштабное сражение Кри и Черноногих произошло близ современного Летбриджа в провинции Алберта в 1870 году. В этом бою Черноногие сильно потрепали Кри, убив более двухсот воинов» (Ewers «The Blackfeet»).

«До эпидемии оспы в 1776—1877 годах Кри насчитывали примерно 800 палаток, половина их обитателей скончалась от оспы. С тех пор население медленно прибавлялось в основном за счёт тех групп, которые оказались в стороне от эпидемии. На 1855 год общее их число 1000—1100 палаток, что составляет (если в каждой не менее 4-х человек) от четырёх до пяти тысяч человек. Все они, как и остальные племена северо-западных земель, поделены на кланы, каждый из которых занимает свою территорию, пригодную для охоты. Имена общин и их численность приводятся ниже:

Чо-Каб, то есть Открытые Глаза. Название происходит от имени вождя. В общине 100 палаток. Проживают они по соседству с озером Lac Qu`Appelle. Они делают палатки из кожи, занимаются охотой и продают шкуры в торговых постах Компании Гудзонова Залива. (Похоже, что здесь Дениг имеет в виду группу Катепоии-виинук, общинц с Говорящей Реки. Позже эти индейцы назывались по имени других вождей — группой Громкого Голоса и группой Лисы. В 1913 году Кри сообщили Скиннеру, что эта община была наиболее важной среди равнинных Кри. Остатки этой группы теперь проживают в резервации Изогнутого Озера в провинции Саскачеван.)

Пайе-Сие-Кан, то есть Раздетые. У них от сорока до пятидесяти палаток. Они кочуют и охотятся неподалёку от Го-

ры Сухого Дерева. Их палатки покрыты шкурами. Индейцы торгуют там же, где и предыдущая группа.

Пис-Ча-Кау-А-Кис, то есть Сороки. Насчитывают 30—40 палаток. Стоят возле Горы Сухого Дерева, живут в деревянных хижинах, покрытых землёй. Выращивают значительное количество кукурузы и картофеля, охотятся на бизонов в зимнее время. Получают товары в английских постах.

Кии-Ас-Ку-Сис, то есть Маленькие Чайки. Живут возле четвёртого озера за Говорящей Рекой. Их палатки сделаны из шкур. Община была многочисленна, но население заметно сократилось в результате войн против Черноногих. Эта община находилась ближе остальных к могущественным и воинственным врагам. Сегодня они насчитывают не более сорока семей: Вик-Ю-Вам-Кам-Мус-Най-Ка-Тах, Раскрашенная Палатка, Мус-Куой-Кан-Ке-Нут, Пускающий-Стрелы-В-Медведя, Ах-Пис-Те-Кай-Хе, Маленький Орёл, Мус-Куой-Кау-Е-Пах-Виит, Стоящий Медведь.

Указанные имена принадлежат вождям, возглавлявшим маленькие группы. Все они обитают поблизости друг от друга неподалёку от Прерийного Форта (Fort de Prarie) и торгуют в этом же форте. Все эти группы насчитывают всего 130—140 палаток, сделанных из кожи.

Община Ма-Тай-Тай-Ке-Ок, то есть Несколько Орлов. Вождь, носящий это имя, известен среди купцов также под кличкой Le Sonnant. В общине около 300 палаток. Индейцы путешествуют по территории вдоль Лесистых Гор, иногда торгуют на Миссури, но чаще в пунктах Компании Гудзонова Залива.

Община Ше-Мау-Кау, то есть Копьё. Они охотятся в Остроконечных Горах (Prickly Pear Mountains), иногда появляются на берегах Миссури, чтобы продать шкуры. Но чаще предпочитают вести торговлю с английскими купцами в своей стране. Сегодня это одно из самых крупных подразделений племени — 350 кожаных палаток, в которых живёт много мужчин.

Ещё несколько мелких групп встречаются зимой на западе Лесных Гор. Обычно их возглавляют такие уважаемые воины как Красная Лиса, Железный Ребёнок, Мус-Кеган и другие. Эти индейцы торгуют на Миссури в основном бизоньими шкурами, а более ценную пушнину, а также волчий мех и сушёное мясо привозят купцам Гудзонова Залива, которые больше платят за такой товар.

Помимо упомянутых групп, существует около двухсот палаток, которые не организованы ни в какие отряды, а живут порознь вдоль берегов Lac de l`Isle Croix, где они занимаются охотой на оленей и болотных лосей и рыболовством. Они строят палатки из шкур в летнее время, а на зиму устраивают для себя жилища из коры. Иногда можно наткнуться сразу на несколько таких зимних домиков в одном месте. Эти Кри считаются наибеднейшими.

Из всего, что известно о Кри, ясно, что этим народом никогда не правил ни один великий вождь. Они чаще других разбивались на мелкие отряды и жили стойбищами по двадцать или тридцать палаток, где собирались ближайшие родственники. Это, видимо, и есть причина, по которой они так и не научились жить совместно с крупными деревнями других племён» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Дэвид Манделблаум (автор книги «Равнинные Кри») сообщает, что к концу девятнадцатого столетия Кри раздробились на восемь самостоятельных племён: Люди Зовущей Реки, Люди Заячьей Шкуры, Люди Лесных Гор, Люди Из Домов, Ивовые Люди, Речные Люди, Люди Верхнего Течения (они же Люди-С-Гор-Бобра) и, наконец, последняя группа — Кри-Ассинибойны (вполне очевидно, что она появилась в результате слияния каких-то общин Ассинибойнов и Кри в одно целое). Из них Кри-Ассинибойны углубились в степи гораздо дальше своих собратьев. Сородичи иногда называют их Прерийным Народом (Паскуа Уииниуак). В войне 1885 года Речные Люди и Кри-Ассинибойны от-

крыто присоединились к Метисам...

Некоторое время Кри получали европейские товары через посредство других индейцев, но монополия индейских посредников в конце концов рухнула усилиями двух французов, Радисона и Гроселье, однако выгоду от этого получили англичане (точнее, губернатор и компания английских предпринимателей, торгующая в Гудзоновом Заливе). В 1668 году, то есть за два года до того, как Компания Гудзонова Залива получила привилегии от короны, Гросселье приплыл в самую южную часть Гудзонова залива, чтобы основать в заливе Джеймс форт Чарлз. Другие фактории и форты были вскоре построены на южных берегах Гудзонова залива для торговли с Кри.

Так что первые европейцы, которых повстречали Кри, были английские купцы, жаждавшие начать торговлю с дикарями. Они заключили договор. Белые люди намечали возвести торговые посты по всей земле Кри. Индейцы получили плату за то, что позволили установить несколько укреплений на своей территории. До сих пор англичане выплачивают за это деньги и будут платить их до тех пор, пока существует Компания Гудзонова Залива. Появление постов Компании Гудзонова Залива в 1670 году открыло торговлю Кри с англичанами. Эти фактории и форты работали круглый год. Весь штат состоял из управляющего и двух-трёх наёмных рабочих, завербованных на Британских островах. Один раз в году судно из Англии доставляло им всё необходимое. За полтора столетия Кри основательно привыкли торговать с англичанами прежде, чем Американская Пушная Компания построила форт Юнион в устье Жёлтого Камня на Миссури и стала переманивать Кри. Художник Джордж Кэтлин утверждал, что приходившие в 1832 году в форт Юнион Кри насчитывали не менее трёх тысяч человек.

Соседствование близ форта с враждебными племенами редко обходилось без неприятностей.

«Прошло лишь несколько недель с момента прибытия к форту Юнион отряда Книстеню с севера. Они намеревались заняться бартером. В то время возле стен крепости уже стояли палатки Черноногих, их закоренелых врагов, тоже приехавших ради товарообмена. Племена расположились с противоположных сторон форта и провели так несколько недель, ничем не омрачая своего пребывания. Впрочем, иначе не могло быть, ведь согласно правилам форта, оружие приехавших индейцев обязательно отбиралось, и Мак-Кензи запирал его на замок, чтобы избежать возможных недоразумений между враждебными дикарями. Книстеню завершили свою торговлю и бродили без дела вокруг форта до тех пор, пока индейцам и белым в равной степени не наскучило общество друг друга. Аборигены стали собираться в дорогу, упаковали вещи, получили от Мак-Кензи своё оружие и отправились в путь. Покуда Книстеню удалялись от форта, один из них каким-то образом незаметно пробрался назад и направил своё ружьё на кого-то из вождей Черноногих, беседовавшего с Мак-Кензи. Он успел хорошо прицелиться и выстрелил дважды. Пули попали прямо в грудь! Черноногий свалился и стал кататься по земле в агонии. Его люди, находившиеся в крепости, похватали своё оружие, толпой выбежали из форта и погнались за убийцей. Племя Книстеню поспешно уходило к горам. Французы, разгневанные столь подлым и трусливым поведением Книстеню, тоже взялись за оружие и помчались следом за скрывшимися дикарями. Я поспешил в мою комнату на одном из бастионов и стал жадно всматриваться в даль, чтобы получше разглядеть происходящее. Прозвучало много выстрелов с обеих сторон. Битва продолжалась в течение почти часа. Но враги находились на большом расстоянии друг от друга и практически не причиняли никому вреда. Книстеню отступили за горы, потеряв одного человека убитым и нескольких ранеными» (Catlin «Notes and Letters»).

Этот частный случай мог бы дать некоторое представле-

ние о поведении Кри и объяснил бы некоторым образом, почему многие относились к этому племени с предубеждением, если бы остальные индейцы не вели себя подобным же образом и не подстреливали своих противников исподтишка.

Примерно около 1700 года англичане начали развивать торговлю с Чиппевами, и Кри от случая к случаю выступали в роли посредников. Однако те же Кри частенько совершали разбойные нападения на Чиппевов, когда те везли сбывать свои меха. В 1717 году компания построила деревянный форт вблизи устья реки Чёрчиль для того, чтобы Чиппевы могли привозить туда меха, не опасаясь грабежей со стороны Кри. В течение почти ста лет после своего основания Компания Гудзонова Залива проводила политику привлечения индейцев, живших во внутренних районах, в прибрежные форты для сбыта мехов. Но в последнюю четверть XVIII века она была вынуждена открыть торговые посты и во внутренних районах. Это было сделано во избежание конкуренции между монреальских торговцами и предприимчивыми французскими и шотландскими канадцами, которые проникали внутрь страны на лодках и забирали в свои руки торговлю с Кри и Чиппевами.

Кри, жившие к югу и к западу от низменности вдоль Гудзонова залива, особенно пострадали от столкновения «свободных торговцев» с Компанией Гудзонова Залива. Интенсивная конкуренция между этими соперниками привела к спаиванию ромом этих групп Кри, а в некоторых районах — к полному истреблению бобров.

Кри ревностно оберегали свои связи с белыми купцами и всячески старались оградить своих врагов от контакта с белыми людьми, чтобы лишить их возможности получать ружья. Кри прилагали все усилия, чтобы рассеивать врагов в зимнее время, разделять их на крохотные группы, состоящие из нескольких семей, и расстреливать их из ружей, как настоящую дичь. Такой вид военных действий оказался для

Кри весьма успешным: они смогли захватить новые земли, богатые бобром, и большие запасы уже выделанных шкур, пригодные для обмена на европейские товары в торговых постах белых людей, особенно на столь желанное огнестрельное оружие. Помимо прочего, Кри брали в плен женщин и детей, что увеличивало численность их племени. Пожалуй, это было принято у всех индейцев без исключения.

Во времена Мак-Кензи (1789—1793) эта война была почти завершена, и Кри даже отступили из района верхнего течения реки Чёрчиль, и эти земли перестали быть местом встречи странствующих Кри, часть из которых имела привычку регулярно собираться там, приходя с Бобровой Реки, которую они изучили вдоль и поперёк за годы войны и во время охотничьих походов. Вот что Мак-Кензи рассказывал о продвижении Кри вглубь континента в бытность пушной торговли: «Весенние дни были полны радостных встреч, и дикари занимали себя пиршествами, плясками и прочим времяпровождением, прерываясь иногда для жертвоприношений и религиозных отправлений… Но время веселья никогда не длилось много. Наступал момент приготовлений для путешествия к реке Чёрчиль, чтобы заняться обменом пушнины на европейские товары, ставшими для них предметами необходимости. Быстротечность сезона и продолжительность пути требовали быстрого выступления наиболее активных мужчин, самых молодых женщин и лишь некоторых детей. Ими руководили несколько вождей… Возле фактории Чёрчиль индейцы оставались не дольше, чем им требовалось для удовлетворения своих торговых потребностей. После завершения бартера они позволяли себе задержаться на день или два, чтобы ублажить себя спиртными напитками. В то же время часть спиртного бережно упаковывалась, приготовленная для соплеменников и для того, чтобы весело отметить успешное возвращение».

Мак-Кензи рассказывал и о том, какие страхи Кри вну-

шали племенам, не владевшим огнестрельным оружием. Путешествуя по Реке Мак-Кензи через страну Атабасков в 1789 году, он как-то приметил высокую гору и взобрался на неё, подстёгиваемый любопытством. Оказавшись на вершине, он «очень удивился, обнаружив там целое поселение. Индейцы сообщили мне, что у племён, не имеющих ружей, вошло в привычку селиться на возвышенных местах, что делало их менее доступными для врагов, особенно для Книстеню (Кри), которых они постоянно опасались».

Едва к племени Кри примкнули Ассинибойны, образовался мощный военный союз. Полностью исчерпав ресурсы бобров на родных землях, Кри-Ассинибойны направили свои стопы в неизведанные районы, причём Ассинибойны продвигались в основном по южной части фронта, а Кри — по северной. Так в конце семнадцатого и самом начале восемнадцатого веков союзники вторглись в зону Красной Реки и Озера Виннипег, после чего двинулись на запад вдоль рек Ассинибойн и Саскачеван. В ту пору коренными жителями северо-восточных прерий были пешие племена, не знавшие огнестрельного оружия, например, Шайены. Они были изгнаны со своих родных мест мощными и хорошо вооружёнными отрядами враждебно настроенных Кри, которые без всякой жалости принялись эксплуатировать захваченные земли так же, как они делали это на прежней своей территории. Согнанные аборигены пошли дальше на запад и на юг. Захватчики Кри-Ассинибойны не последовали за ними, поскольку более удалённые земли были значительно беднее (имеются в виду бобры). В этой связи Кри и Ассинибойны продолжали идти на запад, держась севернее настоящих равнин и оккупируя целый пояс между равнинами и северными лесами до самых Скалистых Гор.

Позже они развязали войну против Черноногих, о чём ясно говорил Генри в 1809 году: «Кри всегда проявляли агрессию по отношению к Черноногим...»

Сегодня племя Кри являет собой наиболее яркий пример

того, как лесной народ чуть ли не в одночасье превратился в равнинную нацию. До переселения на равнины они были типичными представителями культуры северных Алгонкинов. Впервые они упоминаются в «Реляции Иезуитов» за 1640 год. А в начале 1770 годов они уже приступили к степной бизоньей охоте, хотя лошадьми ещё не обзавелись. За одно поколение Кри полностью сменили свой уклад, их обычаи и нравы утеряли всякое сходство с традицией лесных Кри.

Но обратим теперь наше внимание на родовые группы. Каждая из упомянутых ранее общин имела своего вождя. Единого вождя для всей нации не существовало. Группы жили в разных местах, у каждой выработались особые правила охоты, торговли и перекочёвки. Каждый отряд самостоятелен в смысле домостроя. Но всё же случалось, что Кри собирались огромным числом, и тогда присутствовали почти все группы, входившие в единую нацию. В первую очередь это происходило, когда намечались крупномасштабные военные походы.

«Если бы такая сходка произошла сейчас, вне всякого сомнения вождь Копьё занял бы место главы совета, так как он обладал могуществом шамана и славой великого воина. Он часто водил воинов в походы и возвращался с победой, что всегда вдохновляло людей. Сегодня ему исполнилось шестьдесят лет. Он управляет своей общиной мудро и до сих пор водит военные отряды, хотя в таком возрасте вожди обычно передают это право молодому человеку. Он также зарекомендовал себя в лучшем свете, заключив в разные времена несколько мирных соглашений с общинами Черноногих, хотя ни одно из них не продолжалось достаточно долго, что, впрочем, относится ко всем межплеменным договорам.

Открытые Глаза (Чо Каб) — тоже вождь, пользующийся известностью среди Кри, хотя он и не столь прославленный воин, как Копьё. Зато он особенно хорошо проявил себя

в делах торговли, перекочёвок и охоты. Его община, живя большую часть времени близ Говорящей Реки, часто подвергается нападениям врагов. И всё же его первейшей обязанностью было бдеть за благосостоянием племени, за правильностью ведения охоты, а также — быть во главе, когда племя отправляется торговать, дабы самым выгодным образом заключить сделку.

Третьим по авторитету является Le Sonnant. Он был величайшим воином Кри, но и ужасным тираном. Поддерживаемый многочисленной роднёй, а также благодаря заработанной славе шамана, он поставил себя в положение человека, которого опасались очень многие соплеменники и последователи. Даже сегодня, будучи очень старым, он принимает участие в советах, и к нему прислушиваются. Его обязательно пригласят на встречу, если разговор зайдёт о продаже племенной земли. Он надёжный друг англичан и бдительно следит за всеми отношениями с американцами, пытается отгородить своё племя от торговых сделок на Миссури и сам никогда не появляется там для торговли, разве что для попрошайничества. Его боевые дни давно ушли в прошлое, но он пользуется заслуженным авторитетом советника“ (Denig „Five Indian Tribes of the Upper Missouri“). Принц Максимильян встретил „выдающегося шамана Махсет-Куйнаб (Le Sonnant)» осенью 1833 года.

Среди Кри очень много воинов и боевых вожаков, отличившихся в сражениях. Дениг выделяет некоторых из них: «Наиболее значительное положение среди Кри занимает Красная Лиса (Ма Кай Ах Шис), он пользуется большим уважением. Железный Ребёнок, Красивая Нога, Глаза-На-Каждой-Стороне — это всё племенные солдаты-полицейские и младшие вожди, которым позволено водить отряды в поход в отсутствие воинов более высокого ранга».

Последний из упомянутых был членом делегации индейцев в Вашингтон (в числе Ассинибойнов и других ту-

земцев, которых пригласили по указанию президента Джексона). Похоже, что президент хотел произвести сильное впечатление на дикарей, показать, насколько далеко простирается власть правительства, как оно может вознаграждать дружественные народы и наказывать враждебные. Проведя с индейцами переговоры, президент отправил их обратно, наградив почётными подарками. Кри по имени Глаза-На-Каждой-Стороне помнил о печальной судьбе Ассинибойна по имени Свет, которому никто из соплеменников не поверил, поэтому Глаза-На-Каждой-Стороне принялся плести всяческую чепуху об американцах, дабы угодить сородичам, утверждая, что американцы представляли собой жалкую горстку людей, не достойных уважения. Этот индеец сумел оставить о себе добрую память среди сородичей, считался очень разумным, но белые купцы презирали его. Джордж Кэтлин нарисовал портрет этого индейца, обозначив его под именем Сломанная Рука (как он был больше известен среди белых). Кэтлин встретил его в 1831 году в Сент-Луисе, когда дикарь направлялся в Вашингтон в той же делегации что и Свет. Максимильян видел индейца в форте Юнион через год после его возвращения из столицы. Абориген «носил на шее медаль с изображением президента». В книге Твэйта «Early Western Travels» говорится, что Ларпентер торговал шкурами в стойбище Сломанной Руки — известного вождя Кри, посетившего Вашингтон. Дениг был невысокого мнения о Глазах-На-Каждой-Стороне, что вполне может основываться на том, что этот дикарь не осмелился быть честным, а Свет (Ассинибойн) оставался верен истине, что привело его к гибели от руки соплеменника. Не следует забывать и о том, что Свет доводился братом жене Денига, и это не могло не отразиться на его отношении к произошедшим событиям (Ewers «When the Light Shone in Washington»).

Дениг настаивает на том, что вскоре после того, как Кри

обосновались в известных нам местах, среди них началась в 1776—77 годах эпидемия оспы. Об этой эпидемии, унесшей жизни 1200 человек, до сих пор помнят некоторые старики. Число палаток сократилось с 800 до 400, да и эти были не очень густо заселены. Однако сведения Денига, касающиеся давних событий, отличаются неточностью. Эпидемия оспы, прокатившаяся по племенам равнинных Кри, была в 1781—1782 годах. Оспа пришла от белых людей к Дакотам и Чиппевам, затем перебросилась на племена, жившие западнее на равнинах.

Сегодня неподалёку от устья реки Ассинибойн можно увидеть курган высотой почти в двадцать футов, где захоронен чуть ли не весь лагерь из 230 палаток, жители которого скончались от упомянутой заразы. Аборигены с ужасом смотрят на этот курган. 19 августа 1822 года Александр Генри видел множество захоронений в устье реки Ассинибойн и отметил, что «это место служило прибежищем многим индейцам в 1784—1812 годах, а эпидемия оказалась столь опустошающей, что многие сотни мужчин, женщин и детей так и остались там». Крис Викерс из Балдура сообщил издателю, что сейчас это место находится в сердце города Виннипег. Северный берег реки, где было обнаружено индейское кладбище, гораздо выше южного берега и поэтому кажется похожим на курган.

Курганы не перестают притягивать к себе внимание учёного люда, задавая тысячи загадок, многие из которых так и остались неразгаданными. Принято считать, что часть курганов на территории Кри была насыпана после эпидемии оспы 1776 года, то есть относительно недавно.

«Под слоем земли лежат сотни человеческих останков. Кое-кто высказывает мнение, что каждый из могильных холмов состоит из отдельных захоронений, устроенных поблизости друг от друга, а затем уже и поверх друг друга, в результате чего образовались большие курганы. До сих пор живы люди, участвовавшие в том строительстве, хороня

своих друзей и родственников» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Дениг говорил о людях второй половины 19-го века, поэтому, естественно, не имел в виду курганы более древних времён, которые, вероятнее всего, послужили примерами подобных могильников, корни которых уходят в Аденовскую культуру. Название Аденовской культуры пришло от местечка Адена близ Чиллокота в штате Охайо. Курганные захоронения являются сердцем этой культуры, хотя в большом количестве встречаются также в штатах Кентакки, Теннесси и Вирджиния.

Курганы возводились аккуратно, очень симметрично, их содержимое указывает на то, что люди с огромным вниманием относились к церемониям захоронения. Более мелкие курганы показывают, что культ таких захоронений начался с помещения умершего в крохотный домик, который потом присыпался землёй. На более поздних этапах культа прослеживается сооружение мавзолея в центре кургана, где хоронились вожди или короли. Там оставлялись глиняные кремационные платформы и урны. Вдоль реки Канауа (Kanawha River) находится около пятидесяти курганов и дюжина строений, похожих на крепости с земляными стенами; площадь некоторых достигает тридцати акров.

В одном из курганов обнаружен скелет человека, череп которого украшен остатками медного головного убора. Земля на добрых шестнадцать футов вокруг покойника обложена корой вяза и усыпана белым пеплом. Второй слой коры покрывал само тело. Вокруг вождя были уложены (ногами к центру) тела мужчин. Они были полностью обёрнуты в кору вяза. Те, что лежали с восточной стороны, держали в руках каменные наконечники копий, те, что с северной стороны — каменные наконечники дротиков и речные раковины. Пять скелетов с западной стороны ничего не имели при себе. Самый крупный наконечник был уложен возле вождя, то есть в центре круга. В другом кургане тело вождя лежало

в деревянной избушке. У этого человека на каждом запястье было по шесть тяжёлых медных браслетов. Медная бляха покоилась на его груди. На голове были бусы. Возле каждой руки лежало по три каменных наконечника для копий, они выглядели совершенно новыми.

Некоторые могильные холмы бывают сложены из камня, и о таких никто не может сказать наверняка, почему их возводили. Сами индейцы уже не помнят этого, настолько давно это началось. Одни считают, что в них лежат останки тех, кто погиб в боях, проходивших на местах захоронений. Другие объясняют их существование давним обычаем индейцев собирать кости умерших родичей в определённом месте, где бы они ни были захоронены первоначально. Третьи полагают, что это общие могилы возле поселений. Но наверняка не знает никто. У некоторых племён существовал обычай хоронить возле нового поселения первого своего покойника в вертикальном положении. Его обкладывали землёй так, чтобы она закрывала его и поддерживала. Следующего покойника прислоняли к первому, прорыв к нему узкий проход; затем снова обкладывали землёй и так далее. Среди индейцев такие курганы пользуются печальной славой.

Племя Кри, пожалуй, было единственным равнинным народом, кто возводил курганы, и это, надо полагать, связано с тем, что Кри имели наиболее устойчивые связи со своими лесными родственниками, от которых им передались знания о возведении насыпей над массовыми захоронениями. Если бы Кри не возводили время от времени могильных холмов, то их погребения можно было бы приравнять к типичным высоким помостам на четырёх шестах, характерным для всех племён Верхнего Миссури. Но иногда они насыпали курганы.

«Во время второй эпидемии оспы 1838 года было устроено несколько других захоронений такого же типа, но размерами они получились гораздо меньше, благодаря тому,

что число жертв было меньше… Обычно индейцы не практиковали массовые погребения, но в случаях внезапного повального мора, как мы видим, такие могильники сооружались. При нормальных обстоятельствах редко можно увидеть более одной или двух могил вблизи от деревни, ведь племя беспрестанно кочует с места на место и не имеет постоянного кладбища. Даже возле крупных зимних стойбищ не насчитать более дюжины захоронений» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

И всё же основным способом захоронения равнинных Кри были традиционные помосты. Покойника наряжали в лучшие одежды. В поздний резервационный период умерших облачали в покупной цивильный костюм, а не в старинную индейскую одежду из кожи, зато молитвы читают до сих пор прежние. Друзья и родственники молятся, чтобы покойник отправлялся прямо на юг и не оборачивался, дабы не прихватить с собой кого-нибудь ещё.

«В былые времена покойника выносили через задний или боковой полог палатки, но никогда через дверь. Обычно Кри хоронили своих покойников на помостах. Колени мертвеца, хорошо укутанные в одеяла и шкуры, обязательно сгибали, поднимали покойника и придавали ему полусидячую позу. Позже Кри, согласно указаниям правительства США, стали хоронить умерших в земле. Они выкладывали могилу сучьями осины или пихты, чтобы оградить тело от почвы, только после этого опускали покойника в могилу. Рядом с телом оставляли табак и оружие. Затем захоронение заваливали камнями вровень с поверхностью земли. Шайены поступают почти так же, но оставляют над землёй небольшую насыпь из камней. Ассинибойны и Большебрюхие после распоряжения правительства стали уносить своих умерших высоко в горы, чтобы на опускать в землю, но позже и они пришли к погребению в гробах» (Verne Dusenberry «The Montana Cree: a Study in Religious Persistense»).

Поскольку традиционные захоронения кочевых племён

уже рассматривались в главе об Опалённых Бёдрах, я закрою данную тему, дабы не повторяться.

Результаты нашествия оспы, случившегося в 1838 году, оказались не столь губительными благодаря стараниям Компании Гудзонова Залива, так как за несколько лет до этого большинству туземцев были сделаны прививки. И всё же много детей скончалось. Хинд вспоминал, что вакцинация дикарей проводилась Компанией Гудзонова Залива сразу после серьёзных эпидемий 1816, 1817, 1818 годов: «С тех пор в тех местах об оспе позабыли». Утверждение Хинда, конечно, звучит чересчур категорично, но в нём есть доля истины — прививки помогли. Ещё один раз болезнь напала на племя через 12 лет. Умерло много детей и стариков, зато взрослые, прошедшие прививку, выздоровели, хотя кое-кто всё же скончался позже от внезапного воспаления лёгких. Шаманы Кри прибегали ко всем известным им способам лечения, стучали в барабаны, шумели трещотками, горланили песни, но это не спасало никого. В среднем от оспы на десять человек умирало девять.

Но было бы крайне неосторожно утверждать, что катастрофами для индейцев были только эпидемии неизвестных им болезней. В памяти Кри сохранились и разрушительные ураганы, и наводнения, и страшные пожары.

Однажды лагерь из тридцати или сорока палаток располагался милях в двух от берега реки Ассинибойн. Из этой деревни убежал индеец с женой своего друга. Рассерженный муж вспрыгнул на коня и последовал за ними. Дабы остановить погоню, беглец поджёг высокую траву, и ветер отнёс огонь в сторону преследователя, в результате чего тот сгорел вместе со своей лошадью. Пламя достигло лагеря и обступило его со всех сторон. Так как стойбище находилось в густых сухих зарослях, огонь мгновенно охватил жилища. Почти все обитатели погибли. Лишь некоторым людям удалось спастись, так как, увидев высокое пламя на расстоянии, они сразу умчались на проворных лошадках к реке.

Мне лично пришлось видеть пожар в прерии, и смею заверить читателей, что этот огонь представляет собой страшное зрелище. Пламя поднимается метров на пять-семь в высоту и продвигается по равнине с ужасающей скоростью. Уйти от пожара в прерии нет никакой возможности, ибо в летнее время растительность в американской степи заметно высыхает и представляет огню исключительно благоприятные возможности для распространения во все стороны. Пожарные команды не пытаются остановить пламя на открытом пространстве, но направляют свои силы на то, чтобы не допустить пожар к фермам и посёлкам. Я видел, что пожарники трудились из всех сил. Машины стояли длинной колонной на шоссе, туда же опускался и вертолёт, координировавший их действия. Веротяно, пожарные полагали, что пожар остановится перед асфальтированной трассой, но огонь повёл себя коварно и таинственно. Пламя задержалось перед шоссе, будто задумавшись, и внезапно выбросило длинный дугообразный язык вперёд; этот язык самым настоящим образом лизнул траву на противоположной стороне автострады и тут же растаял в воздухе. Но дело было сделано — огонь перенёсся на другую сторону шоссе. Ему удалось перепрыгнуть через пять метров асфальтированной полосы, и люди (со всей своей противопожарной техникой) ничего не смогли противопоставить ему!

Пожар в прерии — страшная сила. Меня потрясло небо над равниной во время того пожара. От края до края оно было лилово-бурого цвета от застлавшего его дыма. Стоя на безопасном от огня расстоянии, я невольно подумал о далёких временах, когда жившим в прерии индейцам приходилось прыгать на лошадей и мчаться в сторону ближайшего водоёма, едва завидев на горизонте тяжёлую стену дыма. После промчавшегося огня равнина становится чёрной, повсюду валяются трупы мелких грызунов, но кое-где (как это ни странно) виднеются клочки метра в два нетронутой травы (и это доказывает, что иногда человеку может всё-та-

ки посчастливиться посреди бушующего огня).

***

Многие военачальники американских вооружённых сил зачастую отказывали индейцам в умении строить военные планы, и наиболее ярко эта мысль была выражена в литературе Луисом Ламуром в повести «Шалако». В повести речь идёт об Апачах, но разговор имеет отношение ко всем индейцам.

«Шалако заговорил раздражённо:

— Мистер, позвольте мне поведать вам коротенькую историю об одном выпускнике Вест-Поинта по фамилии Феттермэн. Он частенько похвалялся тем, что сумеет, если получит в своё распоряжение восемьдесят человек, проскакать через всю страну Лакотов. Феттермэн имел отличную подготовку, был теоретически подкован как нельзя лучше, знаком со всеми европейскими тактическими премудростями. И он был уверен в себе. И вот однажды его направили с отрядом в восемьдесят человек на помощь попавшему в засаду обозу с дровами. Его предупредили, чтобы он ни в коем случае не вздумал преследовать индейцев, ежели они вдруг пустятся наутёк. Но он не последовал совету и погнался за индейцами. Так вот, его восемьдесят человек продержались не более двадцати минут.

Шалако занялся костром.

— А знаете, как индейцам удалось всё провернуть? Примерно как Ганнибалу в битве при Каннах. Середина отступила, когда Феттермэн помчался на индейцев, фланги закрылись за ним, как обыкновенная ловушка, и его уничтожили.

— Вы же не хотите сказать, что эти дикари разбираются в тактических приёмах! — воскликнул Фон Холстат.

— Вы наверняка происходите из старинной прусской семьи, не так ли? Столетиями Пруссия вела разные войны, и всё же я уверен, что лично вы участвовали от силы в деся-

ти сражениях, а самый старый из ваших генералов вряд ли видел больше тридцати баталий... — Шалако свернул бумагу для сигареты. — Мистер, там в темноте притаились сейчас сорок или пятьдесят Апачей, и факты говорят о том, что каждый из них прошёл через пятьдесят, а то и сотню битв. Они воюют против американцев, мексиканцев и против других индейцев. Война — это образ жизни Апачей. Младенцы обучаются тактическим приёмам, слушая истории бывалых воинов. Из того, что знают европейские офицеры, нет ничего, что было бы незнакомо индейцу. Это лучший воин из всех, кто ведёт партизанскую войну. Ему не знакомы военный этикет, устав и хождение в ногу по плацу. Индеец всему учится в деле».

Удивительным остаётся тот факт, что индейцы использовали тактику заманивания постоянно, и сколько бы раз они ни прибегали к своему излюбленном приёму, столько раз враги «клевали» на него. Попадались в эту широко распространённую ловушку все без исключения, даже те, кто сам не раз устраивал такую западню. Судя по всему, причины столь быстрых побед крылись в том, что проигравшая сторона в какой-то момент впадала в состояние излишней самоуверенности, умаляя способности врага.

Вот лишь один из эпизодов военных столкновений индейцев Кри с Лакотами. Я привожу его потому, что он является собой яркий пример того, как привыкшие к лёгким победам (благодаря своей многочисленности) Лакоты бросались в бой, чрезмерно уверившись в своей удаче.

Возле устья реки Пембинар (Pembinar River) находится глубокая расщелина. Там Кри, узнав о появлении на своей территории военного отряда Лакотов, оставили в засаде несколько сотен человек. Как обычно, небольшая группа выступила в роли приманки, «случайно» появившись на пути военного отряда и «испугавшись», тотчас пустилась наутёк. Это был излюбленный приём Лакотов, но им, вероятно, и в голову не могло прийти, что кто-то мог действовать

столь же «хитро», как они сами. И Лакоты бросились вдогонку. Засада оказалась для них полной неожиданностью. Отряд попал в полное окружение, и Лакоты погибли все до последнего. Кри утверждали, что в том бою они уничтожили 100 врагов. Вполне возможно, что число убитых сильно завышено, но суть в том, что один и тот же приём повторялся на полях сражений из года в год.

Среди Кри было много отважных воинов, достойных глубочайшего уважения. Сомневаться в этом глупо. Но слава дикаря непродолжительна. Часто о героях вовсе забывали. Редкий знаменитый воин доживал до глубокой старости и при этом пользовался уважением. Состарившись, он терял своё величие; над ним смеялись, как над всяким другим немощным стариком, он становился объектом грубых шуток всей деревни. Те молодые, которые боялись его когда-то, теперь лишь подтрунивали над ним. Слава его подвигов уходила вместе с его силой.

***

Индейцы Кри имели множество дополнительных средств для поддержания своего существования, в отличие от большинства кочевых индейцев. Некоторые общины обитали на берегах озёр, где в изобилии рос дикий рис. Всё, что им требовалось, — это прыгнуть в каноэ, доплыть до нужного места, согнуть ветку и сгрести рис в корзину. Из него получался великолепный суп. И всё же основным делом Кри была бизонья охота или охота на других копытных. Отсюда индейцы получали мясо для еды и шкуры для пошива одежды и для торговли. Бизоньи шкуры всегда были в цене. Кри также били и ловили волков, лис, зайцев, скунсов, горностаев и прочих животных с богатым мехом.

Было бы огромным упущением не привлечь внимание читателя к тому, что племя Кри с гораздо большей лёгкостью, чем другие индейцы, перенимало механические достижения цивилизации, что было явным следствием их соседства с метисами, которые с лёгкостью внедряли в свою

жизнь лучшие стороны белой цивилизации. Дэвид Томпсон, правда, придерживался на этот счёт особого мнения: «Я бы не сказал, что они как-то особенно одарены в смысле промышленного производства. Их вещи сделаны грубо. Снегоступы и каноэ являют собой воплощение полной бездарности. Если они что-то и делают своими руками, то никак уж не из-за переизбытка творчества, а исключительно по необходимости. Мне кажется, что нынешние Кри ничем не отличаются от своих предков, живших лет сто назад». Возможно, эти слова — проявление личной неприязни Томпсона к Кри, причина которой нам неизвестна, но история знает много случаев, когда люди признавались в своём отрицательном отношении именно к Кри.

Вождь Красная Ворона из племени Кайна рассказывает: «Кри были плохими людьми и заслуживали наказания. Они не умели вести себя честно, они воровали лошадей». Хочу обратить внимание читателя на это лукавое сетование «они воровали лошадей». Можно подумать, что Черноногие и прочие индейцы вели себя абсолютно иначе и никогда не позволяли себе притронуться к чужим табунам. Далее Красная Ворона повествует о том, как он с товарищами остановился в совместном лагере Ассинибойнов и Кри: «Мы находились там два дня. Военный отряд Кри устроил пляску, и двое из нас направились туда поглядеть на танец. Кто-то из Ассинибойнов дружески посоветовал нам не приближаться к танцующим, так как они могли нас убить. Они здорово танцевали. Их военные уборы, щиты и одежда были замечательными, но сами танцоры вели себя странно. Они подскакивали к нам и наставляли на нас ружья. Между собой они обменивались фразами о совершённых против нас подвигах». Это само по себе не должно вызывать удивления, так как танцоры могли поколотить и даже убить непрошеных зрителей без всякого предупреждения. Но Красная Ворона возмутился. «Тогда я выхватил мой нож и шагнул в их круг, крича: „Вы ничего не представляете собой!“. И я при-

нялся петь, кричать и подсчитывать нанесённые им удары-подвиги. Я кричал, что однажды я убил сразу трёх Кри в один день. Это была ложь, но я был свидетелем такого убийства, так что я мог поведать им подробности. Они подумали, что я говорил правду. Я лишь хотел разозлить их, ведь они сумели разозлить меня. Я продолжал выкрикивать всякие небылицы о том, скольких Кри я оскальпировал, сколько ружей отобрал у них. Женщины в стойбище стали собирать детвору и прятаться подальше в кустах, опасаясь, что начнётся кровопролитие. В центре площадки для танцев стоял шест с привязанным к нему флагом Компании Гудзонова Залива, а у самого основания шеста лежал лук и тридцать стрел. С громким воплем я сорвал флаг и забрал лук со стрелами. После этого я повернулся спиной к Кри и ещё раз сказал им, что они ничего не представляли собой».

Эта история весьма показательна. Кри были хорошо вооружены и готовились к походу, то есть их дух был весьма воинственен. И всё же они не тронули Пьеганов, которых было всего восемь человек. Трудно сказать, что сдержало их. Но вряд ли то был страх, ибо их окружали дружественные Ассинибойны. Вполне возможно, они просто решили, что Красная Ворона был полным дураком, не способным отвечать за свои поступки, и решили не марать о него свои руки. Если это так, то Кри проявили себя куда более достойными уважения, чем Черноногие, которые так сильно их презирали.

А вот выдержка из книги Джеймса Шульца: «Не могу объяснить, почему, но я чувствовал глубокую неприязнь к Кри. Мне стыдно признаться, что я ненавидел и презирал Кри, их внешний вид, ухватки, даже язык. Я скоро выучил слова на языке Кри, обозначавшие различные предметы торговли, но ни за что не применял этих слов, делая вид, что не понимаю, и заставлял Кри требовать нужный им товар на языке Черноногих, который большинство Кри знало,

или при помощи языка жестов. Их вождь Большой Медведь был низкорослый, широкоплечий человек с грубыми чертами лица и маленькими глазками; волос на его голове, казалось, никогда не касался гребень. Я никак не мог узнать, почему он стал вождём. Он, видимо, не обладал даже средним умом, а его военные заслуги не шли в сравнение с заслугами среднего воина Черноногих» («My Life as an Indian»).

И всё же множество исследователей настаивает на том, что Кри принадлежали к особой категории краснокожих. Их каноэ, сделанные из древесной коры, отличались правильной формой; Кри научились мастерить замечательные вёсла и в этом искусстве не имели себе равных (разве что Чиппевы могли потягаться с ними в этом). Их рыболовные сетки, силки, капканы — во всём проглядывалась гибкость ума. Кри приспособились делать даже телеги, что для индейцев является большой редкостью. Правда, основу этому делу положили не сами Кри, а их соседи с Красной Реки, которых Дакоты называли словом Слота. Александр Генри видел в 1801 году эти повозки, колёса которых были из цельного деревянного куска и достигали трёх футов в диаметре. Индейцы говорили: «Такие телеги нам больше подходят для передвижения с грузом, чем вьючные лошади, ведь земля у нас ровная, и мы можем без усилий катить в любом направлении».

Кри получили от белых людей множество инструментов, используя их для починки и поделки всевозможных домашних вещиц, они латали дырявые котелки, резали из дерева чашки и ложки, делали крепкие детские люльки. Их люльки были всегда искусно вырезаны и раскрашены. Некоторые индейцы по-настоящему обучились кузнечному делу и могли самостоятельно выковывать ножи, править конскую сбрую.

Дениг пишет: «Их интеллектуальные способности значительно выше иных индейцев. Имея тесные связи с белыми людьми и беря с них пример, Кри переняли у них много

полезного, поняв даже суть денег и научившись пользоваться ими. Кри прекрасно разбираются в качестве товара, легко считают и проявляют большую проницательность в торговых сделках. Они приобретают только полезные вещи, с огромным вниманием относятся к провианту и вообще стараются от всего взять по максимуму. Мало кто из них позволит себе войти в торговую лавку, предварительно не прикинув в голове свои действительные нужды и никогда не сделает совершенно бесполезную покупку. Они не слишком надоедают попрошайничеством, в разумных пределах увлекаются спиртными напитками и не считают дурным тоном обмануть или украсть что-нибудь, если уверены в том, что не будут уличены в этом. В основном они нравятся торговому люду, так как гораздо менее вспыльчивы и доставляют меньше беспокойства».

Из сказанного можно смело сделать вывод, что Кри вызывали у многих людей (у индейцев и у белых) неприязнь прежде всего тем, что не были столь «простодушны», как полагалось дикарям. Их не интересовали бесполезные бирюльки, они не цеплялись за первую попавшуюся на глаза железную штуковину европейского производства и не вываливали за неё все свои запасы пушнины. Они стали похожи на расчётливых купцов, понимали что по чём, не позволяли себя дурить и этим раздражали многих. При этом они сохранили привычные качества туземцев: воровали и обманывали, если подворачивалась возможность. «Варварам всегда было свойственно желание получить поболее, заплатив по возможности меньше» (Greel «Trade from the Beginning»). Но кто из ныне живущих «цивилизованных» людей не пытается «сбросить» цену, торгуясь с продавцом, если такая возможность предоставляется. И никто не считает это зазорным.

— Как мы его ловко обломали! — восторгается покупатель, выжав из продавца скидку на пару монет. — Здорово сэкономили!

— Лихо я впарил им это барахло, — радуется купец, — надо было ещё выше цену задрать для начала…

Но наверняка было что-то иное, выпадающее сегодня из нашего поля зрения, что вызвало у соседних племён какую-то особую нелюбовь по отношению к Кри. Не могла неприязнь таиться только в их умении выгодно вести торговлю. Впрочем, не стоит заострять внимание на всевозможных домыслах.

Женщины северных общин Кри приспособились шить замечательные покрывала из заячьих шкурок, так как в их местах бизоны встречаются гораздо реже. Более того, из заячьих шкурок женщины научились делать даже кров для палаток: шкурки разрезаются на тонкие полоски, скручивающиеся в виде верёвки, затем соединяются между собой древесной корой и сплетаются в цельное полотно. Такие покровы палаток сделаны настолько мастерски, что не пропускают ни ветер, ни дождь. Этот метод пошива одеял был известен Кри вплоть до середины двадцатого века, о чём писал Манделблаум в работе «Равнинные Кри». Женщины проявляли огромный талант, делая матрацы из тростника, вполне удобные для того, чтобы спать на них. Женщины Кри уделяли пристальное внимание декоративной стороне своей работы, будь то кожаные изделия или хлопковые ткани. Для украшения использовались бисер, перья, крашеные иглы дикобраза и волосы болотного лося. Отделанные таким образом платья выглядели на редкость красивыми. Дениг признаёт, что «все шкуры, расшитые или просто обработанные женщинами Кри, *превышают качеством работу других племён*. Особенно это относится к бизоньим и волчьим шкурам».

Кри вырабатывали большое количество сахара из кленового сока, набирая сок его в объёмные корзины, сделанные из берёзовой коры. И всё же Дениг не желает отказываться от своего отрицательного мнения по поводу Кри.

«Но ни мужчин, ни женщин этого племени я бы не на-

звал дельными работниками, несмотря на их врождённую активность и на их умение трудиться для обустройства собственного быта. В действительности их трудовая деятельность не столь уж хорошо организована и не выходит из ряда прочих кочевых индейских народов. При этом нельзя отрицать, что заметно приобщились к цивилизации, хотя и в гораздо меньшей степени, чем большинство белого населения пограничных районов» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Трудовая занятость Кри заметно делилась в зависимости от половой принадлежности и возрастной категории, как и в подавляющем большинстве других туземных племён. Старики проводили основную часть времени дома, мастеря трубки, луки, ложки, снегоступы, рыболовные сети и тому подобные вещи. Мужчины среднего возраста ходили на охоту, делали сбрую для лошадей, сёдла, упряжь для собак, капканы, силки, заготавливали кору и каркасы для постройки лодок, а женщины сшивали кору и смолили швы. Мужчины также вырезали вёсла. Женщины возлагали на себя выделку шкур, обработку кожи, украшали их, шили одежду; они же разделывали мясо, вялили его, складировали сало, готовили пищу. Юноши посвящали себя войне, азартным играм и совращению женщин.

Основным видом одежды являлась бизонья шкура, которую в зимнее время носили мехом внутрь. Такая накидка закрывала всё тело от подбородка до пят. Мужчина обычно надевал куртку, опускавшуюся до колен, а голову покрывал шапкой из той же бизоньей или заячьей шкуры. Шапка шилась таким образом, что укутывала полностью всю голову, оставляя открытыми только нос и глаза. На ноги надевались тёплые меховые штанины и мокасины. В летнее время одежда была такой же, но без меха. К ремню крепился рог с порохом, мешочек с пулями, нож и огниво. Женская одежда Кри почти ничем не отличалась от мужских облачений, разве что вместо куртки надевалось короткое платье

из кожи горного барана. Это платье держалось на плечах бретельками. Женщины Кри начали шить свои наряды из промышленной ткани очень рано; судя по наблюдениям Ишэма, можно сделать вывод, что ткань вошла в употребление уже в 1743 году. Приходя в форты, Кри сдавали всю скопленную пушнину и приобретали пёстрые отрезы фланели и ситца.

«Индейцы обоих полов отбрасывают прочь свои изношенные костюмы и любуются собой, облачившись в одежду из ткани европейского производства. На этих нарядах много орнаментов. Кри делаются настолько чище в новых облачениях, что невольно задаёшься вопросом, те же ли самые это люди, что и до переодевания? Однако чистоты их внешнего вида хватает не надолго, так как из-за бессменной носки одежда быстро превращается в замаранное тряпьё. Индейцы не стирают своих платьев, так что яркие тона ткани быстро линяют и приобретают хмурый цвет грязи» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Надо полагать, что замечание Денига о том, что Кри не занимались стиркой одежды справедливо и по отношению к большинству других аборигенов. Это легко объясняется тем, что кожаная одежда лишь отряхивалась от грязи и пыли, а также омывались естественным образом в период дождей и во время переправы через реки, но никогда не стиралась целенаправленно. Отсюда пришло сходное отношение и к тряпичным изделиям. Но вряд ли Кри носили более засаленную одежду, чем другие индейцы, несмотря на то, что об этом говорят многие писатели. Образ жизни степных кочевников был одинаковым, почему же Кри должны были пачкать жиром, кровью и пылью свои рубахи и юбки больше иных дикарей?

«В своих домах Кри столь же опрятны, сколь и Ассинибойны, но явно более общительны со своими женщинами. Мужчины советуются с ними, прислушиваются к их мнению почти по всем вопросам. Нет сомнения в том, что женщины

Кри оказывают заметное влияние на своих мужей. При этом полигамия не запрещена, хотя встречается не очень часто» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Дэвид Томпсон подчёркивал в 1812 году, что чаще всего причиной многожёнства являлось то, что воин брал в свою семью на содержание жену, сестру или дочь погибшего друга. Вполне естественно, содержание предполагало и сексуальную связь. Любопытно, что власть мужчины над женщиной строго регулировалась, чего нельзя сказать о других племенах Верхнего Миссури.

«Мужу разрешается хлестнуть жену (в случае её провинности) только три раза тонкой палочкой. Если женщина продолжает вести себя неудовлетворительно, он может отослать её в родительский дом и потребовать обратно отданную на неё плату. Правда, такие „мягкие" правила распространяются исключительно на бездетных женщин. Подразумевается, что матери должны вести себя хорошо, быть прилежными. Поэтому жена, ставшая матерью, находится в более тяжком положении и нередко подвергается избиению. Случается, что мужья даже убивают некоторых неверных жён. Иногда, чтобы избежать скандала, любовник платит большую „откупную" обманутому мужу» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Джон Таннер, проведший добрых тридцать лет среди индейцев Кри и Оджибва, прекрасно знал их нравы и выражал удивление, что строгие правила, существовавшие у многих племён, часто отсутствовали у Кри. «Через два дня мы добрались до его деревни, где я немедленно последовал за ним в палатку. Когда я туда вошёл, находившиеся внутри старик и старуха покрыли свои головы одеялами, а мой спутник удалился в совсем маленькую соседнюю палатку, едва вмещавшую одного человека. Туда жена и отнесла ему еду. Оставаясь скрытым, он продолжал с нами разговаривать. Если муж намеревался выйти из палатки, жена давала знак своим родителям, оба они прятали головы под одеяла,

то же самое повторялось, когда он возвращался. У Ассинибойнов этот обычай соблюдается очень строго всеми женатыми мужчинами. Распространён он, кажется, и среди Бвои-нугов, или Дакотов, как они себя называют, а также среди Омахов, живущих на берегах Миссури. Такой обычай не только определяет правила поведения мужчины в отношении к родителям жены; он распространяется также на её дядей и тёток. Родичи жены и мужа в одинаковой мере обязаны избегать друг друга. Если индеец пойдёт в палатку, где сидит его зять, последний обязан закрыть лицо, пока тот не уйдёт. Когда молодой человек живёт с родителями жены, ему устраивается внутри маленькая палатка либо циновками и шкурами отделяется небольшое помещение, куда ночью удаляется и жена. Днём жена служит посредницей между мужем и другими членами семьи. Мужчина ни в коем случае не должен произносить имени отца своей жены; если он это сделает, то совершит величайший проступок, расценивающийся как неуважение к родителям. Кри считали такие обычаи обременительными» (John Tanner).

«Пытаясь выяснить родственное связи, вскоре узнаёшь, что прерийный индеец никогда даже *не назовёт* имя своей тёщи — это запрещено. Им нельзя разговаривать друг с другом. Если, встречаясь со своей дочерью, тёща окажется в палатке зятя и тот войдёт внутрь, она накроет лицо накидкой и немедленно выйдет наружу. Таков древний закон. У некоторых племён тёща обозначается знаком „пристыженный человек“ или „спрятанное лицо“...» (F.Linderman «Plenty Coups»).

Разумны ли были столь жёсткие ограничения?

Жёсткие табу на общение между определённой категорией родственников связаны и со сложностью обозначений родственных связей. Так, в большинстве племён ребёнок называл словом «отец» не только своего настоящего отца (родителя), но и его брата (в нашем понимании — дядя) и всех отцовских двоюродных братьев называл отцами.

То же самое было и с материнством: настоящая мать ребёнка, её сестра (для нас — тётя) и все материнские двоюродные сёстры назывались словом «мать». Взрослый мужчина называл своими детьми не только своих родных отпрысков, но и всех детей своего *брата и своих двоюродных братьев*. Для женщины детьми были все собственные дети, дети *сестры и своих двоюродных сестёр*. Все дети родных и двоюродных сестёр для мужчины были племянниками, а не детьми. То же касалось и женщины. Ясно прослеживается мужская и женская линии родственных отношений. Поэтому, когда мужчина употребляет слово «дети», он подразумевает отпрысков только мужской линии, если же речь заходит о «племянниках», то имеется в виду линия жены. Такой же расклад относится и к женщине.

Принимая во внимание тот факт, что жён может быть несколько, надо помнить, что племянников и племянниц (то есть отпрысков женских линий) насчитывается гораздо больше, чем детей. Отношения детей к «матерям» и «отцам» всегда было более строгим, а к тётям и дядям — более вольным. Муж сестры и брат жены (соответственно — жена брата и сестра мужа) относились к категории свояков, то есть родственников, приобретённых через женитьбу ближайшего родственника. Между ними предполагались открытые, очень дружеские отношения. Зато между родными братьями и сёстрами табу были жесточайшими. Им не позволялось даже общаться, несмотря на то, что брат был обязан обеспечивать сестру всем необходимым.

Взяв в жёны какую-либо женщину, воин немедленно приобретал множество свояков. Согласно традиции, свояк всегда рассматривался в качестве потенциального мужа, так как должен был (в случае гибели мужа) взять вдову под своё крыло. Почему же сестре запрещалось общаться с братом? Неужели жажда удовлетворения физиологических потребностей была настолько неуёмна, что братья часто бросались на своих сестёр и это послужило причиной установления та-

бу? Сестра не общалась с братом, тёща — с зятем, свёкор — с невесткой. А вот там, где не могло быть сексуальной связи, отсутствовали какие-либо запреты: тесть с зятем могли общаться без ограничений, то же и свекровь с невесткой.

Большинство этнографов сходится на мысли, что причиной столь сложных правил было стремление избежать какой-либо сексуальной связи между родственниками жены и её мужем, ибо сама возможность таких контактов уже ставила под угрозу чистоту их кровной связи и здоровье семьи. Возможно, в этом есть доля истины, однако такая постановка вопроса представляется чересчур уж тяжеловесной по своей сути, ведь даже самый строгий запрет на общение не способен подавить животную страсть в людях, и тогда инцест становится фактом. Всякий человек, будь он краснокожий, желтокожий или белый, способен перешагнуть через любые запреты, если что-то будет толкать его на это. Но чем система запретов сложнее, чем больше неудобств создаёт она, тем серьёзнее у человека желание избавиться от такой системы. Остаётся лишь гадать, что заставляло большинство племён Верхнего Миссури терпеть столько неудобств, видя, как другие народы, например, Кри и Оджибвеи, прекрасно обходились без этих плавил.

Встречаются, конечно, и другие исключения. Так, например, в племени Абсарока мужчине запрещается общаться также с женой своего шурина (брат жены), а у Хидатсов, которые являются ближайшим родственным народом Абсароков, подобного табу никогда не существовало. Есть и другое расхождение: у Абсароков принято относить к числу «отцов» и мужа сестры родного отца, который в других племенах является дядей. «Правда, этот отец не может быть отцом в данном клане, так как принадлежит к родственникам по женской линии. Весьма вероятным объяснением является то, что этот странный «пункт» классификации родственников обязан лишь тому, что сестра отца обозначается в звательном падеже на языке Абсароков словом «мать».

В данном случае мы имеем дело в первую очередь с чисто лингвистическим феноменом. У Хидатсов же такой же брат сестры отца является свёкром (тестем)» (R. Lowie «Kinship System of the Crow and Hidatsa»).

Можно было бы сказать, что такова схема родственного «устройства» у всех «дикарей», но это не так. Взять, к примеру, Чукчей. «Они не делают различия между материнской и отцовской линией для дядек и тёток, называя их одинаково. Вместе с тем, Чукчи строго отделяют подлинных родителей от дядей с тётями... В Северной Америке есть некоторые аналогии. Шошоны с Реки Ветров (Wind River), насколько я смог выяснить, относят всех кузенов к категории братьев и сестёр, так же как это имеет место на Гавайских островах; а г-н Сэпир заметил то же самое в племени Нутка. Племя Хупа считает всех женщин второго по взрослости поколения бабушками, а мужчин той же категории — дедушками, все дети, родившиеся в одном доме — кровная родня. У береговых Салишей дело обстоит почти так же. Здесь не только все прадеды и деды объединены в одну группу и называют всех кровных правнуков и внуков одним обобщающим словом, но и все кузены объединены вместе с братьями и сёстрами... Тенденция к обозначению отдельных людей обобщающим понятием может иметь под собой куда более важную причину, чем просто терминологическую. Так как примитивные народы придают именам огромную значимость, то родственник, в зависимости от того, назовут его братом или кузеном, подсознательно может становится более близким, что может повлечь за собой возникновение табу, независимо от действительной степени родства... В племени Проткнутых Носов, например, не разрешается брак даже между четвероюродными братьями и сёстрами именно по той причине, что они уже считаются братьями и сёстрами...» (R. Lowie «Family and Sib»).

«Мужчины и женщины всех цивилизаций так или иначе ставили перед собой вопрос: Что составляет специфические

ценности человечества? Чем люди отличаются от остального животного мира? Насколько фундаментально и прочно это отличие? Эта озабоченность может выражаться в настойчивом подчёркивании родства человека с животными, на которых он охотится и от которых как от своей пищи зависит; так обстоит дело у тех примитивных народов, которые пляшут перед охотой вокруг своих лагерных костров со звериными масками на лицах. Или она может выражаться в полном отречении от животного наследства, какое мы находим в одной балийской церемонии, когда пару, уличённую в инцесте, заставляют встать на четвереньки с одетыми на шею деревянными колодками домашних свиней, есть из свиного корыта, а затем покинуть богов, дающих им жизнь и поселиться в стране наказания, где царят только божества смерти. В соответствии с широко распространённым обычаем, который специалисты называют тотемизмом, подразделения различных обществ, кланы и другие организованные группы обозначают свои отличия друг от друга, выдвигая притязания на родственную связь с тем или иным видом животных. Эти животные рассматриваются как своего рода талисманы, утверждается монополия клана на употребление их в пищу, или же, наоборот, на такое животное накладывается вечное табу» (Mead M. «Male and Female» A Study of the Sexes in a Changing World).

***

«Эта нация зарекомендовала себя весьма недрачливой внутри своей собственной среды. Кровавая междоусобица настолько редка, что о ней можно и не упоминать, зато конокрадство распространено широко. Они воруют лошадей у кого попало, но нечасто воин угоняет сразу больше двух-трёх голов, да и тех он без боя отпускает, если случается немедленная погоня, угрожающая его безопасности. Законы племени не позволяют воровать лошадей у соплеменников, но, как известно, у любого народа находятся бесчестные личности, попирающие закон.

Географические и астрономические знания Кри не отличаются особой пространностью. Земля представляется им огромной равниной, на которой разлиты многочисленные озёра и реки, а на них насыпаны острова. Все племена прекрасно осведомлены об особенностях рельефа своих территорий, но никто из индейцев не способен сказать, какова площадь их страны. У них нет соответствующих для этого понятий. Они не могут представить землю в целом, хотя и считают, что она весьма протяжённа. Они полагают, что океан — это гигантское озеро. Многие из племени Кри служили наёмными лодочниками на Гудзоновом Заливе и плавали в северном направлении до самого Атлантического океана. Но число этих Кри невелико, и соплеменники не склонны верить их невероятным историям. Их умы не способны совладать с параметрами, не вложенными в них с детства. Они воспринимают лишь то, что знакомо им по их жизненному опыту.

Они полагают, что Земля имеет плоскую и овальную форму и соединяется на кромке с небосводом. Небо — это цельная масса какой-то особой голубой земли. Солнце представляется им телом, наполненным светом и жарой — Великий Владыка Мира, наделяющий всё светом и теплом и являющийся будущим жилищем душ» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»)

Птичий народ

Абсароки более известны как Воронье Племя (Crow Tribe), хотя в действительности название Абсарока не означает ворону. Большинство исследователей соглашается с тем, что это древнее слово указывает скорее на любого пернатого хищника. Впервые название «Воронье Племя» употребляет Жан-Батист Трудо, живший в 1795 году среди Арикаров: «Военный отряд Арикаров вернулся 5 июня и привёз скальпы индейцев Вороньего Племени, народа, живущего близ Скалистых Гор». Трудо также выяснил, что «некий канадец по имени Менард, проживший шестнадцать лет у Манданов, неоднократно посещал Ворон в сопровождении Хидатсов».

Учёные давно пришли к согласию, что Абсароки некогда были одним целым с племенем Большебрюхих (Хидатса). Они соседствовали с ними не раз на берегах Миссури,

и до последнего времени в земляных деревнях извлекались во время раскопок старинные предметы, принадлежащие Абсарокам. Считается, что причиной раскола старого племени была вражда двух вождей, каждый из которых возглавлял свою общину. Их взаимная неприязнь никогда не доходила до открытого противостояния, но в племени, как это случается у всех народов, нашлись люди, которые в конце концов сумели заставить вождей поссориться не на шутку. Ругань переросла в драку, в результате чего всколыхнулось всё племя, и многие погибли. Как бы то ни было, белые люди познакомились с Абсароками, когда они были самостоятельным племенем и пользовались лошадьми, а к земляным деревням не имели никакого отношения.

Шайены называют Абсароков словом «отанео», то есть «человек-ворона»; Лакоты нарекли их «канги-вичаша», то есть «человек-ворон», в то время как Ассинибойны определяли их словом «канги-тока» — «ворон-враг». Как видно из указанного, имя Абсароков в устах других племён не сильно разнилось и обозначалось крупной птицей семейства вороновых, но всё же не сорокой.

«На языке жестов индеец-Ворон обозначается движением рук, имитирующих движение крыльев птицы. Но „абсарока“ не означает собственно „ворон“. Вероятно, это имя дали им французские путешественники, перенявшие его от Лакотов. Изначально слово произносилось „абсанока“ и приблизительно означало „потомки ворона“ или „дети ворона“. Кроме того, племенной дух хранитель — Ворон» (Linderman «Plenty Coups»).

Граница страны Вороньего Племени тянулась от Скалистых Гор вдоль устьев рек Пыльная, Ветряная, Большой Рог по южной стороне Жёлтого Камня до реки Платт. Абсароки часто встречались на западной и северной сторонах реки Платт, добираясь даже до устья Массешел. Находясь в сентябре 1805 года в лагере Абсароков в Монтане, Ларок узнал от индейцев, что «зимой они всегда жили в лесу у подножия

гор, весной и осенью уходили на Жёлтый Камень, а летом жили на реках Лошадиная (Horse River) и Языковая (Tongue River)». По всей их земле паслись несметные стада бизонов, оленей, лосей.

Абсароки жили в кожаных палатках, как и все кочевые племена верхнего Миссури. Ларок указывал, что общая их численность в 1805 году была 300 палаток, но что до эпидемии оспы Воронье Племя имело почти две тысячи палаток. «Из-за своей нынешней малочисленности эти индейцы стараются держаться вместе». Дениг писал, что в былые годы они насчитывали 800 палаток, но в его бытность (1840-е годы) их число уменьшилось до 460 в результате войн и болезней. В 1856 году агент Воган насчитал 450 палаток в резервации.

Всё Воронье Племя делилось на несколько групп, каждая возглавлялась своим вождём. В 1830—1840 годы группа Большого Разбойника обычно вела зимнюю охоту у истоков Пыльной Реки, весной отвозила бизоньи шкуры в торговые посты на реку Платт. Курц в шутку называл Большого Разбойника (Big Robber) Большим Робертом (Big Robbert), считал, что в 1851 году он был главным вождём Горных Абсароков и что Речных Абсароков возглавлял Гнилой Хвост. Это мнение сложилось у него по той причине, что Гнилой Хвост не присутствовал в том году на переговорах в форте Ларами, поэтому Большой Разбойник был объявлен главным вождём. Согласно ежегодному отчёту комиссионера по делам индейцев, Большой Разбойник погиб в 1858 году.

Другую, более крупную группу возглавлял Два Лица. Индейцы этой группы обычно кочевали вдоль Реки Ветра и окрестных гор и торговали с Американской Пушной Компанией. В 1855 году Два Лица стоял возле форта Сарпи (один из постов, получавший вещи из форта Юнион), а на следующий год торговец Скотт сумел убедить вождя перебраться на реку Платт, так как товар из форта Юнион были заражён оспой. Абсароки прекрасно помнили, что такое

оспа. Индейцы уже выдвинулись в путь, когда их настиг гонец агента Вогана и уговорил их вернуться в форт Юнион.

Следующей общиной руководил в те годы Медвежья Голова. Эта группа рыскала вдоль Жёлтого Камня от самых истоков реки до устья. В 1851—52 году люди Медвежьей Головы зимовали с Ассинибойнами возле форта Юнион, но чаще сбывали добытые шкуры купцам на других пунктах. Курц называл Медвежью Голову «командиром солдат и широко известным воином». В «Дневниках форта Сарпи» есть множество упоминаний о торговых сделках с Медвежьей Головой в первые месяцы 1855 года и о его купеческих делах в форте Юнион в марте 1856 года. У журналиста сложилось мнение, что Медвежья Голова был «человеком лёгкого нрава и позволял своим людям делать всё, что им хотелось». В 1858 году Браунингер и Смит, первые лютеранские миссионеры среди Абсароков, остановились в деревне Медвежьей Головы.

«Вороны — самое богатое лошадьми племя к востоку от Скалистых Гор. Нередко на долю одной семьи приходится до ста голов. Большинство людей среднего возраста являются владельцами 30—60 лошадей. Бедняком считается тот, у кого не насчитывается десяти голов. Разумеется, четвероногие скакуны Вороньего Племени — это постоянным объект соблазна для соседних племён. Редкая неделя обходится без попытки увести у них несколько коней. Вороны уделяют своим табунам большое внимание и обязательно отгоняют лошадей пастись на свежие луга милях в 10 от деревни. В качестве сторожей выступают двенадцатилетние мальчишки. В случае обнаружения врагов, табуны немедленно возвращаются к стойбищу.

В феврале 1856 года отряд Черноногих украл табун в 70 голов из Вороньей деревни близ устья Жёлтого Камня. Это произошло глубокой ночью, так что до самого утра никто не обнаружил пропажи. Но едва прошёл слух об исчезновении табуна, снарядился отряд в сто человек и помчался

в погоню. Каждый из преследователей вёл на поводу свежую лошадь. Черноногие скакали без остановки всю ночь и в конце концов утомились. Их путь лежал через глубокий снег, так что пришлось с трудом прокладывать себе дорогу. Преследователи же летели по широкому утоптанному следу без задержки. Под конец третьего дня Вороны настигли Черноногих, когда те, совершенно уставшие, остановились, чтобы полакомиться застреленным бизоном. Угнанный табун они оставили в нескольких милях от своего лагеря. Там его обнаружили Вороны и отвели ещё дальше. Наутро несколько Черноногих отправились за табуном и увидели, что он исчез. Вместо лошадей ждали Вороны. Лишь один из этих Черноногих сумел добежать до стоянки, но так и не успел предупредить соплеменников об опасности: на них уже налетели остальные Вороны» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Такие столкновения были привычным делом. Черноногие постоянно воевали против Абсароков. «Редкий день пройдёт, чтобы на земле Ворон не объявился отряд Черноногих, которые убивают всех, кто бы ни попался им на глаза. В форте Сарпи опасность с их стороны настолько велика, что никто из служащих не осмеливается отойти от дверей даже на несколько ярдов» (Vaugan «Annual Report of the Commisioner of Indian Affairs»).

Абсароки зарекомендовали себя храбрыми и умелыми бойцами, но по отношению к европейцам проявляли миролюбивость. Эту особенность трудно объяснить какой-то одной причиной. Скорее всего они благосклонно принимали белых людей на первых порах, так как стремились получить от них необходимые товары, а позже осознали, что за белокожими пришельцами стояла непобедимая сила, и даже не пытались противоборствовать ей. Хотя нельзя сказать, что Абсароки всегда выказывали радушие. «Я разговаривал с Воронами, дал им мелкие подарки и большую медаль их главному вождю Гнилому Брюху. Они по-прежнему друже-

любны, но жалуются на то, что белые охотятся в их стране на бобров. Они говорят, что их страна кишит трапперами, которые уничтожают всё на своём пути. Они заявили, что этот вопрос должен быть улажен, иначе будут взаимные обманы» (Из письма Джона Сэндфорда к генералу Вильяму Кларку от 17 августа 1833).

Уже в более поздние времена Черноногие говорили, что Абсароки никогда не выстояли бы в войне, если бы не встали на сторону белых людей. Вороны любили повторять, что никогда не убивали белых людей, зато не скрывали, что регулярно грабили их. Они стремились не портить отношений с белой расой, ведь они были сравнительно малочисленны и зажаты между могущественными Черноногими и Титонами. Американские солдаты отмечали, что Абсароки, в отличие от Дакотов, всегда соблюдали порядок в походном строю, и это свидетельствует о гораздо более высоком уровне дисциплины, чем у других племён.

В середине зимы 1869—70 отряд Абсароков численностью в тридцать человек обнаружил двух мальчиков-Лакотов неподалёку от Большого Сухого Ручья. Мальчишки возвращались с охоты. Эту территорию Речные Абсароки считали своими охотничьими угодьями, поэтому без колебаний напали на врагов. Но во всём отряде имелось лишь две лошади, поэтому преследовать мальчиков могли только эти двое. Абсарокам удалось убить лишь одного из них, второй сумел скрыться, хоть и получил ранение. Он добрался до своего стойбища, которое, на беду Абсароков, возглавлял Сидящий Бык.

«Сидящий Бык немедленно организовал погоню из сотни человек. Два его дяди (Четыре Рога и Смотрит-На-Него-В-Палатке) присоединились к этому отряду. Перед тем, как покинуть лагерь, Сидящий Бык провёл церемонию с трубкой, предложил Вакан-Танке табак, бизоньи шкуры и даже клочок своей собственной плоти, вымаливая удачу. Проводником был тот самый спасшийся мальчуган. Он привёл

воинов к месту гибели своего друга, а оттуда Хункпапы двинулись по следам Ворон и добрались до истоков Большого Сухого Ручья. Там Вороны поджидали их, устроившись за каменистыми укрытиями. На рассвете Хункпапы ринулись в бой, не проведя никакой разведки. Каждая из противоборствующих сторон имела по несколько ружей, но большинство сражавшихся пользовалось луками и стрелами. Титоны вели бой в привычной для них манере, то есть каждый дрался сам за себя, кичась своей храбростью и стараясь заработать побольше подвигов. Они мчались на оборонительную линию Ворон по одиночке, стреляли во врагов и скакали прочь. Вороны же, хорошо укрепившись, собрались держаться до последнего. Дорого обошлась Хункпапам победа… Несмотря на численное превосходство противника, Вороны чувствовали себя достаточно уверенно в укреплённом месте и нанесли врагу серьёзный урон. Из ста человек Хункпапы потеряли тринадцать убитыми, семнадцать выбыло из строя по причине серьёзных ранений. Среди погибших был дядя Сидящего Быка Смотрит-На-Него-В-Палатке, сражённый точным попаданием пули в грудь… Ближе к полудню Сидящий Бык и его воины ринулись, наконец, вперёд всей массой, прорвали оборону и в рукопашной схватке уничтожили всех Ворон» (Robert Utley «The Lance and the Shield»).

Это сражение, которое известно среди Лакотов как Бой-Тридцати-Убитых-Ворон, является замечательным примером того, как умели сражаться Абсароки. Тридцать пеших воинов (два всадника не делают в данном случае «погоды») умело оборонялись от сотни нападающих конников. Лакотам не помогло даже то, что ими руководил Сидящий Бык, само присутствие которого должно было вдохновлять их и организовывать. Впрочем, как показала история, даже самые авторитетные вожди далеко не всегда справлялись со своими головорезами и могли держать их в узде, столь необходимой для умелой победы. Этот бой свидетельствует

о том, что Абсароки обладали большим благоразумием. К сожалению, благоразумие всплывало на поверхность обычно у более слабой стороны, когда было очевидно, что пустая бравада не приведёт к успеху.

Абсароки часто пленили женщин и детей, чтобы восстановить потери в боях, и это было свойственно подавляющему числу племён Америки. Гибель мужчин и мальчиков считалась страшным несчастьем. Большинство пленных женщин после года жизни среди Абсароков не высказывали уже ни малейшего желания покинуть это племя. Безусловно, это говорит только в пользу Вороньего Племени. Взращённые среди Абсароков чужие дети без колебаний брали в руки томагавки и ружья и отправлялись воевать против своих былых соплеменников. Усыновлялись и удочерялись далеко не все дети, попавшие в плен, но только те, которых Абсароки брали взамен своих умерших детей.

«В 1877 году вожди Абсароков пришли к лейтенанту Густаву Доану с просьбой выдать им пленённых армией индейцев Лакотов и Шайенов для того, чтобы они могли усыновить их. Они сказали, что согласились участвовать в военной экспедиции именно для того, чтобы получить возможность заполучить пленников. На первый взгляд это малоубедительный мотив для военных действий. Но ранние наблюдатели свидетельствовали, что у Абсароков была явно выраженная тенденция захватывать пленников для поддержания своей численности. Они обращались с пленными настолько хорошо, что по-настоящему завоёвывали их любовь. Возможно, такие сообщения и не убедят нас в том, что Вороны воевали в основном ради захвата людей, но этот факт не может не приниматься во внимание как важная особенность индейских войн» (Thomas Dunlay «Wolves for the Blue Soldiers»).

Многие письменные свидетельства говорят о том, что Абсароки были самым суеверным племенем верхнего Миссури, что они верили в любую сочинённую небылицу, ка-

кой бы невероятной она ни казалась, чем нередко пользовались их недруги. «Говорят, они намного суевернее Манданов, Хидатсов и Арикаров. Например, они никогда не станут курить трубку, если в их палатке висит на просушке пара обуви. Никто, куря трубку, не посмеет затянуться более трёх раз и обязательно передаст её влево по кругу особым образом» (Maximilian). Таких примеров о суеверии Абсароков можно привести много. Но я лично не могу согласиться с этим утверждением, так как суеверия всех без исключения индейцев были чрезмерно многочисленны, чтобы у какого-то племени (в данном случае, у Абсароков) их количество казалось избыточным. Я приведу ниже лишь краткий перечень разный суеверий Черноногих, взятый из книги «Старая северная тропа». Эта выдержка ясно даёт понять, что перечень этот может быть бесконечным, может пополняться снова и снова.

«Ты не можешь раскрашивать свою одежду в священный алый цвет, покуда мы не проведём специальную церемонию и не исполним Бизонью Песню... Ты не должен заходить в реку, чтобы искупаться, пока не опрыскаешь себя речной водой и не исполнишь Песню Водяной Птицы. Ты и члены твоей семьи должны носить ожерелье из маленьких речных ракушек, так как они обеспечивают долгую жизнь... Дрова в жилище должны лежать таким образом, чтобы они указывали в ту сторону, где висит трубка... Никогда не позволяй, чтобы твоя трубка висела снаружи во время дурной погоды. Никому не разрешай садиться верхом на Священных Лошадей, не перевози на них поклажу и не надевай на них узду. Однажды у нас погибла сразу часть табуна, и мы не знали причины. Много позже Вороны поведали нам, что это были Священные Лошади. Таких лошадей нельзя обходить спереди, только сзади... Никогда не ударяй лошадь или собаку. Однажды я ударил мою любимую лошадь, и она тяжело заболела после этого. Не отрезай лошадиный хвост. Однажды из-за этого у хранителя трубки

умерло сразу пять голов его табуна. Ты не должен пить из закоптившегося котелка. Опасный шторм может прийти в результате того, что ты неправильно пьёшь или плещешь водой на своих детей. Не допускай того, чтобы к тебе прислонялась собака, так как это может вызвать у тебя сильную боль во всём теле... Никогда не ругайся, не проклинай, не говори ничего оскорбительного по отношению к чьему-либо характеру. Никогда не прикасайся к покойнику. Никогда не указывай ни на кого пальцами, можно пользоваться только большим пальцем. Никогда не трогай горящие предметы своим ножом, не то у тебя разболятся зубы... Ни в коем случае не чешись руками, потому что это может повлечь за собой кожную болезнь; пользуйся предназначенной специально для этого палочкой, к которой прикреплён священный свёрток» (McClintock «The Old North Trail»).

О палочках для почёсывания говорится и в мифах южных племён; в легенде о возникновении церемонии Половой Зрелости говорится: «Мальчику и девочке были даны маленькие палочки, похожие формой на конскую ногу и подкову, и было сказано, чтобы они никогда не чесали себя пальцами и чтобы пользовались только этим палочками. Если же чесаться ногтями, то на месте почёсывания образуется шрам» (Opler «Myths and Tales of the Jicarilla Apache Indians»). Палочки для почёсывания существовали и у Лакотов, и у Абсароков, и у многих других, но вряд ли их применяли исключительно из гигиенических соображений. Суеверие играло огромную роль.

В сравнении с другими дикарями, Абсароки казались самыми уравновешенными, что явно проявилось в их сдержанном отношении друг к другу. Случаи убийства соплеменников были исключительной редкостью, чего не скажешь ни о Дакотах, ни об Арикарах. Дениг отметил, что за время его жизни на Дальнем Западе он узнал лишь об одном случае внутриплеменного убийства: какой-то индеец ударил плёткой жену своего соплеменника по лицу,

и разгневанный муж зарубил обидчика на месте. Разумеется, родственники погибшего взбесились и хотели немедленно покарать убийцу, однако его друзья сумели отстоять его до наступления темноты, а затем он скрылся, уехав в племя Змей. Прошло двенадцать лет, и он вернулся, решив, что всё давно позабылось, но не тут-то было. Абсароки пригрозили, что убьют его, если он останется в их деревне, и он вновь ускакал и более никогда не возвращался на родину.

Воронье Племя научилось разрешать внутриплеменные недоразумения, отбирая у виновных лошадей. Никто никого не колотил, не пытался коварно умертвить. Платой за оскорбление или материальный ущерб являлись лошади. Ларок писал, что «Вороны ссорятся редко, а в случаях каких-то конфликтов дело обычно улаживается тем, что одна из сторон дарит другой ружья или лошадей. Но ссоры происходят нечасто, да и те обычно устраиваются жёнами из-за их ревности». Даже за супружескую измену обманутый муж может отнять у любовника своей жены нескольких коней, а то и целый табун. Если вдруг любовник окажется из числа бедняков и конями у него не разжиться, то обиженный муж запросто возьмёт часть табуна его родственников. Никто не только не осудит мужа за это, но, наоборот, подавляющая часть племени поддержит его. Случись нечто подобное в других племенах, такого мужа просто убили бы, как убивали обычных конокрадов. Если случалась описанная выше ситуация, то неверная жена обычно оставалась с незадачливым любовником, а он прилагал все усилия, чтобы выкупить своих лошадей. Одним словом, при помощи лошадей можно было уладить любой конфликт, кроме убийства.

Что же до супружеской неверности, то это всегда был хороший предлог для обманутого мужа увеличить поголовье своего табуна без особых усилий, так как в действительности Абсароки не слишком пеклись о моральных устоях семьи. Большинство путешественников склонны называть Аб-

сароков неутомимыми попрошайками и обманщиками. Особенно это относилось к юношам, детям и женщинам.

«На зимовках возле фортов они умудряются пробираться в самые укромные уголки и надоедать там белым людям безостановочным выклянчиванием. Они распугивают домашних животных и воруют всё, что попадаеься им на глаза: ножи, топоры и так далее. Особенно преуспели в воровстве старухи. Клептомания — их вторая натура. Даже в своих стойбищах Вороны не сдерживают своей страсти к воровству. Когда в лагере раскладываются на просушку бизоньи шкуры, которых после охоты набирается великое множество, индейцы без малейшего зазрения совести таскают их друг у друга. Но лошадей или ружья они не крадут у соплеменников. Если и случается, что кто-то из Ворон ворует коней у людей своего племени, владелец без труда забирает их обратно» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

«Один молодой человек взялся за мой карманный компас, который я носил на шнурке. Он собирался забрать у меня компас силой, чтобы повесить его в качестве украшения на свою шею. Я отказывался, но чем упорнее я стоял на своём, тем настырнее становился он. Он предложил мне красивую лошадь за мой компас, затем предложил все свои замечательные костюмы и оружие. Я продолжал отказываться. Тогда он разозлился, и лишь благодаря участию Шарбоно я избежал неприятной, а возможно и насильственной сцены...» И чуть дальше: «Вороны смотрят на присутствие белых сдержанно. Их гордость, правда, контрастирует с их пристрастием к воровству и попрошайничеству, что делает их весьма беспокойными» (Maximilian).

При своём огромном пристрастии к воровству Абсароки отличались щедростью по отношению к одноплеменникам. Останься кто-то из индейцев после нападения врагов или по какой-либо иной причине без лошадей, всегда нашлись бы несколько человек, которые с готовностью отда-

ли бы пострадавшему часть своего табуна. Но многие из них поступали так в рассчёте на хорошее вознаграждение в будущем.

«Представители мужского пола абсолютно безрассудны, когда дело доходило до драки, и наглы в общении. Женщины — неописуемо шумны… Никто из Ворон будто и понятия не имеет о правилах приличия. Молодые люди бегают день и ночь за женщинами, замужними и свободными. Никому и в голову не приходит подумать о женской добродетели. В этом смысле они совершенно беззастенчивы и при свете дня домогаются друг друга, не взирая на присутствие посторонних. Глядя на них, создаётся впечатление, что они нарочно выставляют напоказ свои нескромные желания, так как никто из них не пытается хоть как-то завуалировать свои притязания, но наоборот они всеми силами выпячивают взаимные домогательства противоположных полов. Никто не осуждает девиц за утерянное целомудрие… Женщина считается недостаточно хорошей, если до замужества она познала только одного мужчину. Если и можно отыскать среди них добропорядочную жену, то такая могла вырасти только под личным присмотром мужа, если бы он взял её под своё крыло в возрасте 10—13 лет» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Это очень похоже на Тибет, где девушки носят на шее дары, полученные за нарушение целомудрия и за проявление пылкости, а именно — кольца любовников, и чем их больше у девушки, тем торжественнее справляется её свадьба. Лоуи подчёркивал в «Заметках о социальной организации и обычаях Манданов, Хидатсов и Ворон», что мифология Абсароков и их древние песни насквозь пронизаны свидетельствами неограниченного волокитства. Максимильян вспоминал: «Мне рассказывали о представительницах женского пола Абсароков, что они, как и женщины Арикаров, — самые безнравственные из всех женщин Миссури». Но это высказывание Максимильяна не может, конечно,

служить серьёзным аргументом.

Полная свобода в сексуальных отношений Абсароков привела к тому, что эти индейцы были вынуждены даже изменить форму некоторых своих церемоний. Так как, например, процедура священной посадки табака в былые времена предполагала участие в ритуале девственниц. На расчищенную для посадки табака площадку целомудренные девушки выносили хворост, который сжигался, превращался в золу и рассеивался по всей посевной площади. Позже место девственниц заменили замужние женщины строгого поведения, не знавшие никого из мужчин, кроме своего мужа. Со временем женское целомудрие сделалось такой редкостью, что Абсароки готовы были вовсе отменить эту важную для племени церемонию. В конце концов старейшины решили, что будет достаточно, чтобы в священнодействии принимала участие *хотя бы одна* юная девственница на всё племя, которую, конечно, всегда можно отыскать.

Мне не хочется, чтобы у читателя составилось превратное впечатление об Абсароках. Любовные похождения свойственны всем без исключения индейцам и всем без исключения другим расам Земли. Это чисто человеческие качества. Белые люди, соприкасавшиеся с «дикими» американскими аборигенами, не уставали выказывать своё удивление разнузданностью краснокожих, но их высоко поднятые брови в действительности не всегда соответствовали истинному положению вещей. Так, Томпсон весьма категорично заявлял, что всякая танцующая на публике женщина — обязательно куртизанка. Но разве это утверждение можно принимать всерьёз? А принимая во внимание тот факт, что подавляющее большинство индейских плясок проходило на виду всего стойбища, нетрудно представить, насколько распутными выглядели в глазах Томпсона все краснокожие женщины. Александр Генри безапелляционно утверждал, что «женщинам Манданов вовсе не ведомо чувство благопристойности, а муж может одол-

жить свою жену за одну блестящую пуговицу с сюртука».

Предрассудки многих первопроходцев зачастую не позволяли им увидеть положение дел в истинном свете и вынуждали авторов искажать действительность, преломляя её через призму своей ограниченности. Не обладая достаточной широтой взгляда, исследователи с лёгкостью ставят клеймо позора там, где нужно было бы восхититься ещё одной открытой гранью бытия. В государствах Конго, Ангола и Матамба не было позорно для мужа продать свою жену, для отца — продать сына, для сына — продать отца. В этих странах было известно только одно преступление — не дать первых плодов жатвы верховному жрецу. У каждого народа свои понятия о нравственности, и эти понятия вполне обоснованы для конкретного времни и места. Почему же американские индейцы должны были чувствовать себя ущербными, делясь своими женщинами с приезжими людьми? Наоборот, они ощущали лёгкость на сердце, сумев угодить гостю во всём. А уж если их жён благодарили подарками за оказанные услуги, то радости мужчин не было предела. Многие христианские миссионеры, говоря о духовности американских аборигенов, подчёркивали, что индейцы были чисты душой. И священников не оскорблял тот факт, что дикари были, с точки зрения европейской морали, более распущенными в сексуальных отношениях. Нормальному человеку всегда понятно, что такого рода «разврат» представляет опасность только тогда, когда он связан с какими-то душевными пороками.

Представители обоих полов отличались сумасбродством, но самыми беспокойными существами Абсароков были дети. Им, особенно мальчуганам 9—14 лет, позволялось делать всё, что угодно. Их не наказывали ни за какие шалости, даже если они переворачивали всё вверх дном. Им *не разрешалось* лишь *баловаться с оружием взрослых и с какими бы то ни было священными вещами*.

Мужчины племени заметно выделялись своим обликом

среди большинства племён Северной Америки, воинское сословие Абсароков считалось самым ярким. Они были высокими, стройными, пропорционально сложенными, смотрели на мир свирепыми глазами и улыбались, показывая ровные белые зубы. Их наряды были столь умело расшиты, что стоимость каждой рубахи нередко приравнивалась к двум, а то и трём лошадям. Мужчины Абсароков всегда выглядели на редкость чистыми и опрятными. Они отращивали длиннющие волосы, нося их тщательно расчёсанными на пробор, смазывая их жиром, связывая на конце и украшая по всей длине капельками белой глины. Некоторые срезали волосы над лбом и, густо обработав жиром, носили их «ёжиком». С каждой стороны головы висели нити бус или нанизанные на шнурок речные раковины.

«Они носят волосы сплетёнными в косы, обмазанные салом. Косы достигают в длину нескольких десятков сантиметров. На лбу они выстригают волосы и носят их стоймя. С каждой стороны головы на уровне уха опускаются нити с бусами или раковинами. Обычно они покрывают лицо алой краской, обводя глаза жёлтыми линиями. К проколотым мочкам ушей подвешены круглые, гладко обточенные морские раковины, которые отливают зеленоватым или голубоватым цветом. Эти раковины поступают с калифорнийского побережья во многие племена» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

«Обликом своим эти индейцы схожи с Хидатсами, происходя в давнем прошлом от одного народа, что доказывает сходство их языков. Длинные волосы считаются большой красотой. Волосы одного из вождей, которого так и звали Длинные Волосы, достигали в длину десяти футов и стелились по земле за ним, когда он ходил» (Maximilian).

«Что касается женщин Вороньего Племени, то это самые ужасные существа, которых породила природа. Им характерны ужасные черты лица, отвратительные привычки, коротко остриженные и насквозь пропитанные алой краской

волосы, вымазанные кровью во время траурного плача по погибшим родственникам физиономии. Они отрубают себе пальцы в знак траура. Молодые женщины смотрят на окружающих пронизывающим хитрым взглядом. У них маленькие носы и пухлые губы. Красные глаза указывают на присутствие венерических заболеваний. Голые руки, торчащие из-под кожаных рукавов, всегда вымазаны слоем грязи. Некоторые из женщин весьма толсты и весят от 250 до 300 фунтов, их огромные обнажённые груди отвисают чуть ли не до колен. Поскольку почти ежедневно погибает кто-то из их родственников, женщины бродят в рваных старых платьях, их лица выпачканы грязью и золой. Всё же многие из них имеют очень красивые наряды, которые они надевают по специальным случаям. Однако чаще всего они одеваются плохо, и уделяют очень мало внимания своему внешнему виду. Даже странно, что рядом со столь обаятельными мужчинами живут такие дурные женщины. Но судя по всему, эти мужчины не имеют никакого представления о той красоте, какая существует в нашем понимании. Поэтому их вполне удовлетворяют уродливые женщины. Обычно же Вороны не придают значения красивой внешности, и молодая девица приятной наружности вызывает в них не больше желания, чем любая другая» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

На мой взгляд, Дениг нарисовал не портрет женщин Вороньего Племени, а по-настоящему страшную карикатуру. Нет никаких сил заставить себя поверить, что вся женская половина племени представляла собой поголовно вонючих страшил с «огромными обнажёнными грудями, отвисающими чуть ли не до колен».

Кэтлин и Курц в общем-то поддерживали точку зрения Денига по поводу красоты этих женщин, хотя выражались и не в столь категоричных формах. «Женщины Ворон славятся больше своим умением выделывать и расшивать кожу, а не красотой лица или тела» (Kurz «Journal»). А Кэтлин

говорил: «Женщин Ворон не назовёшь симпатичными, так что я не стану уделять им много внимания. Как и все индеанки, они — рабыни своих мужей, несут на своих плечах всё домашнее хозяйство». Но что касается внешнего вида и опрятности, то Кэтлин явно не соглашается с Денигом: «Женщины здесь одеваются достойным образом, многие даже пышно и с большим вкусом. Их платья из кожи оленя или горного барана шьются очень длинными и опускаются от подбородка до самой земли. Эти платья часто украшены шкурками горностая и изящно расшиваются иглами дикобраза и бусами. Женщины Ворон, как и другие индеанки, которых мне приходилось видеть, расчёсывают волосы над лбом на пробор и втирают в пробор красную глину, разведённую на жире» (Catlin «Notes and Letters»).

О мужчинах Кэтлин отзывался с особенным восторгом: «Где бы они ни появились, их всегда узнаёшь по прекрасной белой одежде и высокой, элегантной фигуре. Большинство мужчин достигает шести футов. Черноногие, в сравнении с Воронами, больше похожи на Геркулеса, широкоплечи, коренасты, с раздутой грудной клеткой, да и костюмы их обычно шьются из тёмно-коричневой кожи... Вороны — самые очаровательные индейцы, и с момента нашего знакомства они вели себя очень дружелюбно. Впрочем, эти люди иногда нападали на путешественников и звероловов, когда те появлялись на их территории. Мне даже приходилось слышать, что их называли разбойниками и ворами высшего пошиба. Но сами-то они не считают себя таковыми. Воровство, по их понятиям, есть самое гнусное занятие. Они же называют свои деяния *ловлей и захватом*, когда, например, воруют лошадей у каких-нибудь трапперов и высоко оценивают такие *подвиги*... А почему бы нет? Раз уж белые люди незаконно вторгаются на их территорию, пересекают её из конца в конец, бьют дичь, вылавливают бобров и добывают прочие ценные меха, не платя за это ни гроша, индейцы полагают вполне естественным брать у европейцев то, что

им по вкусу. Читатель, я смотрю на индейцев как на самых честных и благородных представителей человеческой расы из всех, которых мне приходилось встречать когда-либо. Что же до воровства, то я утверждаю, что индеец ни при каких обстоятельствах не позволит себе украсть у вас что-нибудь, если вы доверитесь его чести» (Catlin «Notes and Letters»).

Об их пристрастии к грабежам писал Вильям Гордон в своём отчёте о состоянии торговли пушным товаром (октябрь 1831): «Весной меня ограбили индейцы Вороньего Племени — люди, среди которых я провёл целую зиму, которым делал всяческие подарки и вообще был с ними в наилучших отношениях. Однако стоило им повстречать меня, когда я был совершенно один, они без колебаний отобрали у меня абсолютно всё, даже порох и свинец, предназначенный для моего личного пользования. После того меня грабили ещё дважды... Так что мне хорошо знакомы опасности торговли... Они не стыдятся воровать и запросто рассказывают об этом с присущей им откровенностью...»

«Я вспоминаю, что в Сент-Луисе и в других местах меня предупреждали неоднократно, что Вороны — отъявленные разбойники, бродяги, грабители с большой дороги и прочее, прочее, прочее. Это мнение сделалось расхожим особенно после того, как Вороны угнали несколько лошадей у Крука и Ханта из Пушной Компании, когда те проезжали по их земле, направляясь в Асторию... эти господа двигались по территории Ворон с большим грузом — везли с собой ружья, боеприпасы, ножи, копья, наконечники для стрел и всякое другое. Они сделали стоянку в самом сердце страны Ворон. Думаю, что они зазимовали там. Вокруг них стали скапливаться в большом количестве индейцы. Общение было мирным, дружеским. Индейцы хотели купить товары и предлагали множество лошадей в качестве оплаты. Но торговцы отказались, намереваясь доставить груз до места назначения. Вороны были расстроены таким поворотом

дела, поняв, что товары предназначались для их врагов. Нет никакого сомнения в том, что белые объяснили индейцам, что везли груз в Асторию, однако Вороны понятия не имели об указанном месте, но хорошо понимали одно: раз белые люди везут товары через горный хребет, значит, груз предназначается для Черноногих, то есть для их главных врагов, которых насчитывается не менее восьми или даже десяти на каждого Ворона. Такой ход мыслей не мог не разозлить Ворон, и они ускакали прочь, угнав с собой несколько лошадей из обоза Крука и Ханта… Для индейца такой поступок является своего рода возмещением морального ущерба за понесённую обиду. Если же не удастся поквитаться таким способом с обидчиками, то гнев обрушится на голову другого первого подвернувшегося Бледнолицего. Я ничуть не удивлюсь, если меня самого ограбят и я лишусь моей лошади. Не удивлюсь, если нечто подобное произойдёт и с вами, когда вы отправитесь в ту страну» (Catlin).

Примерно половина мужчин племени имеет по несколько жён, остальные — по одной. Ларок писал, что некоторые воины имеют до двенадцати жён. «Но не все они проживают с мужем, так как некоторые ещё совсем молоденькие девочки. Основная же часть воинов имеет по 2—3 жены. Кое-кто живёт с единственной женой, и над ним обязательно подтрунивают многожёнцы».

«Собственность у мужчин и женщин раздельная. Каждый имеет своих лошадей, украшения, всякие другие вещицы. Не надеясь на взаимную верность и преданность, они всегда готовы к немедленному разводу, случись малейшая семейная ссора. Если такое происходит, то муж забирает из детей к себе мальчиков, а жена уводит девочек. Ружья, лук, амуниция и прочие принадлежности воинского мира принадлежат мужчине, в то время как котлы, кастрюли, шкуры и всякая всячина из домашнего обихода являются собственностью женщины. Палатка тоже считается собственностью жены, равно как и все вьючные лошади. В свя-

зи с постоянным дележом имущества открытым остаётся вопрос, какие вещи следует закупать, когда племя едет сбывать бизоньи шкуры в форт. Ведь в зависимости от того, какая покупка будет сделана, становится ясна и её принадлежность. Женщины, разумеется, стараются купить то, что в случае будущего развода останется за ней. Бывает и так, что шкуры заранее раскладываются по принципу «это твоё, а то моё».

Вороны безумно любят детей. Что бы дети ни просили, взрослые обязательно удовлетворяют их желания. Если вдруг ребёнок заболевает, то родители идут на любые затраты, которые требует врачеватель. В случае смерти ребёнка они безутешны.

Когда кто-то умирает, каждый родственников отрезает себе одну фалангу пальца. Делают они это так: кладут на лезвие топора или ножа палец и ударяют по нему тяжёлым поленом или рубят другим ножом. Случается, что удар не очень точен, и лезвие ломает кость посредине, а не в мягком суставе между фалангами. В таком случае рана заживает очень долго, и обычно обломок кости остаётся торчать наружу, что выглядит весьма гадко. Мужчины и женщины не отстают в этом деле друг от друга. Мужчины, правда, более избирательны в таком членовредительстве. Будучи воинами, они не могут позволить себе стать беспомощными и обречь семью на голодное и беззащитное существование, поэтому никогда не отрубают себе большие пальцы и обязательно оставляют указательный палец на левой руке и два пальца (помимо большого) на правой» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Леонард Зенас был свидетелем подобного самоистязания 21 ноября 1834 года, когда Абсароки возвратились после сражения с Черноногими и подтверждает, что «ни один из мужчин не рубил себе два первых пальца на правой руке, иначе воин не сможет натягивать тетиву и пускать стрелы. У большинства пожилых женщин отсутствовали все первые

фаланги пальцев, а у некоторых не хватало и вторых». Вороны никогда не перевязывали такие раны, но, покуда кровь текла, мазали ею свои лица, а затем прикладывали к ране полынь. Они не смывали с лиц кровь, но ждали, пока она засохнет и отшелушится сама. Некоторые после этого резали кожу на своих ногах и снова пачкали лица кровью. В знак скорби многие коротко обрезали волосы на голове, а кое-кто вырывал волосы клочьями, чтобы причинить себе боль. Оплакивание умерших иногда затягивалось на целый год, женщины приходили к могиле ежедневно, одетые в старые рваные платья, хранившиеся в каждой семье специально для траурных случаев. Плач и отчаянные крики продолжались обычно до полной потери голоса. «Когда мы стали лагерем на Большой Реке, пришло известие, что моего брата убили Лакоты. Моё сердце упало. Я скорбел вместе с родителями и в одиночку. Я изрезал себе всё тело и ослабел от потери крови» («Plenty Coups»).

«Во время летнего кочевья племя представляет собой живое и яркое зрелище. Мужчины и женщины облачаются в свои лучшие платья и садятся на самых хороших лошадей. Их многочисленные стада украшены броскими уздечками и красивыми сёдлами, многие лошади накрыты алыми одеялами, гривы и хвосты многих коней убраны перьями. Мужчины одеты в пышные рубахи, богато расшитые и обрамлённые по швам человеческими волосами и горностаевыми хвостиками. На головах у воинов покоятся причудливые уборы самых разных видов. Яркого цвета одеяла и сшитые из пурпурной ткани ноговицы составляют основные детали туалета юношей, не успевших до поры зарекомендовать себя на военной тропе. Эти молодые люди густо смазывают свои лица краской и украшают уши и шею связками ракушек и бус. Женщины обычно одеваются в алые или голубые платья. Некоторые делают костюмы из выделанной добела шкуры горного барана, расшивая грудь и спину рядами лосиных зубов и морских раковин. Такие платья обрамлены

густой бахромой из горностая или перьев. Стоимость 100 лосиных зубов приравнивается к одной хорошей лошади или к 50 долларам. Но платье не считается доделанным, пока на нём нет 300 лосиных зубов, то есть со всеми прилагающимися ракушками, кожей и т. п. цена доходит до 200 долларов.

Во время поездки женщина привязывает к луке своего седла некоторые личные вещи мужа: магическую сумку и щит. Мужчина везёт своё ружьё и другое оружие сам и всегда готов к тому, чтобы отразить внезапную атаку врага.

Весь домашний скарб уложен на вьючных лошадей. Всевозможные котелки, плошки, тарелки — всё находится в предназначенном именно для этой цели мешке. Поверх вещей обычно сидит кто-нибудь из детишек, а иногда сразу два-три ребёнка, управляя лошадью. Нередко вместе с детьми можно увидеть крохотных щенков или малюсеньких медвежат» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Что касается медвежат, то мне никогда не попадалась информация о том, куда медвежата девались позже; никто никогда не рассказывал о том, что в индейских стойбищах жили взрослые медведи. Они либо погибали сами, либо их убивали индейцы. Во всяком случае, медвежатам не удавалось никогда превратиться во взрослых зверей. Но вернёмся к богатству Абсароков — к лошадям.

Ларок обращал внимание на то, что те из детей, которых родители считали слишком маленькими для самостоятельной верховой езды, во время перекочёвок привязывались к седлу ремнями, дабы не упасть под копыта. А Вильям Гордон рассказывал: «Я видел у них в деревне около десяти тысяч лошадей… Дети учатся ездить верхом с раннего детства. Младенец переезжает с места на место, подвешенный в своей люльке к луке седла. Верхом же на лошадь садится, едва научится сидеть вообще. В четыре года они все, независимо от пола, уже ездят верхом самостоятельно и хорошо правят

лошадьми». Ларок заметил, что «у Ворон встречается гораздо больше инвалидов и стариков, чем у других племён». Это явно связано с тем, что Абсароки, владея огромными табунами, имели возможность перевозить слабых людей с места на место, в то время как другие народы сталкивались с необходимостью бросать немощных без присмотра, откуда, собственно, и родился слух о жестокосердном отношении дикарей к своим старикам. «Воронье Племя владело огромными табунами. После того, как во вьюки или на волокуши, связанные из палаточных шестов, грузили всё лагерное имущество, оставались ещё свободными сотни сытых коней» (James Schultz).

«Сложенная палатка полностью умещается на одном коне, а шесты для жилища везёт другое животное. Вороны настолько поднаторели в подготовке к походам, что после того, как они поймают лошадей, все остальные сборы (сворачивание палаток и упаковывание домашнего имущества) занимает у них не более двадцати минут» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

***

Среди Абсароков выросло и завоевало широкую известность несколько выдающихся вождей, которых нельзя обойти рассказом. Одним из них был Гнилое Брюхо.

«Он начал свою военную карьеру в юном возрасте, уходя во главе маленьких отрядов в рейды за лошадьми к Шайенам, Арапахам, Лакотам и Черноногим. Его походы обыкновенно заканчивались удачно, и он пригонял домой большие табуны, не теряя никого из своего отряда. А именно в этом — главная цель всякого вождя, ведь случись в походе чья-нибудь смерть, никакие иные успехи не будут засчитаны. Правда, враги много раз преследовали и настигали его, и тогда он проявлял свои командирские качества. Гнилое Брюхо всегда принимал необходимые меры безопасности, тщательно подбирал людей, хорошо вооружал их. Он заранее присматривал рощицу, где можно было бы спрятаться

и подкараулить преследователей. Если же отступление не было возможным по тем или иным причинам, то он наскоро сооружал укрепление из брёвен и камней. Он часто давал бой, и удача сопутствовала ему… В возрасте 30 лет он стал вождём Вороньего Племени.

Много вещей помогало ему на пути к положению вождя. У него имелись обширные и богатые связи. Многие называли его пророком и шаманом, но он никогда не демонстрировал своих сверхъестественных способностей, не проводил жертвоприношений, не организовывал священных плясок. Он молился далеко в стороне от своей деревни в полном одиночестве. Он не производил впечатления общительного человека, наоборот, он был тихим, мало разговаривал, но если обращался к кому-либо, то повелительным голосом. Его превосходство над людьми заключалось в его решительности и готовности пожертвовать собой…

Получив признание как единственный вождь всей нации, он перестал возглавлять небольшие военные отряды и развернул широкомасштабную войну против врагов. Его первым крупным сражением была схватка с деревней Черноногих, состоявшей из 80 палаток. Это произошло на Реке Раковин. Гнилое Брюхо выслал вперёд разведчиков следить за передвижениями противника чуть ли не за месяц до сражения, собирая тем временем силы Абсароков воедино. Его собственное племя передвигалось так, чтобы не привлечь к себе внимания врага. Когда Черноногим казалось, что Гнилое Брюхо покидал их земли, хитрый вождь в действительности окружал их. Он мечтал напасть на них совершенно неожиданно посреди равнины.

Когда он решил, выслушав всех гонцов, что благоприятный момент наступил, он совершил стремительный переход и поставил лагерь неподалёку от Черноногих, не обнаружив своего присутствия. Под покровом ночи 400 его воинов подобрались ещё ближе. Рано утром, когда вражеский лагерь снялся с места и выбрался на открытое пространство, Гни-

лое Брюхо дал команду атаковать. Обрушившийся на Черноногих удар был ужасен. Вороны были отменно вооружены, сидели на прекрасных конях и, конечно, готовы к бою. Линия Черноногих была в буквальном смысле слова сметена. Те немногие, которые пытались защищаться, погибли. Женщины и дети попали в плен. Большинство мужчин Черноногих двигалось во главе колонны, и не сразу среагировали на внезапную атаку. Собравшись же вместе, они предприняли попытку ответить контрударом, но не могли потягаться с числено превосходящим противником. Несмотря на свою храбрость, многим из них пришлось отступить, оставив свои семьи, другие погибли. После жестокого боя, продолжавшегося несколько часов, более ста Черноногих остались лежать на поле брани. 230 женщин и детей попали в плен. Более 500 голов лошадей попало в руки Ворон, не говоря уже о домашнем скарбе и провизии. Со стороны Ворон погибли 22 человека, многие получили серьёзные ранения... Индейцам редко удавалось одержать столь великие победы» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Похоже, что о том же событии упоминает вскользь и Леонард Зенас, правда, он называет заметно меньшее число павших Черноногих — шестьдесяд девять человек. «Мы стояли лагерем на слиянии Большого Рога и реки Ветра. Вскоре после наступления темноту на наш лагерь напал отряд Черноногих человек в пятьдесят. Они внезапно появились среди наших лошадей, намереваясь, судя по всему, угнать их. Это подняло настоящий шум в стойбище. Все мгновенно были на ногах и полны решимости драться. Враги слишком рано обнаружили себя и им пришлось отступить. Их преследовали через равнину до самого подножия гор. Но так как ночь была чересчур темна, поэтому Черноногих не удалось захватить. Только один из них попал в руки Ворон — верховный вождь Черноногих. Он забрался слишком глубоко в стойбище в надежде захватить лошадь поценнее... В одном из схожих столкновений, когда

погибло 69 Черноногих, Вороны очень горевали по своим погибшим и радость по поводу одержанной победы была не полной. В этот раз они победили, не пролив ни капли своей крови, и торжество их било через край. Похоже, что для для индейцев гораздо существеннее захватить всего лишь один вражеский скальп, но при этом не потерять никого из соплеменников, чем уничтожить солсотни противников, расплатившись за это жизнью хотя бы одного сородича... Вернувшись из погони за Черноногими они долго разглядывали своего единственного пленника, затем отвели его к дереву, привязали за шею к стволу. Мужчины принялись стрелять в него из луков, а женщины втыкали в него остро отточенные палки. Всё это затянулось до получночи, после чего зазвучали песни, начались танцы...» («Narrative of the Adventures of Zenas Leonard»).

А вот ещё одно свидетельство поражения Черноногих: «Мы работали вовсю, свежуя и разделывая мясо для укладки, чтобы везти его домой, как вдруг увидели, что те наши люди, которые находились в дальнем конце участка нашей охоты, поспешно сели на лошадей и быстро поскакали к нам с криками: „Враги! Вороны!“ Затем мы тоже увидели нападающих — много мужчин на лошадях, быстро скакавших на нас. Их длинные головные уборы развевались по ветру; они пели военную песню, она звучала грозно. Ворон было так много, а наших мужчин так мало... бесполезно было сопротивляться. Все сели на лошадей...» (James Schultz «My Life as Indian»). Может быть, этот рассказ Черноногой женщины, попавшей в плен к Абсарокам, повествует именно о том самом массовом избиении, организованном Гнилым Брюхом?

Несмотря на то, что в той беспощадной схватке себя проявил не только Гнилое Брюхо, ему всё же досталась вся слава... Его палатка покрылась рисунками, рассказывающими о деталях сражения... После завершения танцев со скальпами волосы врагов украсили одежду вождя — его рубаху,

штанины и даже бизонью накидку (самый выдающийся знак почёта, который может получить воин). После многодневных праздников Абсароки разделились, как это часто случается, на множество мелких групп.

«Одна из них, состоявшая из 30 палаток, остановилась однажды в верховьях реки Шайен у подножия Чёрных Холмов. Шайены, воинственная нация, от которых и происходит название реки, за несколько лет до этого покинули те края и перебрались на Южный Приток реки Платт. Там, терзаясь постоянными столкновениями с Команчами, они приняли решение возвратиться назад в Чёрные Холмы. Вороны не знали об их появлении, когда отправились в путешествие. Шайены насчитывали 300 палаток, они были богаты лошадьми, всегда считались замечательными воинами. Узнав о приближении врагов, Шайены устроили западню и ночью напали на Ворон, перебив почти всех. Несколько человек, сумевших спастись в темноте, принесли печальное известие своим соплеменникам. Некоторые попали в плен и подверглись пыткам, будь то дети, женщины или старики.

Через неделю-другую спасшиеся добрались до родных мест. Слух о несчастье быстро разнёсся вокруг. Все ждали приезда Гнилого Брюха. Люди обратились к нему с просьбой организовать военный поход ещё раз и покарать врагов. В то время он находился у Плоскоголовых, но дурные вести долетели до него быстро, и вскоре он был среди своих людей, собираясь в поход…

Общее руководство операцией возлагалось на Гнилое Брюхо, но бок о бок с ним ехали и другие известные вожди, такие как Длинные Волосы, Маленький Белый Медведь, Жёлтый Живот, Два Лица и т. д. За каждым из них двигались его личные последователи. Эти «младшие» вожди составляли Совет Гнилого Брюха… Общая численность отряда — 600 человек, то есть примерно четверть всей нации Ворон…

Вороны ехали с большой осторожностью и не обнаружили своего присутствия. Там, где они особенно опасались

присутствия врагов, Вороны продвигались только ночью... Они обнаружили след деревни Шайенов и нашли останки своих погибших соплеменников. Вороны собрали человеческие черепа, кости, поплакали над ними, порезали себе руки в знак глубокой скорби, выкопали глубокие ямы и зарыли в них кости. Это противоречило их традиции, так как мёртвые тела полагается привязывать на деревьях. Но перед ними были только кости, а не человеческие тела... Гнилое Брюхо произнёс речь...

Примерно через десять дней они добрались до реки Арканзас, где нашли свежие следы Шайенов. На следующую ночь Вороны остановились возле того места, где между двумя ручьями располагалось селение Шайенов. Вороны выстроились двумя длинными цепями, соблюдая интервал в 10—20 шагов между воинами. Одной группой руководил Гнилое Брюхо, другую возглавлял Маленький Белый Медведь. Едва забрезжил день, семеро Ворон побежали к стойбищу Шайенов и медленно, чтобы не поднять шума, погнали их лошадей в сторону затаившихся своих соплеменников. Шайены, увидев жалкую горстку врагов, нагло ворующих целый табун, бросились в погоню пешком. 60—80 главных воинов Шайенов внезапно оказались между двумя линиями Ворон, которые одновременно вскочили на ноги, подняв громкий крик, и взяли Шайенов в кольцо. Из попавших в окружение ни один не уцелел. Вороны дали всего один залп, но этого оказалось достаточно... Через некоторое время была одержана полная победа. Шайены потеряли 200 человек убитыми, 270 женщин и детей попали в плен к Воронам. Они захватили более 1000 лошадей. Сами же потеряли пятерых, и человек 10—15 были ранены. Цель экспедиции была выполнена, месть совершена.

Это случилось в 1833 году, когда общее число Вороньего Племени составляло приблизительно 800 палаток (примерно по 8 человек в каждой, то есть 6400 душ в общей сложности). В это время переселенцы устремились к плодородным зем-

лям вокруг реки Арканзас, и каждый следующий обоз был многочисленнее предыдущего. Победоносно возвращавшийся на родину отряд Ворон повстречался с одним из караванов белых людей… Переселенцы знаками давали понять индейцам, чтобы они не приближались. Оказалось, что среди белых людей были тяжело больные. Пришлось приложить огромные усилия, объясняя индейцам всю глубину угрожавшей им опасности, но тщетно. Кое-кто из Ворон всё же вступил в контакт с носителями болезни. Прежде чем отправиться дальше, некоторые из индейцев захворали, по приезде в родную деревню недуг свалил уже добрую половину отряда. Можно представить себе отчаянье, охватившее людей, когда смерть принялась собирать урожай в стойбище. Сокрушительная сила оспы в индейских селениях описывалась уже не раз. В данном случае всё происходило так же, как в иных племенах, умирало шесть человек из семи заболевших. Как только Вороны сообразили, что произошло, они разбились на мелкие группы и разбежались в разные стороны, прячась в горах от эпидемии. Весь строгий порядок племени, с таким трудом установленный Гнилым Брюхом, был развален в считанные дни. Никто не пытался взять на себя руководство. Каждая семья думала только о себе. Мёртвые и умирающие бросались на съедение волкам…» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Дениг утверждает, что из 800 палаток осталось 360 малонаселённых жилищ, но к моменту написания книги (1856) их число увеличивалось до 460. Любопытно, что Зенас Леонард ничего не сообщает об эпидемии 1833—1834 годов среди Абсароков. Нет никаких упоминаний об оспе в этом племени и у Максимильяна. Шардон пишет, что Абсароки немного пострадали от эпидемии 1837 года. Дениг сообщает, что болезнь обошла Гнилое Брюхо стороной. Маленький Белый Медведь заразился, но оправился, хотя «ряды его воинов страшно поредели».

Традиционно индейцы считали белых людей главными

виновниками таких бед, что было вполне естественно. Как бы европейцы ни пытались откреститься от этих обвинений, факт остаётся фактом — оспу, холеру, корь, свинку и прочие инфекционные заболевания привезли в Америку именно белые люди. Индейцы, попадая под удар эпидемий, всегда высказывали желание отомстить «бледнолицым псам за их подлость». К этому призывали даже самые дружественно настроенные вожди. Вспомнить хотя бы вождя Манданов по имени Четыре Медведя. Он считался наиболее надёжным индейцем, на его поддержку служащие форта Кларк могли рассчитывать в труднейших ситуациях, и всё же он, умирая от оспы, призывал: «Друзья мои, выслушайте, что я вам скажу. Сколько я себя помню, я всегда любил белых людей. Я жил рядом с ними с тех пор, как я был мальчишкой. Мне радостно осознавать, что я не сделал ничего плохого ни одному белому человеку. Наоборот, я всегда защищал их и ограждал от оскорблений. Этого никто не может отрицать. Четыре Медведя видел голодного белого человека, но он накормил его, напоил, дал бизонью шкуру для сна. Я всегда был готов умереть за них. Это правда. Я сделал всё, что мог сделать краснокожий человек для них. И вот чем они отплатили! Неблагодарностью! Я ни разу не обозвал белого человека собакой, но сегодня я объявляю их всех сворой чёрных псов! Они обманули меня. Я считал их братьями, но они оказались страшнейшими врагами. Я участвовал во многих битвах, бывал ранен, но сегодняшние раны мне нанесли люди, которых я называл братьями! Я не боюсь смерти, мои друзья. Вам это известно. Но умереть со сгнившим лицом, с обликом, от которого даже волки будут в ужасе шарахаться прочь, — что может быть хуже! Волки будут шептаться: „Это Четыре Медведя — друг Бледнолицых!“ Прислушайтесь к моим словам, ибо это последнее, что я говорю. Подумайте о своих жёнах, детях, братьях, сёстрах и друзьях. Подумайте о всех, кто вам дорог, но теперь умер или умирает. Их лица сгнили. В этом виноваты те самые

псы-Бледнолицые. Подумайте над этим, друзья мои, подумайте хорошенько и не оставьте никого из них в живых!»

Что же должны были чувствовать более «дикие» краснокожие? Гнилое Брюхо, испытывая неприязнь к белым людям (по этой или по какой-то иной причине), решил «наказать» их. Дениг пишет, что «давней мечтой вождя было ограбить форт Американской Пушной Компании, расположенный в устье реки Maria». Трудно сказать, откуда это известно Денигу, возможно, кто-то из индейцев поведал ему об этом. Но даже если мысль о нападении на крепость белых людей пришла ему внезапно, она послужила поворотным ключом его оставшейся жизни.

«Черноногие были заклятыми врагами Ворон, и в этом форте они приобретали ружья, амуницию, ножи и прочие принадлежности войны. Черноногие убивали и многих белых людей, так что торговцы из форта, терявшие своих друзей от рук Черноногих и всё же продолжавшие торговать с ними как с друзьями, заслуживали не лучшей участи, чем сами Черноногие. Гнилое Брюхо растолковал соплеменникам, что все военные отряды, проходящие мимо форта и направляющиеся в страну Ворон, снабжаются оружием именно в форте, а большинство угнанных у Ворон лошадей в том форте сбывается. Кроме того, в ослабленном после эпидемии состоянии Вороны не могут тягаться с Черноногими. Оружия осталось мало, его похоронили с его владельцами. Боеприпасов не хватает. И вообще в течение эпидемии Вороны растеряли своё имущество. Им нечем жить, не говоря уже о том, чтобы защищаться! Вождь перечислил все эти причины на собравшемся совете, привёл много других аргументов и заключил, что нападение на форт полностью поправит пошатнувшееся положение племени» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Разве не похожа эта ситуация на упомянутые раньше, когда, например, Большебрюхие Атцины собирались напасть на форт и поживиться находившимся за стенами бо-

гатством? Когда вождям становилось трудно удержать свой авторитет, вся вина за любые неприятности сваливалась на белых людей. И дикари с лёгкостью принимали на веру, что одно-единственное нападение на форт раз и навсегда избавит их от всех бед. Удивляет то, что подобные планы возникали достаточно редко, хотя приводимые в их защиту доводы были у всех племён одинаковые: «Белые дают нам мало, поэтому мы заберём у них всё без остатка».

«Когда решение о нападении на крепость было принято, Маленькому Белому Медведю поручили поехать вперёд с его отрядом в 30 человек для разведки, пока оставшаяся часть племени подготовится для похода к форту. Они настолько были уверены в успехе, что заготовили 1000 сёдел для будущего богатства. Племя выступило на десять дней позже разведывательного отряда и шло неторопливо, везя с собой все палатки и семьи, продвигаясь по территории, полной бизонами, останавливаясь то и дело для заготовки сушёного мяса, которое могло потребоваться им во время намечаемой осады форта. Общее число боеспособных мужчин в том отряде было 1100—1200, но мало кто из них имел огнестрельное оружие.

Отряд Маленького Белого Медведя скакал по земле Черноногих, не встречая врагов, ушедших в те дни к торговым постам Компании Гудзонова Залива, построенных на притоках реки Саскачеван. К концу лета Черноногие должны были возвратиться к берегам Миссури.

Разведчики подкрадывались к форту по ночам, а днём наблюдали издали, пересчитывая число служащих крепости, изучая распорядок, выясняя, как охранялись лошади и где было бы удобнее стать лагерем, чтобы не попасть под огонь пушки. Удовлетворившись полученной информацией, Маленький Белый Медведь повернул свой отряд обратно. Казалось, всё благоприятствовало экспедиции. Близ форта паслось много бизонов, так что в мясе не будет недостатка.

Разведчики скакали в приподнятом настроении. И так

спешили они навстречу своему племени, что забыли о всякой осторожности, путешествуя по чужой территории. Не обследуя местности, они мчались, распугивая бизонов и оленей. Естественно, это привлекло внимание большого отряда Черноногих, отправившихся в поход против Ворон. Понятно, что у Черноногих были все преимущества перед расслабившимися врагами. Ночью они подступили настолько близко к стоянке Маленького Белого Медведя, что видели даже костры. Вперёд прокрались лазутчики, разузнавшие численность вражеского отряда и подслушавшие, о чём разговаривали Вороны. Черноногих было около ста шестидесяти человек, их возглавлял Пятнистый Лось, опытный боец.

Утром, пока большинство Ворон продолжало спать, беззаботно побросав своё оружие, Черноногие напали и в считанные минуты покончили с врагами. Маленький Белый Медведь погиб. А четырём Воронам удалось сбежать. Они-то и принесли соплеменникам весть о внезапном разгроме отряда. Велика была скорбь по павшим. Маленький Белый Медведь был горячо любим своим народом. Он был приятным в общении, мягким, доводился родственником Гнилому Брюху и был его главной опорой... Теперь поход на форт белых людей приобрёл совершенно иной оттенок и стал первостепенной важности.

Едва прошла первая волна скорби, Гнилое Брюхо поднял весь лагерь и вновь пустился в путь, и быстрым маршем Вороны добрались до окрестностей торгового поста. Примерно *первого августа 1835 года* они поставили свои палатки на горе, поросшей соснами и возвышавшейся почти в 20 милях от форта» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Здесь я вынужден вновь обратить внимание на столь часто проявляемую Денигом невнимательность, которую можно объяснить лишь тем, что он, не считая себя историком, не придавал большого значения датам (если не сказать, что он вовсе не обращал на даты внимания). Поход и осада Во-

ронами форта Юнион произошёл, конечно, *не в 1835 году, а годом раньше*, и в любом случае к первому августу вся история уже закончилась, так как уже запись в ежедневнике форта Кларк от восьмого августа 1834 года гласит: «От Большебрюхих приехал Мэй с известием о гибели Гнилого Брюха. Его убили Черноногие». А до них новость должна была ещё дойти. Так что здесь Дениг показывает редкую недобросовестность.

«Возле своей стоянки они повстречали белого траппера по имени Джеймс Коатс, с которым были прекрасно знакомы. Всю весну он провёл на охоте в Скалистых Горах и теперь возвращался к форту продать бобровые шкурки. Этот мужчина в течение нескольких лет жил среди Ворон и вместе с ними промышлял ловлей бобров. Он знал их язык и считался другом. Однако Вороны не пустили его в крепость, опасаясь, что он раскроет их планы...

В форте обычно размещалось от 30 до 50 человек, они жили там всю осень и зиму. Но большинство из них уезжало летом вниз по Миссури, чтобы отвезти скупленные весной шкуры. Так что с весны до конца лета в форте Юнион находилось человек десять-пятнадцать. В августе-сентябре возвращались с товарами уплывшие весной лодочники, и служащие получали долгожданное подкрепление. Именно в этот отрезок времени, когда людей внутри частокола было мало, Вороны намеревались напасть на пост или вынудить его защитников сдаться после осады. Когда индейцы появились, фортом командовал Александр Калберстон, человек опытный и решительный, ставший Главным Агентом Компании на всей территории Верхнего Миссури. Он многие годы провёл в качестве купца среди различных племён, свободно разговаривал на нескольких языках и был в курсе самых деликатных вопросов, касающихся индейских обычаев. Он ничего не знал о намерениях Ворон, но всегда принимал необходимые меры предосторожности, так как понимал, что в стране, кишащей воинственными

и свирепыми племенами, расслабляться было нельзя. На бастионах день и ночь стояли дозорные. Почти все служащие постоянно находились внутри, и лишь несколько человек оставались снаружи, карауля лошадей» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

И всё же индейцы сумели подкрасться ночью, спрятаться у берега и утром, когда в очередной раз лошадей вывели на пастбище, они оттеснили охрану и угнали весь табун. Вскоре после этого весь лагерь Абсароков появился в поле зрения белых людей, но на безопасном расстоянии. Гнилое Брюхо подъезжал со своими помощниками несколько раз к воротам крепости и просил впустить их внутрь. Он разговаривал очень дружелюбно и обещал вернуть всех украденных лошадей.

— Мы не причиним зла, — он помогал себе жестами, — мы не хотим причинять ничего дурного белым людям. Мы разыскиваем лишь Черноногих.

— Зачем же вы увели наш табун?

— Это недоразумение, — улыбался вождь в ответ. — Юноши с горячими головами совершили ошибку. Я разберусь с этим. Я верну лошадей. Но впустите меня внутрь. Я хочу поговорить с вами спокойно.

Он надеялся лично увидеть, каковы продовольственные и военные запасы белых людей. Он хотел знать наверняка, сколько ему придётся провести времени перед стенами форта. Но Калберстон не открыл перед ним ворота. Дениг сказал, что «мистер Калберстон остался глух ко всем просьбам вождя и велел ему уйти восвояси».

День шёл за днём. Жители форта с нетерпением ждали появления Черноногих, понимая, что это заставит Абсароков уйти прочь. Однако Черноногих не было. Продукты закончились, но охотой заняться белые люди не могли.

«Каждый день приносил усиливающееся чувство голода, старые шкуры, башмаки — всё было съедено. И нечем было себя подбодрить. Люди начали поглядывать друг на друга

со злобой. Отчаянье достигло предела. И тогда Калберстон созвал всех и объявил, что придётся дать Воронам бой. Он предложил поутру дать по индейцам залп из пушки, напасть на их деревню и сражаться до последнего вздоха. Всё равно терять больше нечего… По своему опыту Калберстон знал, что хорошо проведённая артиллерийская подготовка заставит индейцев отступить… Никто не протестовал против этого плана. Люди были готовы к худшему. Даже те, кто совсем недавно страшились смерти, теперь приобрели решимость. Осада продолжалась уже целый месяц. В стойбище индейцев имелось вдоволь мяса, и дикари явно не собирались отступать от своих намерений.

И вот в назначенное утро, когда защитники форта готовились нанести свой отчаянный удар, с бастиона заметили необычное движение в лагере индейцев. Там собирали лошадей, воины бегали с оружием в руках, многие разъезжались в самых разных направлениях. Объяснение внезапному оживлению Ворон пришло, когда наблюдатели заметили за лесным массивом голубые струйки дыма.

— Это стойбище Черноногих, это наши друзья! — закричали белые люди и отложили оружие. На лицах появились улыбки.

Вороны, отправившиеся на разведку, очень быстро примчались обратно, и весь лагерь начал поспешно сворачиваться. Уже до наступления полудня вся деревня переправилась через Миссури и скрылась из вида. В тот же вечер несколько гонцов от Черноногих прискакали в форт, а на следующий день 800 палаток этого племени расположились под стенами форта, угощая белых людей свежим мясом» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»)

Дениг сильно преувеличивает, утверждая, что осада была столь продолжительной. Видно, за десятилетия устных пересказов этой истории событие обросло новыми деталями и приняло иные масштабы. Разные источники говорят об этой осаде весьма противоречивые вещи. В сохранив-

шемся списке дневника Калберстона сказано, что *осада продолжалась лишь два дня* (25—26 июня) и что уже 30 июня к форту приехали первые Черноногие. Впрочем, Арчдэйл Гамильтон писал 17 сентября 1834 в послании к Кеннету Мак-Кензи: «Из письма господина Калберстона вы узнаете, как Вороны заставили его самого и всех служащих форта *пятнадцать дней* питаться кожаными ремнями... Этим летом Черноногие убили вождя по имени Гнилое Брюхо». Расхождения очевидны, но если говорить честно, то ничего не изменится, когда и если обнаружится, кто именно ошибался. Это не столь существенно. Важно то, что участники событий проявляли такую невнимательность. Может быть, это свойственно людям того времени?

«Что касается Черноногих, то они, выяснив численность своих врагов, собрали совет и готовы были немедленно пуститься в погоню. Но некоторые возражали, ведь Вороны оказались на чужой территории со своими семьями, то есть положение их было незавидным, поэтому драться они будут отчаянно, прольётся много крови. В результате таких размышлений Черноногие пришли к заключению, что должны обеспечить себе максимум преимуществ. Индейцы редко идут на большой риск, не надеясь на большой выигрыш. Никогда индейцы не ввязываются в крупные сражения из-за одной только жажды крови. Большой бой возможен только при гарантированном перевесе одной из сторон, при полном равновесии сил масштабная схватка никогда не состоится.

Вороны были рады уйти от хорошо вооружённого и многочисленного противника. Но едва им показалось, что они избежали опасности, Гнилое Брюхо остановил их. Вождь не испытывал ни малейшего удовлетворения. Он не выполнил ни одной из поставленных задач. Он не отомстил за Маленького Белого Медведя и не одолел белых людей в форте. Его племя было теперь в худшем положении, нежели прежде. Ему оставалось только вернуться на землю Черноногих

и пасть там в бою, чтобы смыть с себя позор. На победу он не мог надеяться.

В то самое время отряд из 20 Черноногих возвращался из глубины территории Ворон, не найдя там никого из желаемых врагов. Их обнаружили разведчики Гнилого Брюха, и вождь напал на них, убив двоих на месте. Оставшиеся Черноногие укрылись в небольшом деревянном укреплении, которые встречаются повсюду на земле Черноногих. Большинство Ворон высказались за то, чтобы не связываться с этими индейцами, ведь двоих уже убили, разве не достаточно для лёгкой славы? Но Гнилое Брюхо не согласился и в полном одиночестве помчался на притаившихся в укрытии врагов...

— Жизней двух Черноногих не достаточно, чтобы расплатиться за гибель Маленького Белого Медведя! — крикнул он.

Ему удалось пронзить одного из них копьём, но в ту же секунду ворох вражеских стрел утыкал его самого. Гнилое Брюхо упал на землю и больше не поднялся. Его люди, потрясённые увиденным, поскакали во всю прыть на Черноногих и вскоре от спрятавшихся за брёвнами индейцев никого не осталось в живых...

Следуя пожеланию Гнилого Брюха, Вороны завернули его тело в его воинскую бизонью накидку и уложили его на дереве над тем самым местом, где он погиб. Он остался лежать на земле Черноногих, чтобы внушать, по его собственному высказыванию, ужас врагам даже после смерти» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Это наиболее полная биография Гнилого Брюха. Многие авторы прибегали к материалу Денига, чтобы воспользоваться им для собственных версий, перерабатывали её, но в сущности история жизни Гнилого Брюха не становилась от этого ни богаче, ни беднее. Знаменитый Эдвард Кёртис сообщил, что в августе 1825 года, когда Абсароки заключали первый договор с правительством США, Гнилое Брюхо

занимал должность второго вождя племени. В июне 1833 года принц Максимильян был свидетелем того, как Джон Сэндфорт вручал Гнилому Брюху медаль в деревне Манданов. Этот вождь был широко известен большинству торговцев, и сообщения о его гибели занесены даже в ежедневники далёких от места его гибели фортов Кларк и Пьер.

***

«Есть одна характерная особенность у Абсароков, о которой стоит упомянуть. Это так называемые *berdeches*, иначе говоря гермафродиты. Большинство цивилизованных народов признаёт два проявления половой принадлежности — мужчины и женщины, но Вороны выделяют третий вид пола — нейтральный, если так можно выразиться. Это никак не проявляется внешне в физиологическом смысле, но определяется поведением ребёнка. Время от времени какой-нибудь мальчик в возрасте 10—12 лет вдруг прекращает играть с мальчиками и всё больше вращается в женском обществе… Если его девичьи привычки к 12—14 годам делаются устойчивыми, то родители подносят ему женское платье. С этого момента вся его жизнь должна быть посвящена женской работе. И мужчины и женщины обращаются к нему отныне как к настоящей женщине. Родители, конечно, сожалеют о таком повороте. В деревне Ворон обычно встречается пять-шесть таких существ» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Александр Генри писал в 1806 году: «Мне сообщили, что Вороны необычайно тяготеют к неестественным страстям и позволяют себе удовлетворять свою похоть с лошадьми и даже с только что убитыми дикими животными». Отец Де Смет оставил в своих письмах упоминание об одном воине-Вороне, который облачился однажды в женское платье и с тех пор придерживался женского образа жизни.

Большинство ранних наблюдателей выражали недоумение по этому поводу, ведь неприкрытое существование гомосексуальных отношений в «цивилизованном» обществе

тех времён было немыслимым. Сегодня же никого не удивляют беззастенчивое появление berdeche на публике. Эти люди стали привычны, они выступают на эстраде, собираются в своих клубах и т. д. Никто даже не задумывается над тем, какую роль они играли в жизни древних народов.

А в былые времена они считались не просто людьми, потерявшими свою естественную сексуальную ориентацию, но фигурами, наделёнными особенной силой. Лакоты называли их словом «уинкте», Шайены — «химане». Этих облачённых в женское платье людей если не страшились, то всё-таки относились к ним с осторожностью.

Каждый трансвестит жил в собственной палатке. Исключение составляли те из них, которых кто-то из воинов брал себе в жёны. Но если в Вороньем Племени к трансвеститам относились достаточно спокойно, то Лакоты непременно призывали своих детей к бдительности. Так, Железная Раковина рассказывал: «Мой отец внушал мне, как вести себя до женитьбы. В числе прочих наставлений было и указание не сближаться с уинкте. Уинкте — это мужчина, которому видение велело вести женский образ жизни, чтобы прожить долго. Такое видение приходит к нему в детстве, но в женское платье он облачается, когда достигает мужского возраста. И тогда он начинает выполнять женскую работу и вообще жить по-женски. Эти люди — хорошие шаманы и называют друг друга сёстрами. У каждого есть своя палатка, которую им ставят родители сразу после того, как уинкте вступили в первую половую связь с мужчиной. Мы считаем, что если мужчина пойдёт к уинкте и будет делать с ним то, что надо делать с женщиной, то на него падёт несчастье» (Hassrik Royal «Life and Customs of a Warrior Society»).

Индейцы часто ходили к трансвеститам и оставляли им всевозможные подарки, дабы снискать их расположение к себе. Бытовало мнение, что ребёнок, которому berdeche даст имя, никогда не будет болеть, и воины старались сделать всё, чтобы мужчина-женщина назвал их сына. Но это

относилось только к мальчикам. К трансвеститам никогда не обращались для того, чтобы получить священное имя для дочери.

Итак, гомосексуальные проявления в мужской среде были достаточно распространёнными и не вызывали ни у кого чувства недоумения. Впрочем, термин «гомосексуализм» не очень подходит к данному явлению, ибо оно в корне отличается от мужеложества в среде, скажем, армейской или тюремной, где причиной является отсутствие женщин. Если индеец выбирал путь женщины, то есть делался (по нынешним понятиям) пассивным гомосексуалистом, то за этим непременно стояло некая мистическая причина. Иными словами, дело было не в извращённой похотливости, а в указании свыше.

Что же касается лесбийской любви, то о ней не осталось никаких прямых свидетельств, хотя сегодня индеанки встречаются от случая к случаю на выступлениях американских лесбиянок в защиту своих прав. Косвенным доказательством существования лесбиянства может считаться очень редкое появление в индейской среде женщин-воинов. Но хоть эти валькирии и вели сугубо мужской образ жизни, возглавляли военные отряды, проводили священные церемонии, курили трубки и даже брали в свой дом женщин для выполнения домашней работы, об их сексуальной жизни ничего определённого сказать нельзя. И всё же Дениг не удерживается от возгласа удивления: «Не удивительная ли эта страна, где мужчины надевают на себя женское платье, а женщины превращаются в мужчин и сходятся с представительницами своего пола!» Ясно лишь одно — женщина-воин должна была подыскать себе такую подругу жизни, которой не требовался бы мужчина.

Биография Женщины Вождя, написанная Денигом в «Пяти племенах Верхнего Миссури» является ярким примером редкого продвижения женщины по воинской лестнице до самого верха. Женщины редко уходили с мужчинами

в военные походы. Если такое случалось, то на них возлагалась стряпня, починка обуви и прочие заботы по обслуживанию мужчин. Но никогда им не позволялось браться за оружие.

«Я намерен поведать историю о женщине из племени Равнинных Большебрюхих, которая в десятилетнем возрасте попала в плен к Воронам. Благодаря личному знакомству с ней в течение двенадцати, я могу изложить правдивый рассказ о ней.

Вскоре после её пленения воин, к которому она попала, стал замечать в ней проявление мужских черт характера... То ли желая позабавить её, то ли ради собственного интереса, приёмный отец стал потакать её наклонностям. Время от времени он отправлял её караулить лошадей, учил обращению с луком и стрелами, разрешая охотиться на птиц. Позже она получила в своё пользование ружьё. И будучи ещё молодой женщиной, она уже не уступала никому из мужчин ни в конной, ни в пешей охоте.

Она не меняла женскую одежду на мужскую, и облик её ничем не отличался от других девушек, разве что за спиной у неё всегда висело оружие. Ростом она была несколько выше большинства женщин и явно превосходила их физической силой. Задолго до того, как она впервые ступила на военную тропу, она прекратила общение с девушками и постоянно находилась в окружении мужчин, забавляясь их играми, участвуя в совместной охоте и на собственной спине приносила застреленных в горах коз. Она не пропускала ни одного загона диких лошадей, могла за одну охоту убить пять бизонов, расчленить их без чьей-либо помощи и доставить мясо домой.

Несмотря на свою привлекательную внешность, она не стремилась завоевать симпатии юношей. Когда же её приёмный отец погиб на войне, она взвалила на себя все обязанности главы семьи, выполняя роль отца и матери своим приёмным братьям и сёстрам.

Однажды Черноногие напали на несколько палаток Ворон, стоявших возле торгового поста. Наша героиня находилась в одной из тех палаток. Атака была внезапной. Несколько мужчин погибли, остальные спрятались вместе со своими лошадьми за стенами форта. Враги держались на достаточном удалении, чтобы не попасть под пули. Никто из осаждённых в крепости не решался выйти навстречу Черноногим, ни белые, ни Вороны. И вот эта женщина, понимавшая их язык, села верхом и выехала за ворота, чтобы переговорить с Черноногими. Все убеждали её не делать этого, но она настояла на своём. Черноногие обрадовались, увидев перед собой лёгкую добычу. Она же, приблизившись к ним на расстояние револьверного выстрела, велела им остановиться. Они не придали значения её словам, один из них выстрелил, остальные кинулись вперёд. Она без промедления подняла ружьё и свалила ближайшего из них, затем выхватила стрелы и поразила ещё двух врагов, сама не получив ни единой царапины. Оставшиеся два нападавших развернулись и ускакали к основному отряду, затем всей массой вновь бросились вперёд, чтобы разделаться с женщиной. Они выпустили целый рой пуль и стрел, но она скрылась в крепости, встреченная восторженными криками.

Этот отважный поступок поставил её в первые ряды храбрейших воинов. О ней сложили песни, и вскоре она прославилась во всём племени. Примерно год спустя она собрала немного юношей и возглавила свой первый военный отряд против Черноногих. Удача вновь сопутствовала ей. Она приблизилась к вражескому стану глубокой ночью, украла у них 70 лошадей и быстрым темпом погнала табун домой. Однако погоня настигла её отряд. Завязался жестокий бой, в результате которого Вороны умчались в сторону своего лагеря с большинством лошадей и двумя скальпами Черноногих. Одного из тех Черноногих женщина сразила и оскальпировала собственными руками. Ко второму, хоть его застрелил один из её воинов, она прикоснулась первой

стволом своего ружья, пока враг был ещё жив — подвиг, заслуживающий высочайшей оценки в глазах индейцев!

В последующие времена она провела целый ряд ещё более дерзких и успешных экспедиций. Не было ни одной схватки с её участием, где бы она не проявила своих удивительных боевых качеств. Старики утверждали, что она рождена для удивительной жизни. Её поступки подняли её на высоту, которой достигали далеко не все воины мужского пола и уж, конечно, никогда не взлетала столь высоко ни одна женщина Вороньего Племени... Она заняла своё заслуженное место на совете вождей и воинов, став третьим по важности лицом в племени из 160 палаток.

Тем временем она продолжала вести обычный образ жизни, привозя мясо и шкуры домой. Шкуры она отдавала друзьям, а мясо вялила сама с помощью детей, которых опекала. Когда ей требовались дополнительные лошади, она отправлялась к вражеским деревням и брала там нужное ей количество...

Никто из мужчин не предлагал ей пойти в жёны. Возможно, все думали, что с ней, такой самостоятельной, будет трудно управляться. И она продолжала жить незамужней. Но вскоре, осознав необходимость каким-то образом решить вопрос с женской работой (ведь она считалась воином и не могла обременять себя женскими делами), она *взяла себе жену*. Она прошла через необходимую процедуру, какая обычно требуется, чтобы купить жену. Ну не удивительная ли эта страна, где мужчины надевают на себя женское платье, а женщины превращаются в мужчин и спариваются (mate) с представительницами своего пола!

Начав организовывать таким образом домашнее хозяйство, которое изо дня в день разрасталось, она в конце концов взяла ещё трёх жён. Эта полигамия подняла её авторитет в глазах соплеменников ещё не несколько порядков и упрочило её достоинство, ведь во всех равнинных племенах успех на войне и богатство лошадьми и женщинами яв-

ляло собой главнейшую особенность в положении воина. Отныне она не знала, чего ещё она могла добиваться. Она обладала славой, богатством, влиянием.

Летом 1854 года она решила нанести дружеский визит Равнинным Большебрюхим, из которых происходила. Подписанный в 1851 году в форте Ларами договор между племенами Верхнего Миссури повлёк за собой мирное сосуществование Черноногих и Равнинных Большебрюхих, и они неоднократно посылали гонцов с мирными предложениями к Воронам и Ассинибойнам. Ассинибойны откликнулись на выражение доброй воли, и 3—4 года их отношения не омрачались войной... И вот Женщина Вождь решила поехать к Большебрюхим и высказать им слова мира... Многие старые трапперы и торговцы пытались отговорить её от этого поступка, понимая, насколько сильна была ненависть Большебрюхих по отношению к ней. Но она не желала слушать их.

Неподалёку от стойбища Равнинных Большебрюхих, возвращавшихся из форта Юнион в родные края, она увидела их большой отряд. Она смело приблизилась к ним, завязала разговор, выкурила трубку. Но едва враги выяснили, кто она такая, они приняли решение убить её на пути в их лагерь, что они и сделали, застрелив также четырёх её спутников-Ворон. Так закончился земной путь единственной Женщины Вождя» (Denig «Five Indian Tribes of the Upper Missouri»).

Изложенная Денигом история очень интересна, но сожаление вызывает тот факт, что автор, будучи знаком с Женщиной Вождём лично, не удосужился рассказать подробнее о её внешности, детальнее обрисовать её характер, манеры поведения, особенности речи и так далее. Он даже ни разу не назвал её имени! Разве это не огромное упущение? А ведь он прекрасно понимал, что она — явление уникальное! Либо он не знал её, то есть не был знаком с ней так хорошо, как утверждал, либо это надо отнести на счёт его

крайней невнимательности, которую я отмечал уже не однажды. Ну что ж, чего нет, того уже не будет. А жаль, очень жаль. Остаётся благодарить других авторов, сумевших оставить скромные, но важные описания этой редкой женщины.

Курц встретил «известную амазонку» Абсароков в форте Юнион 27 октября 1851 года. Он отметил, что она «вовсе не выглядит дикой или воинственной… Ей примерно сорок пять лет. Она отличается скромностью и скорее миролюбива, нежели таит в сердце готовность к ссоре». Курц присутствовал при сцене, когда она подарила Денигу скальп Черноногого, который Дениг позже переподарил Курцу. В другой своей книге Дениг упомянул, что какая-то женщина из племени Ассинибойнов решила последовать примеру знаменитой воительницы Вороньего Племени, но погибла в первом же своём военном походе.

Я не склонен думать, что Ассинибойнка следовала примеру женщины-воина из племени Абсароков. Надо полагать, что у неё были свои весомые причины для того, чтобы вступить на мужскую тропу войны. Об этих причинах нам, живущим далеко от тех мест и в другом времени, ничего не ведомо. Таких женщин в действительности было больше, чем знают историки; одни заслужили громкую славу в пределах своего племени, другие стали известны и соседним племенам. Но никто не добился мировой славы, ибо подвиги их на самом деле были невелики, как, скажем, Орлеанская Дева.

Так, среди Черноногих жила девушка-воительница по имени Бегущий Орёл, о которой старые индейцы вспоминали ещё в 1940 году. Первоначально её звали Коричневая Ласка, а Бегущим Орлом она стала лишь после того, как ступила на воинский путь, хотя причина возникновения этого имени до нас не дошла. Как и женщина-воин Абсароков, Коричневая Ласка с раннего детства интересовалась оружием, поэтому отец соорудил ей лук, из которого она быстро научилась стрелять. После гибели её отца девушке

досталось от него ружьё (легко можно представить её гордость — не у всякого мужчины её племени в те годы можно было увидеть огнестрельное оружие). После смерти отца она решила взвалить на себя тяготы по обеспечению своей семьи мясом — дело исключительно мужское. Нет смысла рассматривать её жизнь шаг за шагом, во многом она схожа с историей воительницы из Вороньего Племени. После какого-то очередного подвига она получила имя Бегущий Орёл. Примерно в 1850 году она погибла во время сражения с Большебрюхими. Предание гласит, что даже самый сильный воин из вражеского отряда не смог одолеть её, когда дело дошло до рукопашного боя, и враги застрелили её в спину. Насколько это соответствует истине, не имеет ни малейшего значения. Важно, что эта женщина вошла в историю племени в качестве уважаемого воина. Возможно, уважение стало даже более весомым много позже её гибели, чем было при жизни Бегущего Орла.

Стоит упомянуть и ещё об одной девушке. В сражении на Розовом Бутоне (где на одной стороне воевали солдаты генерала Крука и его индейские скауты Шошоны и Абсароки, а с другой стороны — Лакоты и Шайены) принимала участие молодая женщина по имени Тропа Бизоньего Телёнка; она была из племени Шайенов. Принято считать, что в бой она ринулась только для того, чтобы спасти своего брата, будто бы увидев, что он попал в беду. Однако индейцы скакали всю ночь, чтобы добраться от своего стойбища до ручья, где расположился бивуак кавалеристов, так что девушка вовсе не случайно очутилась в рядах индейских воинов. Она поехала сражаться. Другое дело, что она, быть может, впервые отправилась в поход, но она поехала специально. Шайены так и называют тот бой — Битва-Когда-Сестра-Спасла-Своего-Брата.

А знаменитая амазонка Апачей по имени Лосен заслуженно пользовалась не только славой воина, но и шаманки; она умела угадывать, вытянув руки перед собой, в какой

стороне находились солдаты, и тем самым избегать ловушек и ненужных столкновений. Во время сражений она стояла бок о бок с выдающимися бойцами, и все они почитали за честь быть рядом с Лосен, которая владела винтовкой не хуже любого мужчины.

Раз уж речь коснулась Апачей, не могу не привести крохотной выдержки из книги Джеймса Хэйли, так как этот фрагмент имеет прямое отношение к затронутому вопросу о «сексуальных меньшинствах» индейского сообщества и как бы подводит черту под данной темой.

«В связи с тем, что инцест и сексуальные извращения приписывались колдунам и ведьмам, гомосексуалистов, едва их выявляли, обвиняли в колдовствских чарах и обычно убивали. Однако если юноша проявлял себя странным образом, то есть держался общества женщин, предпочитал участвовать не в мальчишеских забавах, а играть с девочками, то он ещё не считался гомосексуалистом. Над ним просто подтрунивали. Когда же он пытался вступить в связь с мужчиной, его признавали опасным. Апачи чётко разграничивали, когда у человека лишь проявлялись наклонности, а когда он окончательно становился действующим гомосексуалистом. То же касалось и женщин... С другой стороны, женщина, которая бралась за мужские дела, никогда не осуждалась. Если она умела крепко сидеть в седле, метко стрелять из лука и быстро бегать, это характеризовало её только с положительной стороны. Это означало, что у неё было гораздо больше преимуществ перед своими соплеменницами и увеличивало её шансы на выживание. Она уже не была столь зависима от мужа и его родственников. Но в редких случаях женщина принимала участие в войне наравне с мужчинами. Это происходило, когда она обладала особой силой. На память сразу приходит Лосен, незамужняя сестра вождя Викторио. Но такой образ жизни обусловливался духовными причинами, а не сексуальными» (James Haley «Apaches: History and Culture Portrait»).

Так что женщины, вставшие на мужскую тропу, встречались время от времени, но на одно поколение каждого племени их не бывало более одного человека, чего не скажешь о мужчинах, превратившихся в женщин.

Согласно психологии североамериканских индейцев, каждый мужчина должен был проявлять присущие воину качества. Но в Вороньем Племени нередко появлялись люди, отличавшиеся полным безрассудством на поле боя, с которым не мог тягаться никто. Это были люди, потерявшие по той или иной причине всякий интерес к жизни и искавшие смерти. Они называли себя Безумными Псами. Некоторые особенности их поведения напоминали Хейоков и Перевёртышей (contraries). «Надев свой особенный костюм, прихватив необходимую регалию и крича свою песню, такой человек говорил абсолютно обратное тому, что он имел в виду, и рассчитывал, что его собеседники будут общаться с ним таким же образом. Так, например, чтобы он исполнил танец, нужно было попросить его воздержаться от пляски. Этим поведением индеец давал всем знать, что он превратился в Безумного Пса (мичгье-уара-ксе) и намеревался погибнуть от вражеской руки в текущем году. Безумные Псы пользовались безграничным уважением соплеменников. Но тот из них, кто вдруг менял своё решение или проявлял трусость, становился презреннейшим из живых тварей. Вместе с тем Абсароки никогда не позорили тех из Безумных Псов, кто по независящим от него причинам не сумел выполнить своего обещания сгинуть в бою, хотя и пытался сделать это. Такой воин имел право вновь объявить себя Безумным Псом ещё на один год» (Lowie «Literature, Language and Aesthetics»).

Причин для того, чтобы сделаться Безумным Псом, было множество. Лоуи рассказывает об индейце, который пришёл в негодование от несправедливого распределения продуктов в резервациях правительством США и объявил себя Безумным Псом, а Крапчатый Заяц вступил в ряды этих

странных воинов, огорчившись смертью своего отчима. Обычно в племени насчитывалось одновременно два-три Безумных Пса. Один Рог, чьей информацией Лоуи пользовался часто, вспоминал, что в его бытность он видел как-то в своей деревне сразу пять Безумных Псов, но это крайне редкий случай.

В статье «Литературный стиль Вороньего Племени» Лоуи излагает несколько историй Безумных Псов, из которых я приведу для примера лишь одну в сокращённом виде. Её поведал в 1907 году индеец по имени Нет-Берцовой-Кости.

«В Старом Агентстве распределялись товары. Люди сидели в ожидании перед разложенными вещами, когда появился юноша на коне. Он был завёрнут в одеяло, прижимая его рукой к животу, и стучал кнутом, будто погремушкой. Он въехал в лагерный круг, и это был первый раз, когда я увидел Безумного Пса. Он затянул свою песню, и люди принялись спрашивать: „Кто это?“ Колено юноши сильно распухло, он был ранен... Затем он уехал, и некоторое время никто не видел его. Как-то вечером он облачился в парадную одежду и появился перед народом. Мы все встретили его с воодушевлением. Что касается его погремушки, то он сделал её из консервной банки из-под муки, насыпав внутрь бусы. Она здорово шумела... Его лошадь была сплошь увешана шкурами пойманных им зверей. В его руке покоилось лежавшее поперёк седла ружьё... Он сплёл маленькие косички над лбом и привесил к ушам сделанные собственными руками серьги из раковин, шею он украсил ожерельем. Мы все увидели его, и он нам всем понравился. Проезжая по стойбищу, он пел песню и тряс погремушкой... Он остановился перед чьей-то палаткой, и мужчина сказал ему: „Не танцуй!“. И тогда барабанщик юноши принялся петь, стуча в барабан. Юноша начал плясать. „Я хочу умереть, я устрою себе испытание! Вскоре я узнаю, получится ли это у меня!“ Он выстрелил себе в ступню. Мне рассказывали, что при этом он воскликнул радостно: „Всё получится!“

Женщины выказывали ему огромную симпатию. Он плясал каждый вечер. Когда племя переезжало с места на место, он пел. Когда лагерь стоял на месте, он ходил между жилищ и пел. Старухи усердно подбадривали его. Ночами он не прекращал своих песен. Когда мужчины отправились охотиться на бизонов, они позвали этого юношу в качестве охотничьей собаки. Он надел пышный убор со шлейфом и помчался вперёд… На следующее утро возле деревни появились враги. Несколько молодых воинов Вороньего Племени бросились на противника, пока остальные рыли траншеи. Безумный Пёс поспешил туда. Он доскакал до края оборонительных работ и там был застрелен. Сразу после того начался проливной дождь. Безумный Пёс пролежал в воде всю ночь до самого рассвета. Утром мы нашли его в огромной луже. Его завернули в шкуру, уложили на лошадь и доставили в стойбище. Все очень много плакали. Потом установили шесты и водрузили на них мёртвое тело Безумного Пса. Рядом поставили длинную палку и привязали к ней его шлейф. Вот как погиб тот юноша».

Обычно всех, кто выделялся ненормальным поведением из общей массы людей, в литературе называют клоунами (clowns) и, следовательно, сваливают в «одну кучу». Между тем, общая схожесть в поведении Безумных Псов Абсароков, Пожирателей Экскрементов Апачей или, скажем, Перевёртышей Шайенов не делает их последователями какого-то единого религиозного течения или представителями одного и того же воинского братства. Если сравнить Безумных Псов Абсароков хотя бы с Перевёртышами (Воины Наоборот) Шайенов, то сразу же станет очевидным огромное различие. Безумные Псы всегда одиночки, в то время как Перевёртыши представляют собой военную организацию, причём сильно отличную от других. Иногда Перевёртыши называли себя Воинами Тетивы, что связано с наличием в их регалии особого оружия, которое представляет собой большой лук, на одном из концов которого приделан длинный наконечник от копья.

Эти луки нередко называются копьевыми луками. Такие луки почти никогда не применялись в бою, служа в большей степени знаком принадлежности воина к конкретному обществу. Надо заметить, что Перевёртыши совершали гораздо чаще ненормальные действия, чем Безумные Псы, почти каждый шаг Перевёртышей был вывернут наизнанку: они не только говорили «да» вместо «нет» и на всякую просьбу отвечали противоположным действием, но даже в бою нередко сидели на коне задом-наперёд и свой громадный копьевой лук перекладывали из руки в руку не перед собой, а непременно за спиной (что, мягко говоря, весьма неудобно). Кстати сказать, этот лук был очень тугим, настолько тугим, что при снятой с него тетиве он распрямлялся и превращался в настоящее копьё. Этот лук Перевёртыши носили с собой повсюду и считали его священным. Никто из членов общества Перевёртышей не имел жены. Для этих воинов всегда готовилась отдельная пища, ни один из них не позволял себе кушать из общего котла. Даже если Перевёртыш присутствовал на сходке воинов из разных обществ или на собрании военных вождей, где не было женщин, он всё равно ел отдельно от всех и только специально для него приготовленную пищу. Перевёртыши — люди особые, люди сложные, почти священные. Возвращаясь к особому их поведению в бою, хочу отметить, что сложные манипуляции со своим копьевым луком были, надо полагать, не просто трюком, а демонстрацией своего воинского искусства. Ведь если человек умел мчаться на коне во весь опор, сидя задом-наперёд и перебрасывая своё оружие за спиной из руки в руку, то обычное метание копья или стрельба из лука было для него делом вовсе уж пустяковым. Впрочем, задом-наперёд они сражались редко — это всё же очень затрудняет действия даже самого ловкого человека. Что же до их мастерства в битве, то Перевёртыши стремились в бой, когда другие воины отступали. Если же они мчались на врага одновременно с другими соплеменниками, то перед Перевёртышами никому не раз-

решалось скакать — это считалось дурным знаком для всех. Перевёртыши всегда дрались на обособленном пространстве, хотя лично мне трудно представить, каким образом индейцам удавалось соблюдать границы этого пространства в горячке боя. Шайены утверждают, что Перевёртыши возвращались из любой битвы не иначе как победителями. Если не победа, то смерть — иного они не признавали. Обыкновенно Перевёртыши отправлялись драться, раздевшись донага и выкрасившись в алый цвет. Свои головы они украшали чучелом совы-сипухи.

Сегодня принято говорить, что в ряды Перевёртышей допускались лишь те мужчины, которых посетили (в их видениях) Громовые Существа. Возможно, в этом есть доля истины, но скорее всего эта особенность заимствована Шайенами у Дакотов, среди которых встречаются люди, называемые Хейоками. Хейоки также очень многое делали наоборот — в жару кутались в тёплые одежды, в холод раздевались донага, говорили «да» вместо «нет» и т. п. Хейоки считались священными людьми по той причине, что исповедовали культ Хейоки — существа крохотного, но могущественного (именно это существо, обитающее где-то под землёй делает всё наоборот, поэтому и живёд не на земле, а под землёй). И только тот может присоединиться к культу Хейоки, кто видел Громовых Существ. Здесь уместно вспомнить уже приводимый ранее фрагмент из книги М. Мид о том, как она исследовала культуру племени Омаха: «Каждый волен утверждать, будто он имеет видения, и требовать власти, право на которую они ему дают. У Омахов членство в религиозных сообществах определялось наследственными правами на тайное знание. Когда те, кто не имел наследственных прав на видения, постились и выдвигали свои притязания, им говорили, что их видение ложно». У Шайенов, Дакотов и Абсароков тайные знания, в отличие от Омахов, не давали никакой реальной власти, но уважения они людям добавляли, об этом свидетельству-

ет история. Что же до видений, то их могло и не быть, но в таком случае, человек, ставший на путь Хейоки, не получал реальных сверхъестественных способностей; он мог бы дурить головы своим соплеменникам сколько угодно, но проявить себя не сумел бы никак. Так что положение Хейоки основывалось не на его заверениях в том, что к нему приходили Громовые Существа, а на том, что он обладал реальной силой, полученной от них.

Дакотские Хейоки не объединялись ни в какое общество, подобно Перевёртышам, а действовали сами по себе (точнее — по указаниям Громовых Существ). Более того, нередки были случаи, когда сам человек не желал становиться Хейокой, но его принуждали к этому невидимые Силы. Если человек, внутренне не готовый к тому, чтобы стать на путь Хейоки, отказывался служить Силе, тогда ему посылалось предупреждение, а затем (в случае его упорствования) человек погибал. Так что служение Громовым Существам было не проявлением собственного желания, а выполнением воли, продиктованной свыше, чего не скажешь о Безумных Псах Абсароков.

Помимо этого, на путь Хейоки могли стать как мужчины, так и женщины. Перевёртышами могли быть исключительно мужчины, Безумными Псами — тоже. Следовательно, различий между всевозможными «клоунами» настолько много, что даже беглый взгляд позволяет увидеть их.

В заключение приведу короткую историю из книги Уоллеса «Канадские Дакоты», которая представляет собой сборник индейских рассказов о жизни Хейоков (Уоллис называет их по какой-то ему одному ведомой причине Глупыми Клоунами): «Женщине привиделся во сне Глупый Клоун и велел ей устроить пиршество в честь Громовых Существ. Женщина не смогла выполнить указания сна, так как её муж не позволил ей. Она сильно испугалась, ведь её неповиновение сну могло иметь ужасные последствия. Но муж сказал, что женщине вряд ли мог привидеться такой важный сон,

так что у неё не было оснований бояться гнева Глупого Клоуна. Во время каждой грозы женщина спешила сообщить мужу о своих страхах. Но он лишь смеялся над ней, повторяя, что она никогда не была шаманкой, так что Гром не будет наказывать её за то, что она не выполнила указание сна. Но она боялась, когда слышала грозу над головой. Она очень хотела устроить пиршество в честь Громовых Существ. Она снова и снова повторяла мужу, что ей было велено устроить пир в честь Громовых Существ и что она не желала умирать из-за того, что не выполнит этого. И вот однажды снова пришла гроза, женщина горько заплакала и стала кричать, что это Громовые Существа пришли наказать её, если она не пообещает устроить пиршество. Муж только ухмыльнулся. А гроза приближалась. Такой ужасной грозы не припоминал никто из племени. Несчастная женщина закричала мужу, что она непременно должна устроить пиршество и исполнить священный танец назавтра. Она продолжала плакать и даже сказала, что готова умереть, если муж не позволит ей исполнить указание сна. Он упорствовал и в который раз ответил жене отказом. Тогда она набросила на себя покрывало и выбежала из палатки. Она не прошла и двадцати шагов, как молния ударила в неё три или четыре раза. Муж кинулся к жене и принёс домой её бездыханное тело. Прибежали люди и стали расспрашивать его, говорила ли ему жена о том, что она должна была провести какую-то церемонию. Он сказал, что она хотела устроить пиршество Клоуна. Тогда они спросили его, почему он не разрешил ей сделать это. Он ответил, что не поверил ей, полагая, что она просто шутила, ведь он никогда не слышал, чтобы женщина проводила церемонию Клоуна».

Июнь 1997—июль 1998

ОГЛАВЛЕНИЕ

Андрей Ветер

Воспевающие битву

Скальпы, лошади, женщины

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero